

АБДУЛЛАБЕКОВА ГЮЛЯР ГАСАН ГЫЗЫ

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БАКУ – 2010

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ
БАКИНСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

АБДУЛЛАБЕКОВА ГЮЛЯР ГАСАН гызы

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

**Утверждено решением Научно-мето-
дического совета Министерства обра-
зования Азербайджанской Респуб-
лики от 21.11.2009 года (протокол № 12)**

БАКУ – 2010

Научный редактор:

доктор филологических наук,
профессор В.Арзуманлы

Рецензенты:

доцент Е.М.Теер
Мачей Рончка
(Краковский Университет, Польша)

Абдуллабекова Гюляр Гасан гызы. Современная польская литература. Учебное пособие. БСУ, 2010, 279 с.

Учебное пособие доктора филологических наук Г.Г.Абдуллабековой содержит анализ литературного процесса Польше XXI века.

Автором рассмотрены наиболее важные моменты литературного процесса: специфика художественного творчества, образность видов художественного обобщения, направления, течения в современной польской литературе, этапы развития литературного процесса. Автор рассматривает вопросы модернизма и постмодернизма в современной польской литературе, а также судьбы романтизма и реализма.

В пособии широко использованы последние достижения истории польской литературы и литературной критики.

Пособие предназначено для студентов-славистов, полонистов, обучающихся в БСУ и на филологических факультетах университетов.

Работа выполнена в отделе зарубежной литературы и литературных связей Института Литературы им. Низами Национальной Академии Наук Азербайджана.

Автор выражает глубокую благодарность ректору БСУ члену-корреспонденту НАНА, д.ф.н., профессору К.М.Абдуллаеву за помощь в подготовке настоящего учебного пособия к печати.

А $\frac{4306010000}{AB\ 003035}$ 011-10

© Bakı Slavyan Universiteti, "Kitab aləmi" Nəşriyyat-Poliqrafiya Mərkəzi - 2010

ГЛАВА I

ЛИТЕРАТУРА НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛЬШИ (1918-1939) “MŁODA POLSKA”(«МОЛОДАЯ ПОЛЬША»)

Чем больше мы приближаемся к современному периоду, тем труднее представить и разобраться в противоречивых направлениях, формирующих культурную жизнь Европы в эпоху, которая с различных, многочисленных точек зрения еще не была закончена. Европа конца XIX века еще радовалась миру и спокойствию, благополучию, но под поверхностью развивающегося капитализма уже действовали деструктивные силы. Мы попытаемся разобраться в загадке, которой является генезис нового подхода к действительности и искусству, появившийся одновременно в различных европейских странах, независимо от существующих между ними различий в экономическом и общественном развитии.

Даже если мы будем говорить о «взаимном заражении» или о «естественном росте» на родной почве, фактом останется то, что и во Франции и в Германии, и в Польше и в России в одно и тоже время зародились подобные, похожие на друга тенденции.

Поделенная Польша¹ находилась под воздействием трех различных ритмов, влияний, идущих из трех различных столиц: Вены, Петербурга и Берлина. А ведь именно в литературе ей удавалось объединить космополитические воздействия с собственным литературным и историческим прошлым и, таким образом, создавать нечто специфическое и оригинальное. Космополитизм-это самое подходящее слово в данной ситуации, т.к. европейская культура в эпоху, когда ещё путешествовали

---

¹ Известно, что Речь Посполита - Польша была разделена трижды: I раздел в 1772 году-между Пруссией, Австрией и Россией; II раздел в 1793 году-между Пруссией и Россией; III раздел в 1795 году между Пруссией, Австрией и Россией, после которого Польша исчезла с карты, перестала существовать как государство.

без паспортов, воспринималось как единое целое, а молодежь, будь то французы, поляки или русские корпели над теми же самыми латинскими и греческими классиками, читали тех же самых немецких философов и французских поэтов.

Современная польская литература начинается одновременно с поколением, которое в молодом возрасте заявило о себе около 1890 года. Термин «Młoda Polska» (Молодая Польша) вошел в литературный обиход относительно к некоторым защитникам этого поколения только в 1898 году.

Перед этой датой использовались различные названия, такие как «декаденты» или «модернисты».

Польские исследователи литературы соглашаются с тем, что термин «Młoda Polska» созданный также и в других странах Европы: «Młoda Skandynavia», «Młodych Miemieć» (Молодая Скандинавия, Молодая Германия) определяет это новое явление лучше, чем какой-бы то ни было другой термин, оканчивающийся на изм с точки зрения неясности последнего.

Как множество других литератур, современная польская литература представляет собой продолжение поисков начатых в 1890 году.

Можно сказать, что 1885 год означает поворот к романтическому бунту после двадцатилетнего перерыва, преисполненного наивной веры в неограниченный прогресс мещанского общества.

Новое движение было в Европе представлено богемой. Взбунтовавшиеся молодые французы не признавали никаких программ, принимали только нигилизм, отрицание. Они боролись против признанного искусства и литературы, провозглашали конец поэзии Парнаса и натурализма в прозе, входили в союз с анархистами в политике. Все, что происходило во Франции, было унаследовано поляками, здешних бунтарей против утилитарных идеалов позитивизма сразу стали называть «декадентами». Слово это достаточно неясное для того, чтобы понять смысл этих безпрограммных перемен, которые происхо-

дили. Таким же неточным является слово «символизм». «Символистичной» с 1886 года во Франции называли поэзию тех, которые обожали Шарля Бодлера, Рембо, Верлена, Малларме. И, именно, в 1886 году начал издаваться журнал, «Le Symboliste» Жаном Морисом и Густавом Канном. Символизм, если придерживаться определения, данного ему во Франции, определяющий не мастеров, а маленьких поэтов, если верить французским историкам литературы, закончился в 1900 году.

В широком смысле символистами можно назвать большое число поэтов, пишущих в XIX и XX веках. Новое осознание значения символизма в поэзии идет от Бодлера, который в свою очередь, этот термин позаимствовал у Эммануила Сведенборга. В польской литературе, несмотря на то, что можно встретить символистов, - писал в этом широком понятии, мы не найдем манифестов пропагандирующих символизм.

Если бы декаданс и символизм были бы единственными этикетками, определяющими этот хаос в развитии культуры в Польше, все было бы гораздо проще. Наряду с ними в борьбе за первенство выступали и другие измы, такие как натурализм и импрессионизм. Натурализм, получивший право на короткую жизнь, как метод был использован Эмилем Золя в его повести, как предмет подчиненный биологическому и общественному фатализму. Под его воздействием появилась многочисленная литература полная жестокости и жалости. Влияние натурализма в Польше можно заметить только в конце XIX века. Как литературный прием натурализм развивался одновременно с импрессионизмом.

К числу первых писателей, стоящих у истоков «Młodej Polski» можно отнести Зенона Пшемьского (литературный псевдоним Мириам) это личность, полная энергии, в центре интересов, которой была, прежде всего, поэзия и философия. Уже в 1887 году он стал издавать литературный журнал «Zycie» (Жизнь) в котором были опубликованы статьи таких «диких» (по тем временам) поэтов как Эдгар Аллан По, Бодлер,

Верлен, Свинборн. В 1892 году З.Пшемьски переводит «Пьяный корабль» Артура Рембо и публикует в своем журнале и этим, как бы способствует созданию нового литературного мифа, наряду с мифом Бодлера, который был особенно характерен для того времени и для того поколения.

Эдвард Порембович-ученый с 1880 специализировался в области романских языков и издавал великолепные переводы провансальской поэзии. Его переводы народных кельтских, германских и скандинавских песен послужили богатым материалом для двух великолепных польских поэтов Болеслава Лесьмяна, Антони Ланга. Эдвард Порембович и сам отличался поэтическими способностями, в соавторстве с Зофьей Пшене-чаковской он перевел «Цветы зла» Бодлера на польский язык и издал их в конце века под названием «Цветы греха».

Польские литературные критики активно популяризировали пьесы нового направления, насыщенные многочисленными символами, в особенности пьесы Белга, Маурицио Метер-линка, (последнего критик Матушевский называл Шекспиром). В Польше можно было заметить большое число последователей Хенрика Ибсена.

В 1897-1900 годы в Кракове издавался журнал также под названием «Zycie» (Жизнь), который объединял как теоретиков, так и практиков «Młodej Polski», следует отметить, что именно в этом журнале впервые было определено и опубликовано название нового литературного направления —«Młoda Polska».

Позже в 1901-1907 годах другое великолепное издание-журнал «Chimera» (Химера, Фантазия) издаваемый Зеноном Пшесмыцким-был главным пропагандистом победоносных идей «Młodej Polski».

В польской культуре того периода явно замечался кризис научного мировоззрения, интеллигенция искала пути выхода из этого кризиса у философов, дающих им эту надежду. Отсюда усиленный интерес в Польше в конце XIX века начале XX века к Артуру Шопенгауэру и Фридриху Ницше: первый помогал

интеллектуалам вырваться из адского круга непоколебимого детерминизма, а второй убеждал в том, что индивидуум это самодостаточное естество, создающее ценности во всем мире лишенном метафизической санкции. Польские читатели впервые познакомились с Ницше благодаря известному в то время датскому критику Георгу Брандесу, которого переводили на польский и упоминали в книгах посвященных этой стране¹. И, наконец, поляк Станислав Пшибышевский, который еще в 1892 переводил и распространял труды отмеченного философа.

В 1905-1907 годах М.Пшевуска под влиянием Ницше издает свои философские труды.

Следует отметить, что социалистическое движение несло в польскую интеллектуальную среду поверхностный, а иногда и более глубокий интерес к творчеству Феербаха, Маркса и Энгельса.

По мнению Чеслава Милоша-выдающегося польского ученого, критика, поэта в начале XX века довольно трудно было проследить проникновение русской мысли в польскую интеллектуальную среду. Это влияние ограничивалось той частью Польши, которая была оккупирована Россией, т.к. поляки находящиеся под австрийской и немецкой оккупацией, естественно, не знали русского языка и, если и читали Достоевского то в переводах на немецкий язык. Мало того, если даже существовала какая-то близость с этим народом, мало кто из поляков признался бы в этом, т.к. существовал неписанный кодекс сохранения, национального выживания. Однако встречались редкие исключения, так известный польский критик Станислав Бжозовский был захвачен русской литературой настолько, что прослеживал все новые издания в России до самой своей смерти, т.е. до 1911 года. Другой польский ученый-Мариан Здзеховский, сторонник пессимистической философии Шопенгауэра, считал пессимизм необходимым условием для возрождения христианской религии и чувствовал кровную близость с

---

¹ см. Olia Hansson. *Młoda Skandynawia*. Warszawa, 1893 rok.

русским философом Владимиром Соловьевым, которым восхищался.

Помимо отмеченных выше влияний и заимствований извне в Польше культуру и литературу формировали также национальные традиции и существующая в стране обстановка.

Так, достаточно трезво мыслящий Болеслав Прус, относящийся к своему народу бережно и с большой любовью, упорно отстаивал надежду на постепенное улучшение, изменение положения в стране, однако молодежь эти надежды отрицала. Колесо истории повернулось вспять, к романтическим мечтам о независимости революции. Наступил 1905 год, потрясший царскую империю русско-японской войной. Эта дата была ключевой для “Młodej Polski”: было объявлено о слабости царского самодержавия, об ослаблении царской цензуры в Варшаве, национальная независимость перестала быть далекой, несбыточной мечтой.

“Młoda Polska” дала новую интерпретацию Великим Романтикам и несколько изменила последовательность придаваемого им значения. Так, Ю.Словацкий (в своей поздней мистической фазе творческого развития) стал поэтом номер один для “Młodej Polski”. Как парадокс, нам хотелось бы вспомнить здесь Феликса Дзержинского (1877-1926) революционера-борца, члена социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (SDPKiL), которого Ленин сделал своей правой рукой. Именно, Дзержинский создал мощный полицейский аппарат в современной истории, называемый ЧК, и, именно он имел привычку декламировать на память стих за стихом «Короля-Духа» Юлиуша Словацкого. Другой социалист, член Польской Социалистической Партии (PPS) - создатель и глава независимого польского государства в 1918 году Юзеф Пилсудский имел те же самые склонности.

В центре интересов “Młodej Polski” была проблема религии, иными словами, творческая молодежь переживала религиозный кризис. Религиозная вера людей, пропитанных научным,

эволюционным мировоззрением была ослаблена. Вселенная представлялась им самодовлеющим механизмом, в котором не было места жалости и сочувствию. Они со страшной силой обвиняли Бога, их злоба и жестокость напоминала возрождение байронического бунта.

Представители “Młodej Polski”, также как их французские коллеги описывали деградацию европейского общества. Они выражали протест против банальной и лишенной смысла жизни существа, которое называлось «филистер»или «буржуа» (позже, как известно, это название людей данного класса сменилось словом «аппаратчик» или «бюрократ».

Представители “Młodej Polski” начали отделяться, избегать окружающей их жизни в поисках непреходящих ценностей.

Какие же это были ценности? Основной идеей “Młodej Polski” была идея художника, который входит в контакт со смутной сутью действительности и, в определенном смысле, спасает всех тех, которые не осмеливаются проникнуть глубже, отягощенные бременем ежедневного труда.

Искусство, которое создает ценности в мире лишенном их стало главной идеей “Młodej Polski”, неслучайно музыку они считали высшим искусством, лучше всего выражающим то, что выразить невозможно. В 1890-1900 годы представителями “Młodej Polski” были созданы стихи, связанные мечтами о нирване, посвященные Смерти, экзистенциальной направленности.

Критики принимали эту поэзию с возмущением и иронией, критики-марксисты, которые уже начинали появляться в конце века, стремились представить образец художника, как какого-то сверхчеловека, возвышающегося над массами, управляющего обществом и, именно на художника, по их мнению, будут возложены общественные обязанности.

Однако победителем из этого спора вышла “Młoda Polska”, искусство, считали они, не должно замыкаться в «башне из слоновой кости», оно должно использовать все народное на-

следие, возродить народный дух для возвращения его общест-венности.

К числу самых талантливых представителей этой группы можно отнести Станислава Пшибышевского, Зенона Мириама Пшесмыцкого, из поэтов Антонии Ланга, Вацлава Ролич-Ледера, Казимежа Тетмайера, Яна Каспровича, Марию Коморницку, Леопольда Стаффа, Болеслава Лесьмяна, Станислава Выспяньского, Стефана Жеромского, названного «совестью польской литературы», Станислава Реймонта и других.

Война 1914-1918 годов, в которую были втянуты поляки в рядах российской, австрийской и немецкой армии, стрелявшие друг друга, в результате, оказалась счастливой для Польши. Россия была погружена в революционный хаос, Германия повергнута, габсбургская империя распалась. Небольшой зародыш польских военных сил созданный в 1914 году в Кракове Юзефом Пилсудским разросся в армию, которая заняла территории занятые оккупантами. Пилсудский, профессиональный революционер и социалист, выделился своими бравурными налетами на поезда, ведущие царские деньги, а также как издатель «Robotnika» (Рабочий) подпольного органа Польской социалистической партии. Два года он находился в ссылке в Сибири, по возвращению вновь начал свою революционную деятельность. По сути своей Ю.Пилсудский не был марксистом, родившийся в Литве, в наследственной усадьбе родителей он воспитывался в духе верности памяти бойцов 1863 года, главной целью Пилсудского было освобождение страны, его родины Польши. Этот человек, наделенный магнетической силой врожденного вождя, притягивал к себе всю имеющуюся в стране энергию, которая до этого находила выход единственно в литературе. Пилсудским в кратчайшие сроки было создано профессиональное войско, а сам он стал символом национальной независимости, и, впоследствии, главой независимого польского государства.

Литература выражала радость и даже эйфорию, вызванную долгожданной независимостью государства. В возрожденной стране появились естественные условия для всестороннего развития культуры и литературы. В 1920 году при активном участии Стефана Жеромского был организован Союз Польских писателей, а в 1924 году создана польская секция Pen-Cluba, представляющая польскую литературу на международной арене.

Важную роль в межвоенный период сыграли писатели «Młodej Polski»: С.Жеромский, С.Пшибышевский, В.Берент, А.Струг, З.Налковска в поэзии Я.Каспрович, В.Лесьмян, Л.Стафф.

Активно развивается в это время поэзия, основанная на литературных традициях, использующая различные стили и художественные методы.

Самой известной в тот период литературной группой была «Skamander». Чеслав Милош, художественная программа которого находилась в оппозиции к скамандритам, спустя много лет так характеризовал сущность этой группы: «Никогда еще не было такой прекрасной плеяды»¹. К этому можно добавить: плеяды поэтов, творчество которых сегодня составляет классику польской литературы XX века. Окончательное формирование группы произошло на рубеже 1919 и 1920 годов. В декабре 1919 года поэты впервые выступили под названием «Skamander» а в январе 1920 года был издан первый номер журнала. Название литературной группы было позаимствовано непосредственно из пьесы Станислава Wyspiańskiego «Akropolis» (Акрополь), в античной географии Skamander – называлась река воды которой омывали древнюю Трою, упоминаемую в «Илиаде» Гомера. Выбор названия навечно вписанного в историю средиземноморской культуры доказывает уважение молодых поэтов к традициям и их желание обращаться к достижениям прошлого.

«Великую пятерицу» Skamandra составляли:

---

¹ см. Cz. Miłosz. Traktat poetycki. Warszawa, 1957.

Юлиан Тувим, Казимеж Вежинский, Ярослав Ивашкевич, Ян Лехонь и Антони Слонимский. Своим духовным лидером скамандриты считали Леопольда Стаффа-поэта-классика, провозглашающего в своем творчестве горацянские и францисканские девизы-лозунги¹.

В круг «Skamandra» входили также Казимежа Иллаковичуна, Мария Павликовска-Ясножевска, Юзеф Виттлин и Ежи Леберт. «Skamander» издавался нерегулярно с 1920 до 1928 год редактором его был Мечислав Грыдзевски.

Издание журнала возобновилось в 1935-1939 году. Скамандриты сотрудничали с такими серьезными межвоенными журналами как “Wiadososci Literacki” и “Cyrulik Warszawski” (Литературные ведомости и Варшавский цирюльник). «Skamander» был творческой группой, не имеющей литературных программ, ее поэты не создавали ни собственных художественных манифестов, ни теорий объясняющих сущность их поэтического творчества. Во «Вступительном слове» первого номера журнала они следующим образом объясняли свое неприятие, каких бы то ни было программ:

«Мы не выступаем с программами, т.к. программы это всегда движение вспять, раздел между жизнью непредвиденной и известной. Можно принять программу воскресной поездки за город, но кто сумеет сказать, какая была программа Колумба, ведущего свои корабли по бледным звездам, чтобы вне программы открыть Америку. Чего иного можно ждать от Колумбов, отправляющихся в плавание в неизвестные моря и именно поэтому мы, неведающие о том, куда поведут нас завтра непослушные ноги, не создаем программ. Мир перед нами! Это и есть программа пути Колумбов. Мир и мы и все это для нас в полном хаотическом состоянии, мы знаем наверняка, что за углом, каждого нас ждет приключение и сказка, и мы чувствуем, что в больших городах и тихих деревушках полно наших близких незнакомых, с которыми мы можем столкнуться в любую

---

¹ Имеется в виду античный поэт Гораций и религиозные учения францисканцев.

минуту. А каждая новая встреча, это новый поворот дороги, новые, невиданные доселе пейзажи, на которые мы не хотим закрывать глаза... ради программы. Мы не можем сказать, куда мы идем и какова цель нашего путешествия, но одно знаем точно: откуда мы идем, какой есть наша вера, ведущая нас через моря колумбов.

Мы глубоко верим в сегодняшний день(...) хотим быть поэтами сегодняшнего дня и в этом вся наша вера и вся наша «программа». Нас не искушает проповедничество, мы не стремимся никого изменять, мы хотим покорять, увлекать, зажигать сердца людей, хотим быть их улыбкой и плачем, хотим быть поэтами, теми удивительными существами, которые на мерцающей поверхности жизни открывают бездонную глубину, а в яркой игре красок, звуков и форм видят выражение наиболее недоступных и невыразимых истин.

Мы даже глубоко уверены в том, что величие искусства не в темах, а в формах какими оно выражается, в этой легчайшей и неуловимой игре красок и слов, которая тяжелые переживания превращает в произведение искусства... Мы хотим быть добросовестными тружениками и мечтаем о том, чтобы нас видели такими, людьми, овладевшими своим поэтическим ремеслом и выполняющих его в границах своих сил, безупречно. Мы чувствуем ответственность, верим в божественное происхождение ритма, верим в послания духа божьего на душу, верим, что только дорогой добросовестного творчества мы можем построить храм нового искусства, о котором мы мечтаем, храм в котором объединяются вершины с долинами, мы разбудим песню, которая будет перелетать из уст в уста, от сердца к сердцу как добрая весть, как радостное приветствие нового утра. Мы не хотим высоких слов, хотим высокую поэзию, только тогда каждое слово станет высоким»¹.

Скамандриты, как видно из их манифеста, не создали поэтической программы, однако их творчество, особенно в пер-

---

¹ см. Jadwiga Zacharska. Skamander. Biblioteka "Polonistyki". Warszawa, 1977, s. 104-108.

вые годы существования группы, позволяют заметить общность идейно-художественных убеждений.

Поэзия скамандритов характеризуется, прежде всего, обращением к повседневным проблемам и делам обычного «серого» человека. Герой произведений скамандритов человек с улицы, из толпы «из повседневности». Новой концепции лирического субъекта сопутствует совершенно иной круг тем. В поэзию входит обычность, повседневность. Лирика молодых скамандритов выражает радостный восторг жизнью, как биологической ценностью, миром в его ежедневной форме.

Необычность этой группы определялась талантом каждого из поэтов. Сегодня их творчество составляет классику польской литературы.

Ценность поэзии скамандритов и неразрывная творческая связь объединяющая «великую пятерицу» была основана, в первую очередь, и, главным образом, на их художественной, творческой разнородности.

К началу 1930 года радостный, эйфорический тон польской литературы исчезает. Экономический кризис, нарушения конституции «полковниками», стоящими у власти, пропаганда антисемитизма, предвешание «ночей длинных ножей» (К.И.Галчинский), со временем привели к приходу к власти Гитлера в соседней Германии. Писателей стали привлекать публикации марксистского характера, небольшое число творческих личностей доверительно относилось к Сталину. Коммунистическая партия Польши, считающаяся в стране агентурой чужой страны и поэтому нелегальная, в Москве также принималась неодобрительно, особенно, после попыток приспособления деятельности к специфическим местным условиям.

В 1938 году руководители партии были вызваны в Москву и там, по приказу Сталина, уничтожены, а вся партия была распущена по причине того, что ее возглавляли предатели.

В интеллектуальных кругах польской общественности преобладало в этот период ощущение бессилия и чувство неиз-

бежности европейской катастрофы. И потому, нет ничего удивительного в том, что польская литература 30-х годов определялась апокалипсическими либо висельно-ужасающими привидениями.

Осенью 1939 года закончился короткий период независимости Речи Посполитой. Едва только одно поколение поляков, рожденных в независимой стране достигло зрелости; с трудом организованная хозяйственная, общественная и политическая реальность молодого государства вновь подверглась уничтожению.

Драма польского народа в военные годы представляется особенно мучительной, т.к. беспощадная политика не только не сделала возможным в сентябре 1939 года сохранение независимости, государственности, но и после 1945 года ее восстановление.

II Мировая война началась для поляков дважды: 1 сентября нападением фашистской Германии и 17 сентября-Коммунистического Советского Союза. В огне двух тоталитарных систем, поделенная пактом Молотов-Рибентроп, подверженная массовому уничтожению и преступлениям геноцида, Польша и польский народ вновь поднялся на борьбу за свободу, независимость и, самое главное, за сохранение исторического и культурного наследия. Война радикально изменила положение польской культуры и литературы. Были ликвидированы все организации, касающиеся искусства и литературы, а литературная среда была раздроблена. Однако литература, вопреки латинской сентенции “*inter arma silent Musae*”- «во время войны Музы молчат»- продолжала развиваться: в конспирации, в оккупированной стране, а также за границами Польши-в эмиграции.

География польской военной литературы охватывает почти все континенты и одновременно отражает судьбы поляков в 1939-1945 годы.

В Польше возникла конспирационная печать развивались группы молодых литераторов, дебютировали поэты и писатели: среди них Роман Братны, Кшиштоф Камиль Бачиньский, Таде-

уш Гай, Анджей Пшебиньский. Именно это поколение определяло динамику и специфику польской военной литературы. Одновременно с дебютантами создавали свои произведения на территориях оккупированных немцами писатели старшей и средней генерации-это Леопольд Стафф, Мария Домбровска, Зофья Налковска, Ярослав Ивашкевич, Ежи Загурски, Чеслав Милош. Большинство польских писателей оказалось в первые месяцы войны на польских территориях занятых немцами, включенных в состав Советского Союза. Их судьбы были сложными и драматическими. Некоторые из них застигнутые во Львове внезапным нападением Советского Союза на Польшу, начали сотрудничать с коммунистическим журналом “Nowe Widnokrege” (Новые горизонты) (среди них Ванда Василевска, Мечислав Яструн, Юлиан Пшибош, Ежи Путрамент, Адам Важык) а впоследствии развивали творческую деятельность в Союзе Польских Патриотов.

Творческая среда, которая находилась на польских территориях оккупированных Советским Союзом, подвергалась тем же самым репрессиям, которые испытывал польский народ под немецкой оккупацией. Многие писатели были арестованы, прошли через советские лагеря. Дальнейшие судьбы многих из них были связаны с армией генерала Владислава Андерса и военными путями этой формации.

Литература этого периода поражает разнообразием и богатством жанров. Военная польская литература нашла главное свое выражение в поэзии, в катастрофической, трагической лирике Бачиньского, Гая, Боровского. В оккупационной прозе доминируют краткие эпические формы: новелла, рассказ, очерк (Ивашкевич, Анджеевский). В военный период берет свое начало литература факта, литература автобиографическая, созданная в форме дневника. (Ванькович, Чапски, Херлинг-Грудзинский, Боровский, Домбровска, Налковска, Пшебиньский).

1945 год, конец II мировой войны, свидетельствовал о капитуляции Германии. Однако оживление культурной жизни

началось еще в 1944 году, после Ялтинских переговоров и успешного вторжения Советских войск на польские земли.

В конце 1948 года совершается еще одно важное событие: на объединенном конгрессе PPS и PPR (Польской социалистической партии и Польской рабочей партии) создается PZPR (Польская объединенная рабочая партия): коммунистической партии опорной силе советского союзника полностью передается власть над государством и народом. Ялтинские переговоры гарантировали существование польских границ, но не обеспечили однако суверенности политической, общественной и культурной польского народа. Создание ПОРП-PZPR (Польской объединенной рабочей партии) окончательно подтвердило подчинение Польши имперским интересам Советского Союза.

Политические события, естественно, оказывали свое решающее влияние на культурные события в стране. В январе 1949 года в Щецине прошел всеобщий съезд Союза Профессональных писателей Польши. Этот съезд подтвердил подчиненность, зависимость культурных национальных ценностей имперским интересам России. Принятая в то время директива социалистического реализма замыкала польскую литературу в корсет схематизма формы и примитивного содержания. Щецинский съезд, открыл период сталинизации в польской литературе и культуре. В декабре 1945 года был организован Комитет культуры при Совете Министров, в состав которого входили представители ведомств: просвещения, культуры, науки, информации и пропаганды (распущенный в апреле 1947 года). Этот комитет определял приоритеты в издательской политике.

Контролем всех областей культуры а также соблюдением интересов коммунистической партии занималось организованное в июле 1945 года и подчиняющееся непосредственно председателю Совета Министров-Главное Управление контроля Печати, Изданий, зрелищ (пьес).

Несмотря на нарастающий темп сталинизации культурной жизни, польская литература того периода была богатой и ху-

дожественно разнородной. Проблемы ее, в основном, концентрировались вокруг военной тематики-это три темы, доминирующие в польской прозе – I тема геноцида, лагерная литература, отраженная в произведениях Тадеуша Боровского «Прощание с Марией» (1948), «Каменный мир»(1949). II тема – беллетристическая, Северина Шмаглевска «Дым на Биркенау»(1945), Зофья Коссак Шгуска «Из бездны» (1946). III тема-освенцимская, выраженная в литературе факта, получившая свое великолепное выражение в талантливых произведениях цикла «Медальоны» Зофьи Налковской. В 1948 году Ежи Анджеевский создает повесть «Пепел и алмаз» (“Popiół i diament”) которая получила широкий резонанс благодаря экранизации известным польским режиссером Анджеем Вайдой. Автор попытался здесь разобраться в происходящих в польском обществе переменах – как в политическом, так и в общественном аспекте. «Карьера» этого издания (более тридцати изданий) была связана, в основном, с использованием Анджеевским поэтики «полуправды».

Однако наряду с отмеченной выше литературой развивалась польская литература соцреализма воспевающая действительность, ее вождей: Сталина, Станислава Берута и др.

Здесь можно назвать произведения Александра Шчибор-Рыльского «Уголь», «На строительстве» Тадеуша Конвицкого, «Тракторы приносят весну» Витольда Залевского, Виктора Ворошильского «Весна» (Образ Сталина и Москвы), Адама Важыка «Это наш последний бой» и т.д. Польская литература соцреализма, лишенная интеллектуальных художественных ценностей, представляет сегодня болезненный (одновременно и юмористический) документ прошлых лет. Документ, о котором, однако необходимо помнить, т.к. он является историческим свидетельством порабощённого разума.

ЭМИГРАЦИОННАЯ ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЧЕ- СЛАВ МИЛОШ ПРОЗА ЧЕСЛАВА МИЛОША

В первой половине 50-х годов границы Польши и всей Восточной Европы были закрыты, так называемым, «железным занавесом». «Холодная война» ещё более углубляла изоляцию польской литературы от художественных процессов, протекающих в Европе и во всем мире. Это был период особенно чувствительного распада национальной культуры, период, когда контакты страны с эмиграцией практически замерли.

Однако, несмотря на это, польские писатели на чужбине, после определенного времени адаптации в новых условиях, интенсивно занимаются литературной деятельностью. В первой половине 50-х годов создают свои выдающиеся произведения Витольд Гамбрович - «Транс-Атлантик», «Бракосочетание», Густав Херлинг – Грудзинский – «Иной мир», Казимеж Вежиньский - «Семь подков».

Активно развивается творчество польских писателей которые в период событий осени 1939 года находились в эмиграции, а в дальнейшем создавали польские центры культуры в различных странах Европы и Америки. Важный эмиграционный центр существовал до разгрома Франции (1940) в Париже, где продолжал издаваться самый известный польский литературный журнал “Wiadomosci Literacki”, (Литературные известия) под названием “Wiadomosci Polskie” (Польские известия). В Англии нашли убежище Антони Слонимский, Мария Павликовска-Ясножевска, Мария Кунцевичова, в США Юлиан Тувим, Ян Лехонь, Казимеж Вежиньский, Витольд Гамбрович, в сентябре 1939 года, находившийся в Аргентине как турист, вынужден был остаться в Буэнос-Айресе и прожить там долгие годы в эмиграции (до 1963 года).

Интерес представляет проза Станислава Винценза (1888-1971), необычайно богатое творчество которого, в основном и

прежде всего, составляет эссеистика. Писатель родился на Гуцульщине, в специфическом уголке мира, где скрещивались влияния различных культур, именно этот край нашел свое отражение в темах, наиболее часто встречающихся в его произведениях. Вершину гуцульской темы в творчестве писателя составляет обширный эпическо-эссеистический цикл. «На высокой полонине¹. Картины, размышления и беседы с Верховины Гуцульской».

Первый том этой книги был издан в 1936 году, а последний после смерти писателя (1971).

Послевоенные годы Винценз проводит в эмиграции, в начале в Германии и Франции, последний же период своей жизни пребывает в Швейцарии (Лозанна). Долгие годы сотрудничал в парижском журнале «Kultura», именно там были опубликованы его эссе. Произведения писателя были изданы в нескольких эмиграционных книжках, среди них «Европейские темы» (1977), «За диалогом» (1983). Тематика эссе Винсенза необычайно разнообразна, она представляет как современные культурные процессы, так и обращается к традициям средиземноморской философии и искусства. Выделяются его эссе посвященное Гомеру, Данте Сервантесу, Миду Фауста.

Польские эссеисты поднимают и исследуют также моральные проблемы современной цивилизации. Среди них Ян Юзеф Шчепаньский «Перед неизвестным трибуналом» (1975). Моральная проблематика в польской эссеистике связана с трагической историей евреев в годы II Мировой войны, она встречается в произведениях Хенрика Гримберга – родился в 1936 году, с 1967 года в эмиграции. В произведении «Нехудожественная правда» нашла свое отражение трагедия европейского народа, показанная через призму собственной судьбы, собственного опыта и переживаний. Автобиографическая стихия произведения решает и его построение как рассказа, повествования, характерного для повести Гринберга. Зачастую она

---

¹ Полонина (polonina)- горный луг, пастбище (у гуцулов).

передается глазами ребенка в «Европейской войне» (1965), выдающемся произведении писателя. Трагические события времен оккупации передаются со свойственной пятилетнему возрасту ребенка наивностью. То же самое можно проследить в произведении «Победа» (1969) – повесть, в которой о событиях непосредственно послевоенных рассказчиком является мальчик, уцелевший, спасшийся от геноцида. В сборнике «Нехудожественная правда», изданном в Западном Берлине в 1984 году, писатель исследует проблему современной судьбы евреев, болезненное явление пренебрежительного отношения к исторической проблеме геноцида, прослеживает драму своего народа, подвергающегося общественной дезинтеграции. В «Нехудожественной правде» Гринберг еще раз подчеркнул наличие европейской темы в современной польской литературе. Эссе, граничащее с различными жанрами литературы выражается в обращении к проблематике философской. Она присутствует в творчестве Владислава Татаркевича, Лешека Колаковского и Чеслава Милоша, особенно в его произведении «Земля Ульро».

В современной польской литературе богато представлена также историческая эссеистика. К выдающимся ее создателям относятся: Павел Ященица, Мариан Брандыс и Александр Бохемский.

Явление эссеизации прозы не исчерпывает поисков в области новых формальных исследований. Здесь можно проследить и другой процесс. В современной польской литературе, как в стране, так и в эмиграции, выявляется тенденция отдаления писателей от традиционных жанровых норм и родов. Разрушение установившихся литературных структур, обозначилось в различных направлениях прозы XX века, оно начинается повестью Кароля Ижиковского, прозой Витольда Гамбровича, Ежи Анджеевского и Вильгельма Маха. Появление новых форм проявляется также в поэзии и в драматургии. В новейшей польской лирике мастером «нечистых» жанров является Таде-

уш Ружевиц. Как талантливый драматург он достигает значительных переоценок в структуре сценических произведений.

Одновременно с изменением литературных форм в современной польской литературе прослеживается и другой, не менее важный процесс: внезапное продвижение и динамичное развитие художественных форм, расположенных на границе истории и литературы и автобиографии временами характера исповедального.

Литература факта, дневник, воспоминания, дневник путешествий – это всего лишь примеры художественных явлений, часто отличающихся явно литературными чертами, которые в современной литературе занимают центральное место. Вымысел и фантазия обесцениваются, реальные репортажи становятся все более важными и значительными, какими-бы субъективными и частичными они не были. Обществу необходимы свидетельства моральности, а они происходят в связи с индивидуальным опытом реальных людей. Здесь особо следует отметить огромный вклад эмиграционной литературы в развитие именно таких явлений литературы, располагающихся на рубеже вымысла и правды, зачастую использующих даже метод воспоминаний -исповеди. Литературный дневник – жанр, соединяющий в себе черты автобиографического документа и художественной прозы в эмиграционной литературе находится в состоянии интенсивного развития. Конвенция жанра, морфологически неопределенного, позволила создать разнообразные художественные произведения.

Авторами самых выдающихся произведений современной автобиографической прозы является Витольд Гомбрович «Дневник» (1957-1966), Ян Лехонь «Дневники» (1967-1973), Густав Херлинг – Грудзиньский «Дневник, написанный ночью» (I том был издан в 1973 году).

Явлением в современной польской литературе является «пересказанный дневник» – произведение «Мой век» (1987) Александра Вата. Особое место в современной польской лите-

ратуре занимает театр абсурда, активно использующий концепцию гротеска, поэтику насмешки и иронии. Театр абсурда вырос на богатой европейской и польской театральной традиции, отличенной именами Станислава Игнация Виткевича, Самуэля Бекетта, автора таких прославленных произведений как: «Счастливые дни», «В ожидании Годо», «Катастрофа»; Иона Ионеско создателя пьесы «Носорог», «Игра на убивание». Заслуживает внимания также драматургия Витольда Гомбровича, писателя, творчество которого относится к эмиграционной польской литературе. В 1953 году в Париже была опубликована его пьеса «Свадьба», в Польше издание пьесы было осуществлено в 1957 году. В 1966 году гротесковая пьеса, «Свадьба» Гомбровича поднимает наиважнейшую для всего творчества писателя проблематику межчеловеческих отношений, в особенности, деструктивного влияния на психику человека навязанных ему обществом ролей и правил. Гомбрович использует категорию абсурда и гротеска, обращается также к технике пародии, объектом натолкнувшим автора к созданию «Свадьбы» были пьесы В.Шекспира, а также традиции романтизма. Пьеса В. Гомбровича многослойна, с точки зрения языка и способствует различным интерпретациям: писатель использовал здесь разговорный и диалектный языки, которые сопутствуют классической риторике и поэтическому стилю. Языково-стилевое смешение, соединение различных языковых норм, углубляют пародийный и иронический смысл «Свадьбы» и, вместе с тем, делают возможной, как это бывает в творчестве В.Гомбровича, диалектику литературной формы, в которой трагизм соединяется с насмешкой и фарсом.

Вызывающим интерес художественным приемом является использование в пьесе поэтики сна. Действие пьесы разыгрывается в сонном видении главного героя Хенрика, это подчеркивает условность соблюдения человеком установленных правил, в пьесе прослеживается неустанная игра формы.

К выдающимся достижениям польской драматургии в широко понимаемом движении театрального авангарда XX века, следует отнести драматургию Тадеуша Ружевица (1921). В пьесе «Картотека» (1960) художник создал проникновенный образ, утрачивающего самосознание и личностные качества современного человека. Этим наблюдениям сопутствует специфическая поэтика: Ружевиц привязывает ее к традициям средневекового моралитета-нравоучения. Ружевиц делает героем пьесы человека (Каждого), биографию которого иллюстрируют не связанные взаимно сцены. Сюрреалистическому в сущности передвижению других театральных героев сопутствует отсутствие субъективности и адекватности героя: он лишен лица, имени, возраста, профессии. Вереница сцен ассоциируется с образной формой потока сознания, она komponуется присущими поэтическому произведению средствами: автор оперирует сокращениями, повторениями, метафорой, неожиданными ассоциациями и главными мыслями, прозаизмами.

«Герой «Картотеки» зовут то Янек, то Казё, иногда Хенрик, Здислав или Виктор. Ему иногда семь, иногда сорок лет. Он живет в комнате, которая одновременно является улицей. Этот герой административный руководитель оперы или директор важного предприятия. Может быть он никто?- или оборот каждый из нас.

Сила «Картотеки» в той произведении на иронии и насмешке Ружевиц становится на сторону современности. Только смех может оживить трезвость нашего ума и, в конечном счете, нашу собственную свободу»- отмечает известный современный историк литературы Ян Блоньски¹.

«Картотеку» Ружевица характеризует также открытая драматургическая композиция; произведение объединяют различные условности со сценическими жанрами: наряду с современным моралитетом присутствует поэтика гротеска, пародии, поэтической драмы.

---

¹ T. Wronczynski. Literatura polska po 1939 roku. W-wa 1993, s.243.

В 60-е году драматургическое творчество Ружевича продолжает активно развиваться. Им опубликовано множество произведений, среди них: «Группа Лаокоона» (1962), «Свидетели или наша маленькая стабилизация» (1964), «На четвереньках» (1972), «Белое супружество» (1975).

Большим признанием и успехом как среди театральной критики, так и у публики пользуется драматургическое творчество Славомира Мрожека, родился 26.VI.1930 в Боженгине (Краковская область). Драматург, прозаик, сатирик. Первое произведение – репортаж «Молодой город» (Młode miasto) опубликовано в журнале «Przekrój» в 1950 году. Сотрудничал в экспериментальном студенческом театре Vim-Vom в Гданьске. Член редколлегии газеты «Dziennik Polski» (1950-54). С 1956 по 57 год был автором пародийной рубрики «От А до Z» в изданиях «Dziennik Polski» (1956-57), «Życie Literackie» (1957-59). В 1963 году жил в Италии, с 1968 в Париже, в настоящее время в Чили. Повсеместно признанным за главное лучшее произведение является пьеса «Танго» (1965). Произведение претерпело множество интерпретаций. В нем просматривается произведение о невыносимости современной жизни, оно заканчивается «вампирным» танцем, и здесь перекликается с произведением «Свадьба» Станислава Выспяньского. В пьесе просматривается также нравственная тематика: бессилие и разложение мещанской семьи, неискренние амбиции взбунтовавшегося сыночка напоминают «Мораль пани Дульской» Габриэлы Запольской. «Танго» можно рассматривать также в публицистических категориях – как соединение намек на коммунистическую, политическую актуальность, действительность.

Произведение написано в характерной для творчества Мрожека манере гротесковой: сюрреалистической и реалистической одновременно. Произведение перекликается через образы и тематику с традициями пьес Станислава Игнация Виткевича. «Танго» – пьеса многозначная, о чем говорят ее интерпретации. В своем глубоком значении она представляется пре-

достережением перед конформизмом, который грозит потерей морального порядка. Однако одновременно «Танго» это предостережение перед нигилистическим бунтом, который порождает анархию и насилие.

Большим творческим достижением Мрожека явилась его пьеса «Эмигранты» (1975) в которой показана конфронтация двух характеров, двух человеческих судеб, двух точек зрения на жизнь. Произведение это также демонстрирует различие ментальности «интеллигента» и «простого человека», доктрина и индивидуума практичного.

Среди пьес С.Мрожека следует выделить также наиважнейшие, написанные в 70-80 годы, среди них «Счастливый случай» (1973), «Горбун» (1975), а также «Скотобойня» (1975).

В период формирования в странах Западной Европы эмиграционных центров, в далекой Аргентине активно развивалось творчество Витольда Гомбровича, он родился 4.VIII 1904 года в Малошицах род Опатовом, умер 25.VII 1969 года в Венсе (Франция)-писатель, драматург, эссеист.

Сын помещика, предпринимателя из древнего шляхетского рода, осевшего еще в 1863 году на Жмуджи в настоящее время Келецк. В 1911 году жил с родителями в Варшаве; в 1922 году окончил гимназию св. Станислава Костки, а в 1927 году юридический факультет Варшавского Университета. В этом же году выехал в Париж, где изучал философию и экономику. После непродолжительной аппликации в варшавских судах, полностью посвятил себя литературе.

С 1934 года сотрудничал в литературных журналах “Kuruer Poranny”, публикуя также критические статьи, рецензии, которые были изданы в 1973 году (смотри том 10 Собрания сочинений), был известен среди завсегдатаев кавярни Жемьяньска. В августе 1939 года писатель выехал в Аргентину, где и застала его война. После нескольких лет работы с 1947 по 53 работал в польском банке в Буэнос – Айресе. Непринятый консервативной эмиграционной средой, долгое время жил в лите-

ратурном одиночестве. В 1963 году благодаря популяризации своих книг, он получает годовую стипендию Фонда Форда с пребыванием в Роямонт под Парижем, а затем в Венси недалеко от Ниццы.

В 1967 году В.Гамбрович получает Международную Литературную деятельность В.Гамбровича начинается полуфантастическими рассказами, посвященными особым психологическим случаям. К ним относится сборник «Дневник периода зрелости», 1933, в 1957 году в более широком объеме, рассказы издаются под названием «Бакакай». Особое внимание критики вызвала его повесть «Фредидурка» (1937) в которой, изобличая различные образцы культуры и обычаев, сформировал основные темы своего творчества. Перед началом войны увидела свет его пьеса «Ивана, княгиня Бургундии». Произведение было издано в журнале «Скамандер» в 1938 году, отдельным изданием в 1958, инсценировано в 1959 году.

К этому же периоду относится неоконченная сенсационная повесть «Обтянутый», произведение было напечатано писателем в 1939 году под псевдонимом З.Невески. После длительного перерыва, в Аргентине В.Гомбрович написал пьесу «Бракосочетание» и повесть «Транс-Атлантик». В 1953 году произведения увидели свет в совместном, а в 1957 в отечественном издании с комментариями автора. В первом из отмеченных произведений (отечественная постановка была осуществлена в 1974 году) задуманном как транскрипция сна и одновременно пародия на шекспировскую трагедию В.Гомбрович наиболее полно выразил свою философию межчеловеческих отношений, в другом произведении определил свое отношение к родным культурным традициям. В 1960 году в Париже издаются две повести писателя «Порнография» и «Космос».

В первом произведении локализирующем преобразованные реалии оккупированной Польши писатель сосредоточил внимание на преступном некогда, восхищении, которое пробуждается молодостью.

Произведение «Космос» было издано в Париже в 1965 году, здесь писатель углубился в загадочные области эротической психологии, исследуя связи и контакты между случайностью и важностью событий. Последнее произведение В.Гомбровича пародийно-гротесковая пьеса «Перетта», вышла в свет в 1975 году в Париже. Она была издана одновременно с третьим томом, печатающегося с 1953 года «Дневника» (Т.1-3, Париж 1957-66).

В «Дневнике», перемешивая личные и порой незначительные рассуждения с агрессивными спорами и философскими рассуждениями, В.Гомбрович написал, вероятно, наиболее достопримечательный автопортрет в польской литературе.

Произведенная В.Гомбровича сосредоточиваются вокруг значимых тем формы и незрелости, обогащаясь постепенно все более многочисленными значениями. Человек, с точки зрения писателя, никогда не представляет сам себя, подверженный взглядам близких, он подчиняется, покоряется – подобно герою произведения «Фредидурка» - бытовым, интеллектуальным и общественным формам, (приличиям, схемам) которые создаются людьми. Однако в природе существует, писатель показывает это в произведении «Космос», внутренняя логика и развитие форм, о которых человек может только догадываться, не зная, что не подчиняется обманам собственного ума. Свобода личности проявляется изначально как способность разрушения форм, особенно через смех, она приводит нас к открытию того, что законодателем форм не является трансцендентная сила (например, Бог, Природа, Историческая необходимость), а сам человек, хоть и испуганный собственной силой («Бракосочетание»).

Жизнь протекает между черствеющей формой и бесформенным хаосом, а фактором развития является, как это не парадоксально-незрелость, зараженный незрелости в которой В.Гомбрович усматривает источник красоты. С годами его произведения все более отличаются эротической значимостью, которая наиболее полно проявляется в «Порнографии» и “Onepetie”.

Для В.Гомбровича искусство рождается в восхищении тем, что несовершенно, бесформенно, но всегда стремящееся к формам совершенным. Для того чтобы преодолеть это противоречие, писатель предпочитает соблюдать дистанцию к форм юношескую и скептическую одновременно. Желая объединить незначительное и большое, смешное и серьезное, каприз и порядок писатель предлагает в «Дневнике» модель личности динамичной, и внутренне амбивальной: мерой подлинности, оригинальности человека (творца) должно быть изобилие перемен, на которые он был бы способен, а не постоянство психологических черт или интеллектуальных взглядов, что означало бы омертвелость. Интеллектуально смелое творчество В.Гомбровича соединяет критику современной культуры с продуманной духовной позицией.

Творчество В.Гомбровича некогда близкое экзистенциализму, отличается от него акцентами скептицизма и анархизма, а также формой передачи, в которой доминирует пародия и доведенный до высокого мастерства гротесковый юмор.

В.Гомбрович ведет борьбу с застывшей формой национального сознания, прежде всего, на уровне стиля. Это нужно понимать широко:

во-первых, как стиль бытия-бытия поляком, патриотом, гражданином, человеком чести и, обобщая, исполнение индивидуальном всех возможных ролей в соответствии обязывающего «кодекса», а во-вторых, как стиль созидания. В данном случае речь идет о чем-то значительном и важном, о том, как писатель трактует стиль, застоявшийся и какие методы использует для его преодоления. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом. В последнем интервью, данном за несколько дней перед смертью, В.Гомбрович отвечая на вопрос, что оказало на него наибольшее влияние в области литературы, отметил, что если брать во внимание польских писателей, то это Мицкевич и Пасек. Признание это поразительно в устах одного из выдающихся новаторов польской литературы. Но это вполне понятно в

контексте предложения содержащего главную мысль, определяющую этот выбор: «Я формировался наперекор стилю моих любимых писателей». В этой любви к отмеченным выше писателям, тоже есть что-то из «упрямства, духа противоречия» В.Гомбровича.

В этом кроется сознание вроде негативное, а впоследствии плодотворный культурный идеал поляка-сарматизм, который был наиболее полно представлен в мемуарах Палсека и в свою очередь возвышающийся до ранга национальной эпопеи в Пане Тадеуше.

«Любовь» к этим писателям В.Гомбровича означает здесь то же самое, что открытие наиопаснейшего противника с которым нужно помериться силами в стиле и идее.

В поединке с этим типом традиции В.Гомбрович использует грозное и апробированное уже в литературе оружие-пародию. Содержание «Транс-Атлантика» подчинено описанию этой безкомпромиссной борьбы. С момента опубликования этой повести критики и исследователи подчеркивают, что повесть эту можно отнести к барокковым традициям. Об этом говорят черты стиля имеющиеся в этом произведении: концептуализм, морализирование, эмпфаза, театрализация, контрастность, динамика. В области языка критики указывают на барочные влияния в области лексики, идиоматики, метафорики, частое использование далеко идущей архаизации, как в лексике, так и в синтаксической организации предложения. Способ использования В.Гомбровичем барокковых традиций очень сложный и, если можно так выразиться, многоэтажный. Обогащаясь прозой XVII века, прежде всего, «Дневниками» Палсека, шляхетскими гавендами, писатель обращается также к образцам, примерам из творчества Мицкевича и Сенкевича. На следы Мицкевича в своем творчестве указывает сам В.Гомбрович отмечая следующее: он пишет, что «Транс-Атлантик» родился во мне как некогда «Пан Тадеуш». Эта поэма Мицкевича также написанная в эмиграции более ста лет тому назад ше-

девр нашей национальной поэзии, подтверждение польскости, тоской рожденной.

«В «Транс-Атлантике», пишет В.Гомбрович, я стремился противопоставить себя Мицкевичу». Следы сарматизма имеют в «Транс-Атлантике» как непосредственный, так и посреднический характер. И в первом и во втором случае они связаны с произведениями, которые как-бы канонизировали сарматский стереотип. В.Гомбрович очень критически оценивал этот процесс «канонизации». В своем «Дневнике» он не жалел горьких слов в адрес его создателей. К ним относится А.Мицкевич, о котором В.Гомбрович пишет следующее: «Мы, вероятно, достигли бы великих открытий, дошли бы до плодотворных новых идей, если бы... если бы не Мицкевич. Жаль! Мицкевич загладил нашу боль, научил нас новой красоте, которая на долгие годы стала для нас обязательной, и сделал так, что мы вновь стали довольны собой. Если бы это была хорошая работа!....

Истинной краосты нельзя достигнуть своим телом, если стыд не позволит вам раздеться донага. А добродетель основана не на укрывании грехов, а на их преодолении, истинная добродетель не только не боится греха, но ищет его, т.к. она является основой ее существования. Искусство способно великолепно вселить силы в красоту человека и народа с условием, что ей будет предоставлена свобода действий. Однако Мицкевич, вещий, великий, пророк милосердный и стыдливый, набожный и пугливый предпочитал не раздеваться донага, а его безграничная, всеобъемлющая доброта боялась заглянуть правде в глаза. Он являлся величайшим откровением той польской эстетики, которая не любит мараться в грязи и не причинять никому неприятностей. Самая большая слабость Мицкевича заключалась в том, что он был национальным, народным поэтом, выразителем народа, а потому именно неспособным увидеть народ снаружи, как «что-то существующее в мире». Лишенный точки опоры в этом внешнем мире и в собственной индивидуальной личности, он не мог сдвинуть народ с места и

— в тех условиях-добился того на что был способен, т.е. обеспечил нас такой красотой, которая в данную минуту отвечала нашим национальным интересам. Однако мы утратили независимость, были слабы, он украсил нашу слабость плюмажем, султаном романтизма, создал из Польши Христа народов противопоставил нашу христианскую добродетель несправедливости захватчиков и воспевал красоту наших пейзажей»¹.

В.Гомбрович использовал в «Транс-Атлантике» хорошо известный в литературе, а особенно в литературе романтической художественный прием — использование исторического костюма. Представленный им мир, который является современным писатель снабдил различного рода реквизитами XVII века.

Долгие годы В.Гомбрович жил в Аргентине, создавая свои произведения на польском языке, что не удивительно, он знал, что языковые игры составляют важную часть его мастерства. Повесть «Транс-Атлантик» (1953 г.) нашла свое отражение в аргентинском сценарии, она написана языком, пародирующим польские литературные памятники XVII века. Многие считают это произведение В.Гомбровича великолепным произведением т.к. в нем поднимается тема, проходящая через все его произведения: как свою «польскость», переживаемую как рана, как несчастье, превратить в источник силы. Поляк-человек незрелый, юный и именно это спасает его от очищения, обращения в какую-то «форму».

Шляхетско-сарматский эпос был спародирован В.Гомбровичем и беспощадным образом обнажен как стереотип не просто смешной в своем консерватизме, но и грозный для личности, народа, с точки зрения продолжающихся, одержимых магией величия произведений.

Спустя десять лет после II мировой войны, на далекой чужбине, с тоски за отечеством возник анти-Пан-Тадеуш, который учит новому патриотизму и повелевает бухнуть-грохнуть смехом на пустые мифы прошлого.

---

¹ T. Wronczynski. Literatura polska po 1939 roku. Warszawa, 1995, s. 86-87.

В 1951 году отказывается возвратиться в Польшу, вынужденно выбрав жизнь в эмиграции Чеслав Милош. В 1953 году в Париже издается его книга “Zniewolony umysl”¹ – «Порабощенный разум». Книга эта и сегодня является одним и важнейших источников изучения механизма порабощения культуры тоталитарной системой. Проблематика этой книги может быть воспринята различно. Польская критика, не скупясь на самые оскорбительные определения, трактовала «Порабощенный разум» как пасквиль на некоторых польских и писателей, называя книгу антикоммунистической.

Характерным является факт, что интерпретация произведения представленная «придворными критиками» партии в Польше сохранилась в литературном сознании чуть-ли не до сегодняшнего дня. Особый интерес представляют четыре раздела, посвященные биографиям польских писателей, которые посвятили свое творчество «новой вере»-это Ежи Анджеевски, Тадеуш Боровски, Ежи Путрамент, Константы Ильдефонс Галчинский.

Эссе Чеслава Милоша по своему значению, однако, выходит за рамки произведения определяемого как биографический анекдот.

В произведении рассматривается более значительно широкая и важная проблема, нежели заблуждения, запутанность судьбы отдельных писателей в драматический период истории; и не только коммунизм подвергается анализу автором.

Ключом к интерпретации «Порабощенного разума», являются первые три раздела: “Murti-Bing”, “Zachód”, “Ketman”. (Мурти –Бинг, Закат, Кетман²).

Книга Милоша говорит о чем-то надисторическом: о перманентной угрозе человеческому существу, утрате ее духовного естества, особенно в условиях силы и презрения. Витольд

---

¹ Cz. Milosz. Zniewolony umysl. Paryz. Instytut Literacki, 1953, 1985, Kraków, KAW, 1989.

² Кетман – арабское слово, весьма приблизительно на европейских языках может быть передано словами «конформизм», «лицемерие».

Гамбрович центральной идеей «Порабощенного разума» считает документированность тезиса о том, что человек может сделать с другим человеком все.

Будучи книгой о коммунизме, книга Милоша рассказывает о порабощении мысли и духа: о порабощении человеческой личности в ее трех основных проявлениях – в стремлении к правде, благородству, любви.

Последняя глава книги Милоша «Порабощенный разум» – глава «Балты». В книге, посвященной судьбам интеллектуалов стран Восточной Европы, таких как Польша, попавших после Второй мировой войны в орбиту сталинской империи, глава о балтах, о трех балтских народах, оказавшихся подданными этой империи еще в 1940 году, выглядела, на первый взгляд, необязательной. Но Милош мотивирует свою обязанность говорить о балтах: он ведь «родился там в семье, говорящий по польски, на берегу реки с литовским названием». Он чувствует себя уполномоченным этих народов, «тела которых растоптал слон Истории, он должен напоминать Западу об этих народах. Характерно, что Милош, воюя со сталинской Империей, тут же предъявляет счет к Западу: ни Запад ли истребил когда-то пруссов, один из балтских народов, от которого осталось одно лишь название.

Знаменитая книга «Порабощенный разум», написанная в парижский период эмиграции Милоша – это блестящий аналитический трактат – памфлет об интеллектуалах Восточной Европы, обращающихся в Новую Веру, насаждаемую Империей. Принес Милошу самый большой в его жизни издательский успех. Книга была переведена на все «основные языки», а потом и на многие «неосновные». Но в 1953 году была в разгаре холодная война, и в ходе этой войны книга Милоша была взята на вооружение Западом. Антикоммунизм не радовал Милоша. «Я жил на Востоке и на Западе, сказал он однажды, - и пил из обоих отравленных колодцев».

Книга принесла Милошу одновременно с известностью неприязнь большого числа людей, причем с двух сторон: и неприязнь левой французской интеллигенции, обиженной за марксизм (хотя Милош четко оговаривался, что пишет не о марксизме, а о его уродливой мутации «Марксизме-сталинизме»); и неприязнь правой польской эмиграции, уличившей Милоша, что он сам не до конца очистился от марксизма, что критикуя «Метод» он продолжает этим «Методом» пользоваться.

Огорченный Милош, отстранился от политики и сел писать - в порядке «автотерапии», как он выразился позже, - повесть о детстве и отрочестве: «Долина Иссы».

«Исса»-криптоним родной Милошу Невяжи: имя родилось, вероятно, по сходству с Дубиссой, соседним правобережным притоком Немана. На берегах Дубиссы происходит действие романа Марии Родзевич «Девайтис», вспоминаемого иногда Милошем.

Работа над этой повестью, говорит Милош, увела его из области абстракций (политических) и вернула поэзии. Милош писал эту повесть в Париже в 1954-м, печаталась она с продолжением в нескольких номерах польского парижского журнала «Культура» в 1955-м, в конце 1955-го вышла отдельным изданием по -польски¹.

В 1956-м вышло в Париже и французское издание. Это произведение литературно многозначное насыщенное, связано с глубокими традициями польской культуры. Действие произведения происходит после I Мировой войны в независимой Литве, а героем является мальчик по имени Томаш Сурконт, который живет в польском поместье своих предков недалеко от Ковна – на Иссой (Невяжой).

Конструкция произведения, в котором взрослый уже поэт-рассказчик прослеживает судьбу Томаша, тесно связана с литературными традициями А.Мицкевича.

---

¹ Czeslaw Milosz, Dolina Issy. Paryz: Instytut Literacki, 1955.

В этом произведении, с ярко выраженными чертами автобиографичности прослеживается обращение к истории. Милош воскрешает здесь Литовскую проблему глубоко традиционную в польской литературе XIX века.

Так же, как и в произведениях великих предшественников (Мицкевич, Ожешко), в Долине Иссы представлен образ исчезающей природы, часто дикой, первозданной, пленяющей своим богатством и необычностью. Пейзаж Литвы это не просто фон, где разворачивается судьба главного героя-она имеет измерение метафизическое. Она олицетворяет вечно живые, воплощенные силы природы, становится метафорой богатства и сложности человеческой жизни. Созревание героя повести совершается через осознание законов природы, она первая раскрывает ему загадки жизни и смерти. Пейзаж, представленный в повести Милоша наводит на философские размышления.

С образом природы связано появление специфической многонациональной культурной среды Литвы, в которой созревает Томаш Суркон. Наряду с народными традициями, суевериями и примитивными обычаями существует в этой среде католическая и православная культура. Мальчик приобретает знания из различных источников-созревая постигает жизнь в ее многочисленной культурной, религиозной, традиционной обусловленности. Философской и экзистенциальной проблематике повести сопутствует метафизическая поэтика.

В Долине Иссы, как было отмечено выше, проявляется автобиографический элемент, но, прежде всего, это произведение вписывается в широкое течение европейской прозы, определяемой названием развивающейся прозы.

Жанр этот, в центр своих интересов ставит формирование человечества, накопление необходимых знаний для духовной и интеллектуальной жизни человека. Вершиной такого типа произведений стала «Волшебная гора» Томаса Манна. «Долина Иссы» Чеслава Милоша это также повесть о победах челове-

чества, об инициативности зрелой жизни в поисках загадок существования.

«Остается пожелать тебе счастья, Томаш. Твоя дальнейшая судьба-говорит рассказчик, в последних предложениях повести-осталась навсегда предположением, никто не угадает, что с тобой сделает мир, к которому ты стремишься. Дьяволы над Иссой работали над тобой как могли, остальное их не касается».

Книга заканчивается отъездом. Тринадцатилетний Томаш держит вожжи и кнут. Он едет с матерью «за границу», в Польшу, покидая родную Литву.

Биография героя и автора совпадают отнюдь не во всем. Ощущение стабильности жизни и быта, присутствующее в Долине Иссы, в жизни Милоша 1914-1920 годов подтверждения не находит. Наоборот. Двадцатый век обрушился на трехлетнего ребенка мировой войной. (Милош родился в 1911 году). «Первое, что я осознал, была война. Высовывая голову из-под пелерины бабушки, я ощущал грозность окружающего: мычающие стада, которые куда-то гонят, паника, густая пыль на дороге, темный горизонт, на котором что-то сверкало и грохотало...». Таков был реальный фон детства Милоша. Далее он вспоминает, как они с матерью¹ сопровождали отца-инженера-сапера, в прифронтовой полосе: «Часто нашим домом был фургон, иногда воинский эшелон, с самоваром на полу, который опрокидывался когда поезд вдруг тронется».

По контрасту с такими годами наступившие затем четырнадцать лет в Вильно, годы гимназии и университета, ощущались им как стабильные, хотя комфортными эти годы не были: Милош жил отдельно от родителей, гимназистом он снимал угол в Вильно у чужих людей, студентом жил в студенческом общежитии.

Может быть именно поэтому он так тянулся к одноклассникам и однокурсникам, так предан им в своих стихах, поэмах, воспоминаниях.

---

¹ Мать Милоша по-национальности литовка, преподавала польский язык в литовских школах.

Многих одноклассников и однокурсников он вспоминает в одной из последних книг-в «Азбуке Милоша»¹. Заметки Милоша содержат краткие сведения и высказывания поэта о 16 членах Клуба (студенческий клуб – Klub Akademicki-члены которого совершали интересные путешествия).

Гимназия, где учился Милош, носила имя короля Зыгмунта Августа-годы его правления 1529-1572-польские историки считают «золотым веком» Польши и ее культуры. Выпускники гимназии называли себя «зыгмунтианцами» и десятилетиями переписывались. Виленский университет носил тогда имя польского короля Стефана Батория, основавшего его в 1579 году. Но возрожден был университет незадолго до поступления Милоша, после многих лет небытия, потому что в наказание за восстание 1830-1831 годов против царской экспансии в Польше, Николай I закрыл его. Следует вспомнить также и о том, что еще при Александре I были арестованы и высланы вглубь России А. Мицкевич и его друзья-студенты Виленского университета за участие в антицарской организации филоматов, филаретов. Память об этом витала в стенах Университета, и во дворе Базилианского монастыря, превращенного временно в тюрьму для Мицкевича и его товарищей. Хотелось бы вспомнить о том, что участники восстания были сосланы царем также и в «Южную Сибирь»- на Кавказ, в Азербайджан, где отбывали свой срок в штрафных батальонах царской армии². «Вильно-город поэтов». Это был один из распространенных лозунгов местного польско-виленского патриотизма. Ведь не только Мицкевич и Словацкий тоже какое-то время жил и учился в Вильно. Милош-студент был создателем поэтической группы «Жагары». Молодые поэты бунтарствовали, некоторые члены группы вступили потом в польскую компартию, тогда нелегальную.

---

¹ Czesław Miłosz. Abecadło Miłosza. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1997.

² Г. Абдуллабекова. Темы и инспирации Азербайджана в польской литературе XIX века. Изд-во АН Азербайджана, ОЗАН, 1999.

Милош от крайностей-своего тогдашнего юношеского марксизма скоро отказался, но серьезное отношение к марксизму сохранил. Опыт студенческих лет не пропал даром. Осталось желание и умение думать, чувствовать, говорить от имени «мы», а не только «я». От имени своего поколения, своей эпохи. От имени людей своей земли.

ПОЭЗИЯ ЧЕСЛАВА МИЛОША

Серьезный сборник стихов Ч.Милоша впервые увидел свет в 1945 году. Его книга «Спасение»¹ на фоне других произведений была глубоко оригинальной.

Милош здесь формулирует основную концепцию моральной поэзии, которая создает и спасает духовные ценности. В поэзии Ч.Милоша чувствуются норвидовские влияния, особенно его стихотворения «Прометедиион».

Красота-как эстетическая категория-получает здесь измерение моральное. Точно также и у Милоша. Спасение людей и народов, пишет он, может произойти только через сохранение самых простых ценностей, неотъемлемых от духовной натуры человека. Источники, этой формулы можно проследить еще в довоенной поэзии автора «Трех зим». Помимо катастрофических предвидений в ней чувствовался интуитивный бунт против зла, стремление противостоять приближающемуся уничтожению. Он писал об этом в стихотворении «Годы».

Поиски духовных ценностей начинаются с протеста против раздора, силы, безразличия и зла.

Против этого необходим бунт, а слово поэта во все времена и эпохи должно повторять «Две спасительные фразы: «Правда и справедливость»» (стихотворение «В Варшаве»).

Поэтическая память Милоша должна служить спасению. Моральным размышлениям автора сопутствует глубокое изучение, в эмиграционном отдалении, природы той общественно-

---

¹ Czesław Miłosz. Ocalenie. Warszawa, 1945.

политической системы, которая неволит личность, а всеобщие блага подчиняет частным интересам элиты власти. Постигание этой истины Милошем имеет характер универсальный – не только коммунизм, любая идеология и любая власть, которая ценой человеческой личности мечтает построить систему общественного счастья, неизбежно ведет к порабощению человека.

В своей поэзии наряду с изучениями моральной природы человека, Милош делает попытку показать генеалогию современной польской поэзии. И здесь также проявляются характерные для поэта поиски ценностей, которые окончательно определяют этическое измерение культуры. Этой проблематике посвящена его поэма «Поэтический трактат»¹. Следующие поэтические произведения Чеслава Милоша открывают главные черты поэтики его творчества: дисциплину языка и метрику, напоминающую классические традиции польской поэзии. Этому сопутствует ироническая дистанция к поднимаемым темам. Ирония сделала возможным взгляд, на сложные и важные проблемы, лишенным пафоса и лишней дидактики. В 60-70 годы круг поднимаемых автором проблем значительно расширяется.

Исследованиям моральной природы человека сопутствуют рефлексии вокруг сущности быстротечности жизни и сущности бытия. Милош также обращается к религиозной лирике, выражающей опыт глубочайшей духовной морали.

В этот же период появляются его переводы духовной литературы с мертвых языков с иврита и древнегреческого с вступительным словом и комментариями переводчика: «Книга псалмов», «Книга Хиоба», «Евангелие от Марка», «Апокалипсис», «Книга мудрости»².

---

¹ Czesław Miłosz. Traktat poetycki. Paryż, Instytut Literacki, 1957.

² Księga psalmów. tłum. z hebrajskiego Cz. Miłosz. Przedmowa tłumacza. Paryż: Edition du Dialogue, 1979, 1981; Księga Hioba. tłum. z hebrajskiego i wstęp Cz. Miłosz. Paryż, 1980: Liblin; Wyd. KUL, 1981; Ewangelia według Marka. Apokalipsa. tłum. z greckiego: wstęp Cz. Miłosz. Paryż, 1984. Księga Mądrości. tłum. Z greckiego, koment. i przedmowa Cz. Miłosz. Paryż, Edition du Dialogue, 1989.

В отмеченный нами период Чеслав Милош издает также серьезные поэтические сборники «Король Попёль и другие стихи» (1962); «Зачарованный Гучо» (1965); «Город без имени» (1969); «Где всходит солнце и где заходит» (1974).

Вопреки происходящему кризису в литературе, поэт находится в поиске морального значения творческого процесса, стремится к емкости художественной формы, к такому искусству, решающим смыслом которого является правда.

Поэзия Милоша характеризуется философскими размышлениями, как было отмечено выше, они сосредотачиваются вокруг проблемы быстротечности жизни. Поэт многократно обращается к анализу проблемы реализаций человеком жизненных стремлений и амбиций. Объектом исследования, чаще всего, бывает собственная творческая биография поэта. Сфера религиозных знаний благоприятствует необычайно емким, афористическим изучениям ценности людских познаний и осознания человеком смысла своего существования. Своим личным жизненным опытом поэт делится с читателем, излагает свои мысли простым, обыденным языком.

Литературное наследие Чеслава Милоша – бескрайне, огромное количество произведений, каждое из которых вызывает интерес, представляет высокий уровень художественно мастерства.

ЭССЕИСТИКА ЧЕСЛАВА МИЛОША

Эссеистическое творчество Милоша необыкновенно богато и разнообразно по форме.

Именно эссеистика служит писателю для презентации политических проблем: «Порабощенный разум» (1953); историко-литературных, критических и переводческих: «Континенты» (1958), «Частные обязанности» (1972), «Сад науки» (1979); философских и культурных: «Родная Европа» (1959), «Видения над бухтой в Сан-Франциско» (1969), а также «Земля Ульро» (1977).

Находясь в эмиграции, издалека, Милош особенно остро замечает и описывает проблемы европейской и американской культуры. Более всего его интересует категория «Европы», источник идентичности и ее история.

Он выявляет отношения между европейской традицией и современным образом Америки и всего мира. Из этих инспираций и рефлексий появились на свет книги, отмеченных выше эссе: «Родная Европа», «Видения над бухтой в Сан-Франциско», а также «Земля Ульро».

Дорога в Европу ведет Милоша через собственную биографию, в особенности, через ее культурную и историческую обусловленность. Знаменательной представляется автобиографическая перспектива этого изучения Европы. «Если я хочу показать кто я – человек, родом из Восточной Европы, могу ли я поступить иначе, чем не рассказывать о себе?

Лучше всего сосредоточиться на себе, -замечает Милош в книге «Родная Европа», и брать в свою творческую мастерскую только то, с чем сам лично столкнулся».

Личный, индивидуальный опыт оказывается глубочайшим свидетельством созревания человека в его культурном измерении. Без таких знаний, без такого запаса родных традиций, обычаев, навыков, без памяти, особенно глубоко семейной и родной, трудно, и, даже невозможно, включение собственной судьбы во всеобщую историю.

Голос памяти – это явление представляется особенно важным, характеризующим основы всего эссеистического наследия Милоша. «Родная Европа»¹, была переведена на французский язык под названием “Un autre Europe” – «Другая Европа» и Милош с этим согласился, т.к. считал правомерным такое название. Запад привык смотреть на Восточную Европу сверху вниз, считает возможным ничего не знать о ней. Милош вспоминает здесь о своем первом длительном пребывании в Париже в 1934-1935 году, когда сразу же по окончании Виленского

---

¹ Cz. Miłosz. Rodzinna Europa. Paryż: Instytut Literacki, 1958, 1959, 1986.

Университета он получил польскую государственную стипендию, как молодой писатель. Недавний виленский студент попал в Париж прямо из Вильно, «перепрыгнув» Варшаву, которая могла бы быть для него промежуточной ступенькой от «провинции» к «столичности». «Париж для людей, прибывающих из других больших метрополий, -это не тоже самое, что для молодого человека, который воспитывался в горах Перу или в такой провинции как я»,- писал Милош о своем Париже 1934 года в книге «Родная Европа» (1958). Он так вспоминал и анализировал свое тогдашнее самоощущение приезжего из Вильно в Париже: «Столкновение двух фаз цивилизации, двух систем обычаев углубляло свойственную мне противоречивость».

«...духовная сестра, Франция» встретила Милоша и двух его виленских друзей-надписью над входом в одно из «приличных» мест: «Цыганам, полякам, румынам и болгарам вход воспрещен». Милош писал, что в Париже они увидели тогда огромные толпы рабочих, ищущих работы, «главным образом, поляков. Поляки имели тогда во Франции статус, назначенный позже выходцам из Северной Африки, - статус рабочей силы, хуже всего оплачиваемой. Используемой для самых тяжелых работ». (После 1958 года такой статус имели в Западной Европе Югославы, турки....).

Дискриминация Восточной Европы касалась и ее культуры. Запад привык думать, что никакой культуры на Востоке Европы нет, что там живут варвары. Прямой предшественник Милоша в борьбе за честь и достоинство народов «другой Европы», А.Мицкевич, в первой, вступительной лекции своего знаменитого курса истории славянских литератур, читанного в Коллеж де Франс в Париже, говорил в 1840 году о славянских народах: «народы эти... которые от Европы приняли религию, военный строй, искусства и ремесла, которые воздействовали на Запад материальной силой, народы эти, может быть, наименее известные с точки зрения их нравственного и умственного

состояния. Европейский дух, я бы сказал, держит их на некотором отдалении и исключает из христианского сообщества.

Или они действительно не обладают никакой своей цивилизацией? Или они ни в чем не умножили запаса умственных богатств и нравственных ценностей христианства? Такой вопрос им кажется оскорбительным».

Разумеется, Мицкевич начиная свой курс лекций в Париже, отдает дань Парижу, говорит о нем,- несколькими фразами ранее – как «о городе, который является столицей слова», говорит о том, что «при посредничестве Парижа европейские народы учатся познавать друг друга, а иной раз даже познавать себя».

В 1934-35 годах Париж помог Милошу познать себя: и как личность, и как выразителя людей своей земли.

Людам своей земли, своей родине Великому Княжеству Литовскому Милош уделил целую главу-«Место рождения»- в своей автобиографической книге «Родная Европа», написанной в парижские годы и изданной в Париже на польском и французском языках.

Милош называет себя польским поэтом литовского происхождения. Он верен литовской земле и польской речи. Само по себе такое «двойное духовное гражданство» не уникально. Сложность и даже напряженность-существования и взаимодействия «польскости» и литовскости» в сознании и творчестве Милоша определяется его биографией и – главное – историей Литвы и ее отношений с Польшей.

Из народов Прибалтики лишь литовцы так давно-еще в XIII веке – создали свое государство.

К концу XIV века это государство включало огромные территории нынешней Беларуси и Украины. В 1413 году Литва и Польша объединились унией, скрепленной браком литовского князя Ягелло и польской королевы Ядвиги.

В XV и XVI веке характер Унии, степень связи Польши и Литвы неоднократно менялись, федерация даже распадалась, пока не стала, после так называемой Люблинской Унии 1569

года реальной. Тем не менее, Великое Княжество Литовское в этой федерации продолжало быть собою, сохраняло свои казну, свое войско, свою систему установлений и обычаев. Оно сохраняло свою относительную обособленность и свои особенности вплоть до разделов Польши и даже-сколько ни трудно в такое поверить-после разделов Польши. Мицкевич в поэме «Пан Тадеуш», написанной в эмиграции в Париже (1832-1834) запечатлел образ своей родины, «исторической Литвы» (то есть Литвы и Белоруси) 1811-1812 годов и усадебный быт польской шляхты в Литве тех лет. Даже в конце XIX века жизнь поляков на берегах Немана и его притоков сохраняла черты польской старины и устойчивости. Такой жизнь поляков изображена в романе Марии Родзевич «Девайтис» (1889 г.)¹, а Милош в своем произведении «1911 год» пишет, что в 1911-м поляки жили здесь столь же патриархально.

С огромным восторгом описывает Милош Великое Княжество Литовское в обширном предисловии к изданной им по-английски-уже в калифорнийские годы книге - «История польской литературы»². И в самом деле, Великое Княжество и до всех уний, и позже, в составе Речи Посполитой Обоих Народов, было своеобразнейшим государственным организмом. Многонациональным, многоконфессиональным, благопритствующим сосуществованию бок о бок разных народов с их разными вероисповеданиями. Милош терпеть не может слов «патриот», «патриотизм», но если он все же патриот какого-то государства-то вот этого – идеализируемого им, но действительно редкостного-Литовского государства давних столетий. Столица этого государства – город – один из прекраснейших, а то и прекраснейший в Восточной Европе. Милош назвал его «городом облаков, имеющих сходство с барочной архитектурой, и барочной архитектуры, подобной сгустившимся облакам». Хол-

---

¹ Мария Родзевич (1863-1944)-популярная польская писательница. Ее роман о патриархальной жизни поляков на берегу Дубиссы; Девайтис-имя священного дуба.

² Czeslaw Milosz, The History of Polish Literature. New York: Macmillan Press, 1969.

мы там, почти такие же, как в Беркли, в Калифорнии, где Милош сейчас живет и работает, но «они зеленее и влажнее». У города этого три имени: «литовцы называют его Вильнюс (Vilnius), поляки Вильно (Wilno), русские раньше называли Вильна (Vilna). Далеко от Вильно, в Америке, живет Милош и его друзья профессора Калифорнийского Университета, профессор Хэн – китаец, профессор Будберг и Томас Венцлова¹ земляк Милоша.

С Томасом Венцловой Милоша связывают теплые отношения, творческая дружба.

«Милош чувствует жизненный ритм всей Восточной Европы и говорит за нас всех,-отмечает Томас Венцлова,-далеко не в последнюю очередь за литовцев. Восточная Европа с ее конгломератом непроницаемых и все же освещающих друг друга культур стала для него моделью современного мира. То, что в ней случилось, увы, может оказаться судьбой всего мира-это Милош понял раньше многих и многих. Стихи его несколько десятилетий остаются на той же огромной высоте. Тут не скажешь, что лучше, что хуже. Редкие поэты достигают этого уровня.(....). Мне всегда кажется, что роман в «Долине Иссы» принадлежит к некоей немислимой, идеальной литовской литературе: у нас есть эти типы и мотивы (у Донелайтиса) эти пейзажи и времена года, но романа, где все было бы соединено в такое интегральное и прекрасное целое, у нас, увы, нет-роман относится к литературе польской»².

Издавля, оттуда Милош видит за океаном и Японию, и остальную Азию, и остальную планету.

---

¹ Томас Венцлова-сын Антанаса Венцловы известного литовского партийного деятеля, занимавшего высокие должности Лауреата Сталинской премии, автора гимна социалистической Литвы. В настоящее время Томас Венцлова преподает славянские языки и литературу в Университете в Йейле в США.

² Tomas Venclova, Czeslaw Milosz: Despaire and Grase. World Literature Today. Vol. 52. №3. Fall 1978, p. 391-395. (Чеслав Милош: Отчаяние и благодать).

Именно в Калифорнии, -пишет Милош в книге «Сад наук»¹, может быть острее, чем когда-либо я почувствовал, что проблема моего времени продиктована событиями двадцатого века, событиями необычайного масштаба, происходящими на всей планете и означающими возникновение единой планетарной цивилизации какой, это из области вопросов, а не ответов».

В своих прогнозах о XXI веке Милош колеблется между пессимизмом и надеждой. Для пессимизма оснований больше, и появляются все новые и новые. Одно из калифорнийских стихотворений написано в жанре антиутопии, столь характерном для прозы нашего столетия, начиная от Герберта Уэллса и Джека Лондона. Название стихотворения длинное: «Высшие аргументы в пользу дисциплины, почерпнутые из речи на Совете Всемирного Государства в 2068 году»:

«Призыв в дисциплине, мы знаем,
не вызовет аплодисментов.

Нам их аплодисменты не нужны.

Лояльных граждан мы дарим своей опекой,
не требуя ничего, кроме послушанья...

Это «мы» в устах хозяев планеты XXI века ничуть не симпатичнее, чем было «Мы, Николай Второй...» в начале XX века. И звучит это новое «мы» еще было зловеще.

За этим стихотворением 1968 года-опыт тоталитаризмов XX века и свежие впечатления 1968 –го. То был год мартовских событий в Варшаве: волнения студентов, закрытие факультетов, увольнение профессоров, массовые отъезды из Польши. То был год августовского вторжения в Прагу.

Но, кроме левых и правых диктаторских тоталитаризмов, может воцариться и тоталитаризм непосредственного всевластия финансовых олигархов, тоталитаризм Желтого Дьявола и Железной Пяты.

Основным сюжетом в многосюжетном XX веке Милош считает соревнование Америки и Советской России. Он не раз

---

¹ Czeslaw Milosz. Ogrod nauk. Paryz: Instytut Literacki, 1979, Krakow, 1998.

возвращался в разные годы к этой мысли. Последний раз в – «Азбуке Милоша» (Abecadlo Milosza), (1997), на слово «Америка».

«Зверь, выходящий из моря» (Милош переводчик Апокалипсиса относит к Америке этот образ Иоанна Богослова), повалил в течение столетия своих очередных противников и соперников. Важнейшим из соперников была Советская Россия, поскольку в этом столкновении речь шла не только о военной силе, но о модели человека. Попытка создания «нового человека» согласно утопическим принципам была гигантской попыткой и те, которые относятся к ней несерьезно, видимо, не понимают, какова была ставка в этой игре. Выиграл «старый человек» и при помощи mass media навязывает модель всей планете.

Что такое эта модель? Модель, которую навязывают всей планете. Ответ на этот вопрос можно найти отчасти в произведении «Беседа» (в книге 1891 года)¹. Беседа трех поэтов, родившихся в Европе-Чеслава Милоша, Иосифа Бродского и Томаса Венцловы-происходит в сердце Америки, в университетском городке в Йейле. Один из собеседников, (за ним угадывается Милош) констатирует одичание человечества, ограничившего себя голой физиологией: вкус, осязание, поваренные книги, рецепты секса, снижение холестерина, быстрого похуданья. О таком человеке- эффективно и безотказно действующей машине, о таком человечестве Милош высказывается в этой беседе короткой французской фразой, самой непристойной, какая встречалась когда-либо в его поэзии. Правда, современные люди, уточняется далее в беседе, уравновешивают свой физиологизм своим эстетством, культом прекрасного, но это тоже не радует Милоша. Искусство, способное воссоздать «лишь красоту, не более», никогда его не удовлетворяло.

Иосиф Бродский признался как-то – и Милош цитировал однажды эту его фразу, - что сменил одну империю на другую.

Калифорния открывает вид на Тихий океан, но она же и «тупик»: дальше бежать уже некуда.

---

¹ Czeslaw Milosz. Dalsze okolice. Krakow, 1991.

Милош цитировал коронный анекдот XX века: «А нет ли у вас другого глобуса?».

Оправданием планеты, человечества, эпохи оказывается воспоминание весны в Вильно.

Мечта о возвращении сбылась. Милош побывал в Литве. Написал цикл «Литва, пятьдесят два года спустя». Он вернулся в город юности. Вернулся туда, где когда-то была его родовая усадьба Шетейне:

Нет дома, есть парк, хоть вырублены старые деревья

И скрылись в зарослях следы дорожек давних ...

(...) В гуще кустов-узнаю в них *sambucus nigra*¹.

Одну из своих книг Чеслав Милош назвал «Необъятная земля»². Смысл этой книги и всего его творчества объять необъятное. И в то же время не утратить в этой необъятности ни берегов Невяжи, ни панорамы Вильно 1920 и 1930-х, ни каждой из улиц, ни каждого кто там жил.

Литературная деятельность Ч.Милоша в 1980 году была отмечена Нобелевской премией. 2004 год-это последний год жизни и творчества Чеслава Милоша. По завещанию поэта прах его был перенесен на Родину в Польшу и помещен в Вавельском замке в Кракове.

---

¹ *Sambucus Migra* (лат).-бузина черная.

² Czesław Miłosz, *Nieobśta ziemia*. Parys: Instytut Literacki, 1984, Krakow, 1988.

ГЛАВА II

МОДЕРНИЗМ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА. ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1960-80 ГОДОВ.

Модернизм в польской литературе – это комплекс литературно-художественных мировоззренческих положений выступающих в период 1880-1910 годов. Этот термин многозначен, и трактуется по-разному в связи с различием отдельных художественных областей. В литературе этим термином определяются направления и положения, сильно отличающиеся друг от друга в зависимости от характера этой литературы они выявляют многообразные общие черты: чувство неизбежного кризиса культуры и мещанской морали, которые выражаются, прежде всего, в декадентизме; в связях с философскими системами, которые обуславливали связанный с декадентством пессимизм (А.Шопенгауэр). Писатели-модернисты подвергали острой критике буржуазную мораль (Ф.Ницше), стремились к искусству, порывающему с реализмом XIX века, особенно явно это в символизме с его теорией «искусства для искусства». В модернизме возникает проблема художественной богемы – как пример сохранения художника от находящейся в противоречиях с ним среды филистеров. Перечисленные выше черты, и, в особенности, черты модернизма проявляются во всей европейской литературе, также в странах находящихся до настоящего времени в сфере литературных направлений (напр. Скандинавские и славянские страны, Бельгия, Испания).

Сам термин «Модернизм» возник на немецкой почве и был изначально направлен в сторону натуралистов, главным его пропагандистом был венский критик Г.Бар (H. Bahr). Образцы европейской модернистской литературы впервые сформировались во Франции, позже в различных национальных литературах. Своеобразно развивался модернизм в области языка и культуры в Германии и в соседних с ней странах центральной Европы; философские и мировоззренческие предпосылки име-

ли в этой территориально-культурной среде более важное значение. Этот вариант модернизма формировался под особым влиянием философии Шопенгауэра и Ницше на европейский модернизм оказывали влияние также концепции Р.Вагнера, его музыкальные драмы, опережали эпоху, предвещая искусство символизма. Тенденции натурализма, не поддерживались преисполненной нравственными стремлениями критикой, культурные и этические ценности поднимались Х.Ибсенем, Л.Толстым, Ф.Достоевским. Влиятельными центрами модернистической художественной богемы были, главным образом, Берлин, Мюнхен, Вена. Эти центры отличались интернациональным характером. Они объединяли как писателей, так и художников. Знаменательным и важным для этих центров было участие Скандинавии, например, А.Стринберга. Своеобразно развивались модернистические и символические тенденции в русской литературе, выявляя, в результате, третий, основной, наряду с французским символизмом и центральным европейским модернизмом-свой местный вариант.

Рецепции на это направление осуществлялись с помощью журналов таких как «Северный Вестник», «Мир искусства», «Золотое руно».

До 1900 года русские поэты были более привязаны к французскому символизму, внося свой вклад в виде многочисленных переводов знаменитых поэтов и писателей. Эта деятельность отличала творчество К.Бальмонта, В.Брюсова. Следующее десятилетие в русской литературе характеризовалось интересом к философским тенденциям немецкого идеализма, слабый протест, связанный с предчувствием катастрофы, могущей отразиться на судьбе интеллигенции в связи с идеологической апробаций революции.

Убедительным выражением этой эволюции были достижения А.Белого, и, прежде всего, А.Блока-самого выдающегося поэта этого периода.

Вершину российского символизма составляли, главным образом пьесы А.Чехова, схожие в определенных своих чертах с постулатами общеевропейской модернистской драмы. Вслед за литературой Франции, Германии, Скандинавии и России многие другие литературы внесли свой вклад в развитие общеевропейского модернизма использовали, развивая в полном его своеобразии. В Англии эту роль сыграл О.Уайльд, в Бельгии Е.Верхарн и М.Метерлинк, в Италии д. Д'Аннунцио, в Чехии Я.Врхлицки и Я.Зеер, в Испании, так называемое поколение 1898, среди них М.ДеУнамуно, Е.Р.Хименес, особым своеобразием отличалась литература модернизма в странах ибероамериканских. На польской почве модернизм проявился, главным образом, в направлении «Młoda Polska», которое выдвигало лозунг «Искусство для искусства».

Польские писатели-модернисты пытались обеспечить литературе самостоятельную роль в национальной культуре и связать ее с литературами западноевропейских стран. Проявлением модернизма в польской литературе был перевод «Цветов зла» Ш.Бодлера (1894), а также использование З.Пшесмыцким пьес Метерлинка (1894). Модернистические тенденции проникали в Польшу также посредством чешской литературы, которая раньше польской восприняла его идеи. Как пример можно отметить сотрудничество В.Ролич-Ледера с Георгом. Появление модернизма можно проследить также в творчестве предшествующих писателей, например, Г.Сенкевича «Без догмата», Э.Ожешко – цикл новелл «Меланхолики», повесть «Ad Astra»- (Дуэт).

Сторонником модернизма можно назвать также Л.Кшивицкого. Главенствующую роль в польском модернизме сыграл С.Пшыбышевский. Благодаря многочисленным личным контактам с международной берлинской богемой, особенно с его скандинавским крылом он превратился в инспиратора модернизма на польской почве и стал ярым его пропагандистом как редактор краковского журнала «Zycie» (Жизнь).

Благодаря С.Пшыбышевскому в польском модернистическом искусстве распространился характерный для эпохи тип художника богемы. Пшыбышевский оказывал сильное влияние на современные славянские литературы, его более других польских писателей переводили и играли в России. В борьбе за новую модель национальной литературы модернизма Пшыбышевский сыграл роль фермента, стремящегося включить польскую литературу в процесс общих преобразований всей европейской культуры.

Станислав Пшыбышевский (7.V.1868 Кулявы-23.XI 1927 Яронты)-драматург, писатель, автор прозаических поэм, эссеист. Сын сельского учителя, окончил немецкую гимназию в Торуне и Вонгровце, затем выехал в Берлин, где определенное время изучал архитектуру и медицину. В 1892-93 годы редактировал социалистическое издание “Gazeta Robotnicza”, издающееся в Берлине, для польской эмиграции, приехавшей сюда на заработки. В 1892 году публикует на немецком языке философское эссе “Chopin und Nietzsche” (Шопен и Ницше) содержащее модернистические концепции творческой личности, что и способствовало его сближению с берлинской немецко-скандинавской творческой богемой. Станислав Пшыбышевский был связан дружескими отношениями с Р.Демелем, А.Стринбергом, Е.Мюнхом. В 1893 году он женился на норвежке Д.Жюль. До 1898 года писатель жил в Берлине и Норвегии, затем по приглашению своего друга музыканта В. Люто-славского выехал в Испанию. Его литературное наследие на немецком языке принесло ему славу в Германии, в скандинавских странах, Чехии, а затем и в Польше. В сентябре 1898 С. Пшыбышевский приезжает в Краков, где его с большим энтузиазмом принимает творческая молодежь. В сотрудничестве с Выспяньским Пшыбышевский издает журнал «Zycie» (Жизнь) до начала 1900 года. Вокруг личности писателя созревала атмосфера скандала, вызванного эпатазирующим стилем жизни писателя, окружавшей его богемы, его запутанной личной жиз-

нью (как например, разрыв супружества Я. Каспровича, связь с его женой Ядвигой), увлечением алкоголем, манифестацией в творчестве эротической тематики.

В 1901-1905 годы писатель выезжает в Варшаву, в 1906-1919 живет в Мюнхене, в 1919-1920 в Познани, в 1920-1924 в Гданьске, где по его инициативе была открыта польская гимназия.

В 1924 году С. Пшыбышевский поселяется в Варшаве и как чиновник канцелярии президента живет во дворце Pod Blacha.

В 1916-18 годы его творчество оказывает значительное влияние на среду экспрессионистов, объединившихся вокруг познаньского издания “Zdrój” (Источник) в котором было напечатано его программное исследование «Экспрессионизм. Словацкий и «Генезис Духа» (1918 г.). В последние годы жизни писатель работал над воспоминаниями «Мои современники». Пшыбышевский был в Польше самым ярким пропагандистом крайнего модернистического эстетизма выражающегося в лозунге «искусство для искусства». Взгляды Пшыбышевского, сформировавшиеся в немецкий период его творчества, повторились в манифесте “Confiteor” (1899) и ряде статей в журнале “Zycie”, были собраны в томе “Na drogach Duszy” (1900). Основу взглядов Пшыбышевского составляет уверенность в трагизме человеческой природы, вытекающего из антагонизма двух первоисточников: высшего-души и низшего мозга. Целью истинного искусства должно быть стремление художника к познанию «Обнаженной души», освобожденной от пут рационализма и сенсуализма¹. Познание это возможно через анализ секса и патологического состояния, а значит сферы не подверженной контролю сознания. Во взглядах Пшыбышевского секс был главной космической силой («в начале была похоть»-“Reguiem acternam”).

---

¹ Сенсуализм-философское учение, считающее единственным источником познания ощущение. Если же ощущение отрывается от реальности объективной и рассматрившейся как чисто субъективное состояние-это ведет к ложным антинаучным выводам, к субъективному иделизму.

Детерминистическая философия Пшыбышевского была в значительной степени адаптацией философии Шопенгауэра, из которой Пшыбышевский вытягивал крайне пессимистические начала, а также под воздействием Ницше – индивидуалистические, отрицающие все общественные и моральные обязанности актера. Пшыбышевский радикально противопоставлял искусству старому, натуралистическому, умственному – искусство новое, модернистическое, которое должно быть целью, самим в себе.

Современники высоко ценили во всем его творчестве поэмы прозой: “Totenmesse” (1893), польская версия “Reguiem acternam” (1904), “Vigiliem” (1895), польская версия «Из цикла Вигилии» (1899), “De profundis” (1895), польская версия (1900), “Nad morzem” «Над морем» (1899), “Androgyne” (1900). Темой этих произведений является эротика, воспринятая метафизически, как миф космической силы так и аспект патологических психических состояний. Согласно этому литературному жанру и его поэтике Пшыбышевский пользовался языком поэтическим, экзальтированным, образцом которого служила ему также поэтическая проза Красиньского поражающая преувеличениями и искусственного неупорядоченного словесного материала. Большой популярностью пользовались также повести Пшыбышевского: трилогия “Homo sapiens” (немецкая версия 1895-96, польская версия-1901); “Satans Kinder” (1897) польская версия “Dzieci Szatana” (1899) (Дети сатаны), трилогия “Synowie ziemi” (1904-11)- («Сыновья земли»), трилогия “Mocny czlowiek” («Сильный человек») (1912-14), трилогия “Dzieci niedzy” (1913-1914) («Дети нужды»); “Krzyk” (1917)- («Крик»).

Осю конструкции этих произведений является конфликт индивидуальности с творческими амбициями, с окружением и находящимися в этой среде деструктивными силами. Действие этих произведений происходит, главным образом, в божественной среде.

Следует отметить, что повести Пшыбышевского внесли определенный вклад в развитие польской психологической по-

вести: развитие, строение внутренних монологов, речи, находящейся в кажущейся зависимости, однако также как и в поэмах прозой недостатки сделали невозможным завоевание стабильных, продолжительных позиций писателем в литературе.

Большой популярностью пользовалась пьеса Пшыбышевского “Das grosse Glück”(1897), польская версия “Dla szczescia” (Для счастья), поставлена в Праге (1898); “Zlote runo” (1908)- «Золотое руно» (1901), “Goscie” («Гости»), (поставлена в 1901, издана в 1902), “Matka” («Мать»), (пост. В 1902, изд. в 1903) (мать); “Snieg” (1903)(«Снег»); “Odwieczna basń” («Вечная сказка») (пост. изд. в 1906); “Gody zycia” (пост. в 1909, издана в 1910)- («Праздники жизни»); “Topiel” (пост. и изд. в 1912)- («Омут»); “Miasto” (1914)- («Город»); “Msciciel” «Мститель» (пост. и изд. в 1927).

Эти пьесы, основу которых составляет трагический конфликт между эротикой и этическими нормами жизни способствовали разрушению обязательных в то время тематических ограничений, этому способствовало также использование новаторских художественных исследований Г.Ибсена, А.Стринберга и М.Метерлинка (анализ внутренней психики героев вместо традиционной интриги, использование драматической функции, дискуссии, расчлененная экспозиция и т.д.) обогатили масштабы возможностей польской драматургии.

Теоретической разработкой драматургических наблюдений, опыта было его исследование «О драме и сцене» (1905). Премьеры первых пьес Пшыбышевского вызвали в Польше шумные споры и становились важным событием в театральной и культурной жизни страны.

Последующие пьесы не отличались уже новыми художественными элементами и проблематикой. Пшыбышевский который «как редко кто в европейской литературе внедрил и пропагандировал силу и провокацию модернистического бунта» (К.Выка)¹, сыграл важную роль как в культурной жизни совре-

---

¹ К. Wyka. *Modernizm polski*. Wyd 2 rozsz. Krakow, 1968.

менной ему Европы-Германии, Чехии, России, Хорватии, Болгарии, так и в развитии художественных форм и мысли в польской литературе.

С окончанием периода модернизма стала угасать и легенда Пшыбышевского-дьявола и жреца искусства, которая была создана как усилиями самого писателя, так и восхищением окружающей среды. Новое усиление интереса к модернизму и Пшыбышевскому предоставило возможность оценить его инспираторскую роль в современную ему эпоху, а также проследить в его произведениях элементы, способные заинтересовать современного читателя и театрального зрителя.

Талантливым представителем модернизма в польской литературе является член литературной группы “Skamander” и “Młoda Polska” Юлиан Тувим. Поэт и переводчик, родился 13 X 1894 в Лодзи, умер 22 XII 1953 в Закопане.

По окончанию гимназии в Лодзи (1914) Тувим изучал право и философию в Варшавском Университете. Первые поэтические произведения Тувима были поддержаны Леопольдом Стаффом (стихи которого Тувим переводил на язык эсперанто). Первое стихотворение Тувима “Prosba” («Просьба») (1913) было опубликовано в “Kurier Warszawski” (под псевд. Ст. М.), в дальнейшем его публикации увидели свет в лодзинской прессе. В 1916-19 Тувим сотрудничал с варшавским студенческим журналом “Pro arte et studio”.

В 1918 в литературном кабаре «Пикадор», а позже был одним из создателей и одним из ведущих представителей поэтической группы «Скамандер» и еженедельника “Wiadomosci Literackie” (с 1924). Тувим сотрудничал также в сатирических изданиях “Cyrulik Warszawski” (1926-33)-и “Szpilki” (1936-39).

Кроме этого он был сотрудником и руководителем варшавских литературных кабаретов “Qui Pro Quo”, (1919-32), “Banda” (1932-34), “Cyrulik Warszawski” (1935-1953). Межвоенная поэзия Юлиана Тувима отличается разнообразием литературных стилей. Первые две поэтические книги “Czychanie na

boga” (1918) («Подкарауливание бога») и “Tanczacy Sokrates” (1920)- («Танцующий Сократ») выражают характерный для молодых скамандритов восторг буднями. С ироническим упрямством описывает Тувим улицу, езду трамваем, город радостный, обыденный. Этому восторгу сопутствуют радостные эмоции, очарование самим фактом существования. Мир, город, улицы, скверы переполнены таинственной красотой и счастьем. Лирический субъект выражает жизнелюбие поэта: биологическая натура человека оказывается достаточной основой существования, обуславливает смысл человеческой жизни. Просто достаточно того, «что кровь-красная».

Витализм Тувима проявляется также в его эротических стихах. С юмором и иронией представляет он любовь как тайну крови, сердца-тела. Такому мировоззрению сопутствует новаторская концепция поэтического языка. Она особенно проявляется в сфере фразеологии и лексики: поэт охотно пользуется разговорными оборотами, диалектизмами, вводит вульгаризмы и языковые грубости.

Стихи Тувима, таким образом, наследуют обычныйточный и даже неэстетичный польский язык. Однако оптимизм и витализм первых поэтических книг далеко неоднозначен.

Уже в ранних стихах проявляется другая позиция, имеющая своим началом, источником восхищение биологической натурой человека. Биология оказывается причиной смерти, разложения, зла как в измерении физическом, так и моральном, она причина страданий человека.

Формирование поэтических взглядов Тувима было обременено традициями натурализма, в двух, как минимум, значениях. Человек находится в плену собственной биологии, плоти, и эротического инстинкта, зачастую он беспомощен перед их разрушительной силой. Натуралистические инспирации проявляются в определенном антиурбанизме поэта. Именно цивилизация больших городов способствует духовной и моральной деградации человека. Город-это уничтожающий все Молох-

жестокий и беспощадный. Натуралистической проблематике в творчестве Тувима сопутствуют эстетические принципы, близкие экспрессионизму: «поэтика крика» представлена поэтом шумной, вульгарной лексикологией, описывающей физиологическое состояние человека.

Поэтические образы отгесняют физическую и духовную агонию человека, а также его моральное разложение.

Экспрессионистическая поэтика соединяется в творчестве Тувима с характерной концепцией поэтического слова-оно выражает личный ужас человека. Слово в поэзии должно идентифицироваться с представленным предметом, воплощаться в него.

Очередная книга стихов “*Slowa we krwi*” («Слова в крови») (1926) наиболее метко определяет поэтическую программу поэзии Тувима стремящейся к стиранию границы между неисчерпаемой сферой знаний человека и единственной возможностью их частичного выражения. Во многих стихотворениях этой книги поэт анализирует драматический конфликт между словом-понятием и предметом, который под ним скрывается: вещь реальной, существующей, даже тогда когда слово кажется мертвым.

Поэзия Тувима переполнена жадой слова, которое превращается в живую плоть. Поэтические принципы Тувима подвергались эволюции в межвоенный период. Юношеский витализм постепенно преобразился в экспрессионистическое беспокойство о соответствующей действительности форме поэтического слова. Главной чертой поэзии Тувима было то, что можно назвать страстью охотника в погоне за словами. Поэт рылся в словарях, собирал редкие книги, написанные безумцами и графоманами, проводил эксперименты с этимологией слов.

Это страстное стремление к истокам слов, их корням, предлогам и суффиксам сближает Тувима с творчеством Белеслава Лесьмяна.

Другим объектом восхищения Тувима был дьявол. Быть может потому, что поэт смотрел на себя самого как на одержи-

мого полушутливого полутрагичного демона. Во всяком случае, он не только собирал труды, касающиеся демонологии, но и сам составил антологию «Чары и черти польские» (“Czary i czarty polskie”) о ведьмах и дьяволах в Польше, основываясь на древних источниках. Тувиму нравилось особенное и необычное, поэтому он любил маленькие провинциальные городки, их парикмахерские и аптеки, ресторанчики на маленьких железнодорожных станциях, плакаты и иллюстрации восьмидесятих лет прошлого века, амулеты, талисманы, чудесные эликсиры.

Его первые книги стихов «Подкарауливание бога» (1918), «Танцующий Сократ» (1920), «Седьмая осень» (1922), «Стихи, книга четвертая» (1923), «Слова в крови» (1926) были атакой на невероятно осязаемую действительность, пронизывающую все его творчество мечтой о слове, таком интенсивном чтобы оно составляло единое целое с предметом, который он называет. Это была также мечта о тождественности с тем, до чего можно дотронуться, что можно понюхать, увидеть. Тувим необъясним во всех своих стихах, не только в тех где он верный традициям барокко использует латынь рифмуя ее с польской словесностью, как, например, в своем стихотворении о Жабх-латинистках, которые квакают по-польски и по-латински.

В зрелой фазе своего творчества, которое охватывают книги «Суть чернолесская» (“Rzecz czanoleska”) – (1929)-связана с Чернолесьем, усадьбой в которой жил Ян Кохановский, «Цыганская библия и другие стихи» (1933), Тувим достиг классической лаконичности и металлического звучания стиха.

Тувим был блестящим переводчиком российских поэтов, не только современных, таких как Борис Пастернак, но, прежде всего, Пушкина, чарами поэзии которого был охвачен безудержно. Любовь к русской классической поэзии соседствовала в нем с любовью к ренессансной польской поэзии, к «Пану Тадеушу» Адама Мицкевича. Эти классические рамки помогали ему еще острее проявить свои чувства на тему случайности всех человеческих свершений. Тувим двузначно относился к

общественности. Будучи либералом и врагом антисемитской правицы (над которой иронизировал во многих своих стихах), он подвергал критике буржуев, мещан, обывателей.

Но, в сущности, его осуждение было направлено в сторону существующего общества, как такового. Тувим был мистиком, его подкарауливал страх перед обществом. Именно политический гнев склонил Тувима к написанию сильной, большого объема поэмы «Бал в опере» (“Bal w operze”). Произведение было написано в 1936, а полностью опубликовано только после второй мировой войны. В этой поэме объединяются все таланты Тувима как автора легких стихов, так и сатирика и поэта трагичного.

Неистовству с которым он описывает генералов, дипломатов, банкиров, проституток и сотрудников разведки на балу во дворце фашистского диктатора, Архикратора, отвечает нервный, ошеломляющий ритм стиха. На рассвете, когда бал приближается к концу, сцена переносится в пригороды Варшавы, где крестьянские телеги, везущие свежие продукты, в город, проезжают мимо грузовиков, направляющихся в деревню, чтобы там избавиться от нечистот. «Бал в опере» - это поэма апокалипсиса в которой ужас охвативший поэта перед грязными действиями коррумпированного общества, соединяется с предчувствием геноцида. Первоначально поэму предваряло motto из Апокалипсиса св. Яна, конец бала есть ничто иное, как просто-напросто конец света.

Тувим родился в мещанской еврейской семье, после оккупации немцами Польши в 1939 году, ему удалось выехать за границу, он жил в Рио-де Жанейро, в Нью-Йорке, и там в изгнании написал большую поэму-воистину книгу в стихах «Польские цветы» (“Kwiaty Polskie”, 1949).

Это редкий в нашем веке пример произведения, написанного ямбическим стихом, с фабулой переплетающейся лирическими отступлениями, воспоминаниями из детства. Романтический генезис Тувима очевиден: «Бенёвский» Ю.Словацкого,

«Евгений Онегин» А.Пушкина. Тувим преисполненный ностальгии изгнанник, возвращающийся мыслями в свой родной город Лодзь, польскую деревню, ту которую помнил с детства и юности. Это произведение бесценно как дополнение и комментарий ко всему поэтическому творчеству Тувима, хотя оно не так совершенно в сравнении с некоторыми его короткими стихами и «Балом в опере».

После войны Тувим возвращается в Варшаву и в своем творчестве, как в стихах, так и в прозе открыто декларирует свою лояльность в отношении Polski Ludowej (Народной Польше).

Все польские критики единозначены в мысли о том, что потом не было создано ничего значительного в этот период. Между войнами Тувим занимал в Польше позиции поэта номер один.

Несмотря на то, что некоторые его стихи были постепенно отодвинуты новыми школами и литературной модой, высокое место Юлиана Тувима в польской литературе не вызывает сомнения.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1960-1980 годов

К числу писателей второй половины XX столетия следует отнести также творчество Ярослава Ивашкевича, псевдоним- Eleuter. Он родился в семье польского служащего на Украине 20.II 1894 в Кальнике под Киевом, умер 20.III 1980 года в Варшаве, прозаик, поэт, драматург, эссеист и переводчик. Ярослав Ивашкевич родился в среде шляхетской интеллигенции на Кресах (на окраине) Польши, в среде культивирующей традиции патриотизма и культуры, воспитывался в ауре культуры как польской так русской и украинской. На его ранние литературно-художественные интересы значительное влияние оказала дружба музыкантом с Каролем Шимановским, результатом чего со временем стали совместные творческие проекты, например, либретто оперы Król Roger – Король Роже. На Украи-

не Ивашкевич окончил гимназию, в 1912-1918 годы изучал право в Киевском Университете и музыку в местной консерватории. В ранней молодости сильное влияние оказали на него украинские пейзажи, авангардная музыка и университетские лекции, особенно Оскара Вильде и Вячеслава Иванова (поэта и эссеиста). В 1918 году Я. Ивашкевич переезжает в Варшаву. Его первыми произведениями были рассказы, написанные поэтической прозой, насыщенной чувствительными впечатлениями Украины и многочисленными ливанскими мотивами: «Бегство в Багдад» (1916-1918), а также «Легенды» и «Деметр» (1917-1918). Экзотика а точнее, склонность к соединению, смешению меж собой культур Греции, Среднего Востока, Восточной и Западной Европы можно проследить во многих его произведениях. На раннем этапе творчества стихи Ивашкевича заинтересовывали всех удивительной комбинацией техники и иронического мадригала с волнами красок и звуков. Его творчество этого периода напоминало поэзию *Młodej Polski*, например Мичиньского, здесь можно было заметить также следы эстетизма Вильде и русского символизма.

“Oktostychy” (1919)- Октостихи» - это смелый эксперимент с метрикой и ассонансами. «Дионизии» (1922) явились единственной истинно экспрессионистической книгой стихов, изданной в Польше после II мировой войны. В этих стихах миф Дионизма, как основной для европейской литературы рубежа столетий, нашел свое бурное, своеобразное выражение, т.к. был укоренен в личности Ивашкевича в его внутренних противоречиях и эротизме. Фантастические, музыкальные, яркие пейзажи, неистовые и неожиданные преломления ритма, диссонансные тона дикости и сладострастия в этой книге сделали Я. Ивашкевича «поэтом поэтов», а тем самым менее популярным среди публики, нежели другие представители “*Skamandra*”. Однако ни один из них не мог соперничать с его жадностью к краскам и способностью раскрытия ауры, виданных в прошлом, полузабытых довольно загадочных стран и городов.

Хоть и был он уполномочен судьбой заниматься искусством интуициональным, неинтеллектуальным и антиобщественным, он очаровывал многих молодых поэтов. Уже своими ранними произведениями он поставил свою печать в истории польской поэзии. Период зрелости приносит стихи, отражающие не только глубокий, внутренний опыт, но и рецепции от путешествий по Западной Европе, интерес к мифическим аспектам культур (Сицилия и Венеция составляют два таких мифических центрав в его воображении). Здесь следует также отметить восхищении некоторыми западноевропейскими поэтами как Stefan Georg-Стефан Джорж и an Coctean – Кокто. Сюда относятся «Книга дня и книга ночи» (1929), «Возвращение в Европу» (1931), «Лето» (1932), «Другая жизнь» (1938). Для широкой читательской аудитории Я.Ивашкевич был известен, прежде всего, как автор повестей и рассказов. На раннем этапе творчества, в основном, автобиографические, сложные и субъективные, произведения Литература можно сравнить с русской символистической и французской поэтической прозой литературного авангарда того времени. «Хилари, сын бухгалтера» (1923), вызывает ассоциации с самим автором, находящимся в Варшаве, выходцем с Украины. «Месяц всходит» (1924) наполненная чувствительными интонациями история отпуска в украинском поместье, в преддверии бурных исторических событий. Тема юношей и девушек и лета вполне отвечала увлечениям Я.Ивашкевича и именно в этой тематике он демонстрировал свое мастерство, обращаясь к этой теме вновь и вновь для широкого повествования, как например, «Панны из Вилька» (1933). Большая историческая повесть «Красные щиты» (1934) минует полностью традиционную технику мелкой реконструкции, основанной на документах. Это фантастическая лирическая повесть о приключения польского крестоносца, средневекового князя, который путешествует по всей Европе, Сицилии, восхищается арабской цивилизацией Святой Земли, затем, возвратившись, домой проигрывает борьбу за корону. Необы-

чайню плодовитый, одаренный редкой жизненностью, Ивашкевич создавал произведения также о музыке, а своему другу, композитору Каролю Шимановскому писал либретто, пьесы для театра «Лето в Ноане» (1936), написано на основе эпизода из жизни Шопена; «Маскарад» (1938) вокруг заключительного эпизода из жизни Пушкина. Во время войны Ивашкевич был единственным членом литературной группы “Skamander” который остался в Польше, а его дом под Варшавой был местом встреч интеллектуалистов, занимающихся подпольной деятельностью.

В этот период Я.Ивашкевич создает некоторые из своих наилучших рассказов «Сражение на равнине Седгемур» о мятеже Монмута против Якова II в Англии, а также «Мать Иоанна от Ангелов», последнее произведение основанное на документах, связанных с французским монастырем XVII века, в котором монахини были опутаны дьяволом. В этом рассказе Ивашкевич из источников почерпнул одну лишь идею, действие переносится в монастырь на восточных территориях давней Речи Посполитой, а героиням автор дает польские имена. Во второй половине XX века Ивашкевич стал видным лицом в литературной жизни Народной Польши: он исполнял функции Председателя Союза Писателей и заслужил почетную должность главного редактора журнала “Twórczość” (Творчество) с 1956 года. Несколько томов рассказов, стихов, критических статей вышли из под его пера именно во второй половине XX века, в послевоенный период.

К этому времени относится его трехтомный роман «Хвала и слава» (ч.I – 1956; ч.II-1958; ч.III-1962 год), в которой своих героев, представителей интеллигенции писатель проводит через несколько десятилетий войн и общественных перемен. Однако сомнительно то, насколько отвечало его таланту такого рода общественно сориентированное литературное начинание. Но и здесь Ярослав Ивашкевич остался верен своей доверчивости в постоянно возрождающемся и благотворном образе жиз-

ни. Одно из его стихов «К жене» может послужить иллюстрацией той жажды жизни и экстатического погружения в его поток, так типичном для него как для человека и писателя:

..... Утомленный красотой, которую я ловил ежедневно
Раскрытыми жадно ушами и глазами,
Когда умру, не плачь. Я усну насытившийся жизнью,
Которая огромна, трудна и бурна.
Божество, которое как огонь пробегало по всем частям
моего тела
Отлетит высоко или развеется:
Сердце бьющееся так быстро – застынет,
А голос станет мертвой буквой.
Тогда ты подумаешь про себя, что довольно мелкие
Остались после меня отрывки фраз
Однако знай, что в часы восхищения
Словам в моей груди сдавленным, было тесно.
Мир был слишком прекрасен, но я только тебе
Давал свои стихи. О, наилюбимейшая,
Я глядел в пространство необъятное
Необъятные охватывали меня чувства
Однако когда здесь люди, там звезды
Сердце мое разрывали в круговороте-
Ты продолжала быть верной как вода, неизменной
Единственная в мире (на свете) которая меня любила.
(Перевод здесь с польского Г.А.)

Всесторонность Ярослава Ивашкевича можно наблюдать и в его переводах. Он один из лучших переводчиков Артура Рембо на польский язык, ему принадлежит перевод двух пьес Поля Клоделя, повести Андре Гиды, сказок Г.Х.Андерсена (с датского), а также рассказов Толстого и Чехова.

Наиболее талантливыми, многообещающими писателями-прозаиками второй половины XX века в польской литературе

считаются Адольф Рудницки (1912-1990), Ежи Анджеевски (1909-1983), Тадеуш Бреза (1905-1970) и Теодор Парницки (1908-1988). Рудницкий был наиболее плодотворным, он автор пяти книг. Однако вершины творчества достиг позже, в годы войны и в послевоенные годы под впечатлением трагедии польских евреев. Ежи Анджеевский, которому Польская Академия Литературы в 1939 году вручила награду за произведение «Гармония сердца» (1938), в которой можно проследить влияние Георгеса Бернаноса. Е.Анджеевский был определен как католический писатель, позже, однако встал на совершенно другой путь творческого развития.

Ежи Анджеевич родился 19.VIII 1909 года в Варшаве, умер там же 19.IV 1983 года- прозаик и публицист.

В 1927-1931 изучал польскую филологию в Варшавском Университете. К 1932 году относится его дебют – рассказ «Ложь в варшавской газете «АВС». В этой газете Е.Анджеевич сотрудничал как театральный и литературный рецензент. В 1935-37 годах занимался литературной деятельностью в журнале “Prosto z mosty”. В период немецкой оккупации принимал участие в конспиративной культурной деятельности. После освобождения страны работал в Кракове и Щецине: в 1946 -47 был председателем краковского отделения Союза Польских Писателей, в 1950-52 Председателем щецинского отделения и заместителем председателя щецинского отделения Союза польских писателей. По возвращению в Варшаву в 1952-1954 году был редактором журнала “Przegląd Kulturalny”, после 1955 году был членом редколлегии журнала “Tworczosc”. Начиная с 1972 года был постоянным сотрудником журнала “Literatura”, в 1952-57 годах депутат Сейма Польской Народной республики. За отдельные произведения получил Награду Молодых польской Академии Литературы (1939), награду города Кракова (1946) и журнала “Odrodzenie” (1948). В своем творчестве Анджеевский был выразителем морального облика человека. Начав ранними рассказами (сборник «Неисчезающие дороги»,

1936), написанными под вдохновением католической моральной проблематики, в которых доминируют в его обработке поиски вечных ценностей и духовных образцов, реализованные в драматических беспокойствах, разладе и выявляющие человеческие увечья и бессилие. Это выражается в постоянно обновляющейся фабулярной модели поражений героя, а также в стилистическом формировании прозы. Прозы, которая колеблется между лирическим и героическим пафосом, поэтикой иронической дистанции и сатирическим гротеском. Духовная жизнь человека Анджеевского моральный генезис-это служба, реализация идеи, обязанность, как прямая последовательность существования. Нередко в его произведениях мотивы внезапного возвращения, идейные решения не требуют рациональных и жизненных обоснований. В произведении «Гармония сердца» (1938) моральную поддержку дает герою, католическому ксендзу вера в Бога. В рассказах созданных в период оккупации (сборник «Ночь», 1945) писатель находится в поисках других моральных мотиваций, близких, родственных конрадовскому героизму: верность дружбе, человечеству, самому себе – это все ставит героя перед трагической альтернативой. В других произведениях Анджеевский раскрывает иную, абсурдно-гротесковую сторону современной жизни, явного и конспиративного (рассказы включены в сборник «Золотой лис 1955. Писатель поставил на иронической дистанции миф патриотического героизма (историко-метафорическая драма «Праздник Винкельрида» - написана в 1944 совместно с Е.Загорским, издана в 1946, поставлена в 1956 году) В послевоенные годы после драматических, политических и моральных испытаний, содержащихся в повести «Пепел и алмаз» (1948), после декларирования своего марксистского мировоззрения (сборник публицистических произведений «Партия и творчество писателя», 1952, в его творчестве прослеживается позитивная сатира в философской повести «Успешная война или Описание битв и стычек с Задуфками» (1953), позже возвращение к воспомина-

ниям молодости (Книга для Марчина», 1954), творчество Анджеевского вошло в фазу идейного кризиса и сомнения в этическую чистоту идеи – показанной как фатальная сила, которая реализуется путем лжи и демореализации невинных, людей в метафорически- символических повестях «Мрак покрывает землю» 1956 и «Врата рая» 1960 (в югославской экранизации, режиссер Анджей Вайда) автор раскрывают психологическое состояние писателя и его отношение к действительности.

Сознание десакрализации¹ идеи, опасение подчинения кажущимся ценностям направили героев Анджеевского на путь сознательной игры за смысл собственной жизни. В повести «Он идет перескакивая по горам» (1963) в памфлете на современную культуру в ее элитарных и массовых проявлениях, выдающийся художник преодолевает конфликт между правдой жизни и фальшивостью идеи черпает силы из обновленного фальшивыми способами контакта с молодостью.

Мотив защиты собственной суверенности в мире ценностей общеприятных и растленных выростывается также в повести о судьбах и облике современной польской интеллигенции.

«Мезга» (фрагмент в журнале “Tworczosc”, 1966, №10, полностью была издана в 1981 году), произведение с множеством мотивов, с открытой композицией, соединяющих переплетенные фабулярные и тематические мотивы с мотивами публицистическими. Наблюдаемое пространство-это столичная творческая среда, изолированная творческая элита, погруженная в интриги, цинизм и инертность, втянутая в конфликт с властью. Запроектированный обеими сторонами компромисс срывается, спасенной ценностью оказывается творческий талант, понятый как эманация² бунтарского диназийского духа из которого искусство черпает животворные соки.

---

¹ Сакральный-церковный, относящийся к богослужению.

² Древнеримская идеалистическая философия периода упадка античного общества, неоплатоническое, фантастическое объяснение происх. мира путем мистического истечения творческой энергии божества.

Кроме того, следует назвать произведения метафорического характера связанные с мифологическими (драма «Прометей», 1973) и библейскими мотивами (А теперь на тебя погибель....1976), исследование гибели великого поэта «Уже право ничего» (1979), «Новые рассказы» (1980), фрагмент автобиографии, фабулярной прозы и дневника (Изо дня в день», продолжение под названием «Беседа с тенью», изд. 1972-81 в журнале “Literatura”); избранные произведения «Будто лай», «Рассказы 1933-1958 (1959, третье, полное издание 1967), «Три повести» (1973, изд.2, 1980). Проза Анджеевского – через свою форму стремилась к описанию мира. Однако писатель, в итоге, не справился с литературным и языковым материалом: он создал выдающееся произведение («Миазга»), но лишенное заключительных диагнозов, касающихся тоталитарной действительности Польши.

Литовская тематика, миф необычной страны имеет в польской литературе свои традиции: убедительная легенда «Пана Тадеуша» надолго ввела в литературную культуру Польши методы чтения и интерпретации мотивов «лесных холмов» и «зеленых лугов».

Чтение прозы Тадеуша Конвицкого одного из талантливых писателей второй половины XX века неотступно приводит к этой мицкевической традиции. Пейзаж Литвы, а, особенно, Вильна и его околлиц, приобретает подобное, даже адекватное значение с ностальгически-терапевтическим изображением заключенном в национальной эпопее: Литва как родина, Литва-Родина, которой нет и к которой вернуться нет возможности:

Литва! Родина моя! Ты как здоровье;
Как тебя нужно ценить, тот поймет только,
Кто потерял (утратил) тебя.

(А.Мицкевич «Пан Тадеуш»)

В «Хронике любовных случаев» (1974) Тадеуш Конвицкий без устали, с большим трудом и усилиями ищет места, которые для каждого человека главнее всего-земли отцов. Сходство биографий Мицкевича и Конвицкого, невзирая на исторические и политические обстоятельства имеет значение: оба эмигранты, выброшенные на мостовую чужих городов: Парижа и Варшавы, оба ищущие истоки своей национальной и культурной адекватности. Вопрос, обращение Конвицкого кажется адекватным поэтическим стихам «Пана Тадеуша»: «Где моя родина? Где отчизна богов? Я хотел бы туда вернуться».

Однако как можно вернуться к тем местам и к тому, которое естественным течением времени и истории изменило свою форму и характер, преобразилось в холодную и чуждую боль? Голос памяти, погружение в воспоминания, в сознание «пршлых лет»- это дорога творческих поисков Мицкевича. Оживить, спасти от забвения то, что остается в памяти, описать все, что осталось, «последнее».

Именно в этом значении, смысле, традиции Мицкевича вырисовываются в прозе Т.Конвицкого.

И здесь все «последнее». Сознание невозвратимости, неизбежности перемен, безразличия времени особенно сильно проявляется во многих произведениях писателя.

«В те времена Литва была необъятным географическим пространством, непонятной этической частью, неопределенной сферой культуры. В те времена Литва была стремительной легкой бурей, скорее кратером гаснущего вулкана, который умирал в последних спазмах. Литва была тогда огромным заходящим солнцем, которое оставляет после себя удивительной красоты светящиеся полосы и остатки догасающей радуги. Она доживала свои дни в виленской польскости, в песнях белорусских, в пословицах литовских, она продолжалась в исчезающих нравах и быту, в необыкновенных, появляющихся на мгновение болезненных характерах, в медлительной и насыщенной человеческой доброте. Она отходила в небытие через пейзажи, пол-

ные безумной красоты цветов, сладких запахов трав, пробуждающих таинственный ужас лесов. Она уходила в непонятное и забывающееся из дня в день прошлое, через пруды чувствительной грусти, через озера меланхолии, через непроходимые реки чувств. Какие были эти люди, молящиеся Иегове и православному Богу, испытывающие страх перед Девайтисом и Перуном, Чертом и Люцифером, Задушками и Судным Днем? Какими были эти потомки татар, поляков, евреев, литовцев, белорусов, караимов и разных других людей, которых преследования, ложь, несчастья загнали в северные пущи *gojst*?

Они разбежались по всему миру. Живут одиноко, поодиночке. Они забыли язык, который был языком столько языков. И только временами появится внезапно в чужом городе, среди чужих букв осенний литовский ветер и заблестит внезапно дурное благо или благое худо в мещанской глуши и отзовется временами в сердце нормальном какая – то душная и не манящая ненормальность. Умирает земля гусяров и ворожеев, умирает земля пророков и мессий, которые не успели спасти мир. В этом вечном походе побеждающей цивилизации в неизвестное будущее вытоптаны луга, спалены леса, отравлены эмбрионы гения.

Мы любим столько Литвы, сколько ее осталось. («Хроника любовных случаев») (Пер. с польск. Г.А.).

Осталось в туманной памяти, в стремлении хоть одного постоянного и неземного берега, такого, которого ни одно человеческое измерение не способно достигнуть. Традиция Мицкевича проявляется в прозе конвицкого в одной лишь, но очень важной точке: в убежденности того, что вечность и неизменность могут существовать лишь только в сознании человека, в его памяти. Если литературная традиция выражается активностью берущей стороны, то Конвицкий с особой проникновенностью прочитывает главный замысел поэмы А.Мицкевича «Пан Тадеуш»: человек, также как и нация, утрачивая память-утрачивает свою идентичность. Однако методы спасения

памяти, поиски следов прошлого придают прозе Конвицкого иной, отличный от Мицкевича смысл-реальность вечного счастья красота и добро, мир, природа, люди оказываются «методичными» и беспечными. Теленый образ «парижской мостовой» уступает место неволяющему образу прошлого. В прозе Конвицкого герой действует в мире зла, насилия, абсурда, в кошмарном сне из которого он стремится вырваться к предчувствуемым сферам счастья. Литва в «Пане Тадеуше», несмотря на степень ее идеализации, является предметом описаний, в прозе Конвицкого же пространством, которое в поиске. Пейзаж эпопеи это совокупность природных, исторических, общественных явлений, пейзаж прозы Конвицкого это почти наброски одного фрагмента-долины – лейтмотива большинства произведений писателя.

На литературную традицию накладывается собственный индивидуальный опыт писателя. Художественные инспирации необходимо, без сомнения, искать в судьбах поколения, с которым автор «Современного сонника» связан. Конвицкий родился в небольшом местечке новая Вилейца, недалеко от Вильны. Годы его молодости проходят в весьма специфической, представленной многими культурами среде: коренных литвинов, поляков, украинцев, русских, евреев. Войну Конвицкий встретил на родной земле, как солдат Армии Крайовой сражался с советскими оккупантами.

Литовские мотивы имеют в творчестве этого писателя глубокий, присущий именно этому поколению, исторически смысл. События II мировой войны, новый территориальный и географический порядок послевоенной Европы превращают Конвицкого в эмигранта. В Литву он может вернуться всего лишь как пилигрим, пришедший из другой страны, являющейся воспоминанием утраченной Родины. Герой прозы Конвицкого становится вечным скитальцем, безуспешно ищущим своего места на земле. Он появляется из неоткуда, обремененный единственно туманным чувством утраченной молодости, про-

шлого, родины. Это герой глубоко тоскующий по чему-то неизменному, постоянному, тому что позволило бы продержаться в этой обанкротившейся и деградированной действительности.

Таким образом, такой землей, образом которой туманном и потерянном в забвении, оказывается родимая Литва, страна, не существующая уже в своей былой форме. Ей нужно придать своеобразную архитектуру, как-то смистифицировать, чтобы суметь в этом пространстве без страха прижиться. С искренней исповедью признается Конвицкий в этой правде в беседах с писателем Станиславом Новицким:

«Я ведь скиталец и сирота. Я жил и пребывал во многих местах у различных людей. Но нигде у меня не было своего места.

Поэтому так важна для меня Виленщчина, т.к. именно она дает точку опоры. Я ласкаю ее в себе, думаю о ней, временами мистифицирую ее, потому что только она приносит мне определенные доходы и обостряет зрение»¹ (Перевод с польского –Г.А.).

Создание героя безымянного, случайного прохожего, который с огромным трудом постигает свое положение, характеризует большинство произведений писателя, в особенности “*Nic albo nie*” (1971); «Ничего или ничто», “*Wniebowskiapienie*” (1967), «Седьмое небо». Особо выразительно эта тема выступает в “*Senniku wspolczesnym*” (1963) «Современный сонник». Нам хотелось бы привести отрывок, которыми начинается и заканчивается повесть: «Я не открывал глаза и не знал пробудившись от предвечернего сна, где я и кто я»-это начало «Современного сонника». «И тогда внезапно я подумал, что через минуту проснусь, выкарабкаюсь из этого удушливого сна, который к каждому приходит в какую-то ночь, сна полного видений и призраков, обрывков пережитых событий и растраченных, представляемых и неисполненных, сна, окрававленного памятью разгораемой горячки предчувствия, что из этой кипя-

---

¹ T. Wroczynski. Literatura polska po 1939 roku. W-wa 1995 s.178.

щей ночной пучины выползет на берег действительности остаток сил, и я встану как в обычный, будний день с его заботами, с его главным трудом, с его так хорошо мне известными тяготами», – это конец произведения¹. (пер. с польск. –Г.А.). Герой «Современного сонника», как впрочем, большинство других героев прозы Конвицкого, являются в полном смысле этого слова бездомными, а смыслом его деятельности является поиск следов прошлого. В найденных в старом, забытом комодке документах периода оккупации, анонимного сегодня их хозяина, в тайных, когда-то немецких бункерах, скрывающихся в Солецком Бору, во встреченных случайно людях-он усматривает знаки, которые ведут его к родной Литве. Даже пейзаж городка, в который он случайно попадает, имеет для героя «Современного сонника» метафорическое значение, призывающее пространство молодости.

Мотив долины, появляется во многих произведениях Конвицкого: «В центре долины, вдоль колеи, лежал наш городок, начинающийся песчаными улицами без названий. В нашем городке не было рынка, не было определенного архитектурного порядка, но это не означает, не было определенного архитектурного порядка, но это не означает, что он был лишен традиций и истории, всем известно, что здесь жили люди представляющие религии и языки, что много раз наш городок уничтожался, поджигался, не имея возможности окрепнуть в осмысленный урбанистический организм»². (пер. с польск. –Г.А.). Автор создает героя, в сознании которого прошлое время, былые переживания и события накладываются на современные испытания, благоприятствуют специфическому строительству мира в представленном произведении. Большое значение для этой проблематики имеет также рассказ от первого лица. Вот, к примеру, на обозреваемый героем пейзаж, накладываются, как в технике с киномонтажа, иное познание всего в молодости, и

---

¹ См. также, с.178

² Там же, с.179.

забытые пейзажи. Живецкая котловина, пейзаж Солецкого Бора, вызывают в воображении рассказчика литовский пейзаж, а в особенности, околицы Вильны.

Поиски прошлого пространства, пространства родного, кажется единственным условием оживления сознания.

Стремление к возвращению в Литву, в мечтаемую и призываемую долину-место, уберегающее от ветра, бурь и тревог, оказывается результатом, следствием понимания современности, как хаоса и даже абсурда. Дорога в Литву ведет через чистилище – «здесь и сейчас» писателя и его необычных героев.

В представленный в повестях Конвицкого мир искусно вплетается публицистическая рефлексия над польской послевоенной действительностью. Только ее характер помогает понять смысл литературных возвращений. Эта действительность в глазах героев повести Конвицкого грязная и опасная, полна дисгармонии и напряжения.

Суммой страхов и катастрофических переживаний является “*Mala apokalipsa*” (1979) «Малый апокалипсис»-где представлен человек –гражданин в ситуации бесконечной угрозы, страха экзистенциального и морального. Писатель в конструировании мира в представленной повести использует элементы гротеска, поэтику абсурда, не чуждыми оказались для писателя также сюрреалистические подходы. Мир, отраженный в кривом зеркале, вырожденный с пародийным преувеличенным некоторых элементов находит свое отражение в произведении Конвицкого.

Трагическая и призрачная одновременно действительность тоталитарного государства становится местом действия героев, которые не сумеют определить собственную ситуацию среди людей и событий, которые движутся в этом мире как в салоне восковых фигур или в лунапарке переполненном дивами и страшилищами.

В «Современном соннике» можно проследить все основные черты, формирующие в прозе Конвицкого образ польской

действительности. Вот анонимный герой прибывает в маленький городок, находящийся в неопределенной долине. Представленным миром руководят законы поэтики сна. Здесь все «как будто». Строительство ненужной железнодорожной ветки, взаимные конфликты жителей городка, утрачивают смысл, и значение в сравнении с медленным уничтожением их поселений на случай создания искусственного озера в долине, поганьско-христианские религиозные экстазы, приводящие к фанатизму и бандитским поступкам.

Современный сонник: сборище ночных миражей, которые возможно, предвещают события реального дня; метафорическое название повести указывает на характер повести, созданной как интерпретация. В реальном свете повести только половинчато-на границе сна и действительности-происходят события имеющие отношение к польской действительности, силой «таинственного сонника» открывающего угрозы и опасности «современности». Эта угроза проявляется в создании образов героев. Мы отмечали выше главного героя: отчужденного, но и другие жители этого удивительного места, обреченного на близкую гибель под волнами искусственного озера, отмечены печатью чужеродности, чувством отсутствия идентичности, сознанием собственной неопределенности. Путепрокладчик Добас облагораживающий свое общественное происхождение фамилией Дембицкий, граф Пас старательно скрывающий свое происхождение под гражданской фамилией Ковальский, наконец, семейство Корсаков неустанно вспоминающее свои украинские годы молодости. Все герои «Современного сонника» испытывает чувство нестабильности собственной экзистенции, их деятельность носит случайный характер, она зачастую лишена мотивации, однако все они делают попытки стряхнуть с себя овладевшее ими бессилие, пробуют отыскать духовные ценности, возрождающие честь и достоинство человеческой сущности.

Возрождение можно найти только в прошлом, ибо будущее это время Апокалипсиса. Необходимо стремиться к этому прошлому и необходимо создавать его так, чтобы оно успешно нейтрализовало трагизм современности. Этот процесс можно проследить в триптихе автобиографическом, триптихе воспоминаний «Календарь и песочные часы» (1975), «Восход и закат месяца» (1982), «Новы щвят и околицы» (1986). Эти воспоминания – отчеты создают в польской литературе цикл, являющийся свидетельством новейшей истории Польши, просматриваемой сквозь призму личных, биографических перипетий автора. Здесь кроме фикций и выдумки, независимо даже от воплощенного замысла писателя, мы вновь находим свидетельства мистификации: невозможно жить без берега и земли постоянной, неизменной, ибо как говорил Экклезиаст: «Все проходит, а земля стоит на века!».

Изнурительной работой памяти и воображения, призываемых событий и сознательных выдумок создает Конвицкий временную действенность.

«Я пишу о дедах, которые не могли быть моими дедами» – отмечает автор в произведении «Новы Щвят и околицы», – я пишу о них и не могу с ними расстаться, спустя годы, десятки лет, меня грызет совесть. Я оставил их там одних, старых, одиноких, опечаленных моей неблагодарностью, и с определенно-го времени я начал их при каждом случае вспоминать, считая, что моей запоздавшей жалостью я искуплю свою вину.

В ту минуту, когда я вновь возвращаюсь на Новы Щвят. Я не прощаюсь с ними, еще, т.к. не сказал всего того, что хотел сказать. Я буду еще навещать их, лежащих в могилах, на склоне леском, откуда видно все растянувшееся ущелье Виленки, город Вильно у устья этой маленькой речки и далекого тумана, за которыми таится мир, наш худой бранный мир, и я в этом мире постаревший, печальный, разочарованный неизвестно чем». (В другом фрагменте автор добавляет) «Я мечусь как всегда в тех самых мыслях, в той самой что всегда стилистике.

На краю Нового Швята, который, несмотря ни на что, есть моим Swiatom (миром)¹. (Пер. с польского – Г.А.).

Тадеуш Конвицкий – герой автобиографического триптиха верный брат своих литературных героев. Он не расстался со своими дедами. В повести “Bohin” (1987) Тадеуш Конвицкий пытается воссоздать судьбу своей неизвестной бабушки, Хелены Конвицкой. Он создал добрый Sary Swiat (Старый мир). Он нашел его « у себя»- дома!.

В лихорадочном стремлении к «обустройству», «укоренению» принимают участие также память, но отличная от той, которая позволяет открывать пейзажи, события и людей.

Может быть после А.Мицкевича ее нужно было бы назвать «памятью детских лет». Она позволяет призывать эмоции, чувства, испытания из позарационального, эмпирического порядка. Она является памятью настроения, определенной ауры,- единственной и неповторимой-зачастую объединяющей с восхищением натурой – природой. Эта память помогает распознать утерянную страну молодости, как единственное время глубоких и истинных чувств. “Kronika wypadkow milosnych” (Хроника любовных случаев) это элегическая книга: только там, в том далеком, осмысленном краю могло исполниться чувство Густава. Только там существовала любовь.

Литва Конвицкого, увиденная тем особым смыслом памяти, оказывается пространством необычайно динамичным.

Это не «тихое Соплицово»- это место формирования личности, психики, эмоций литературных героев прозы Конвицкого. В памяти писателя Литва проявляется как природа природы-вечно живые и воплощенные силы природы, способные также к «сотворению, созданию» человека.

В подобных функциях и в подобной поэтике появляется виленское пространство в «Зверечеловекоупыре» (1969). Мир, в котором живет герой, находится под угрозой как дословно, так и метафорически. К Земле приближается Planetoida Плане-

---

¹ Там же, стр. 180.

тоида (Планетоида) несущая гибель, но эта гибель может быть благотворной, т.к. реальность видимая молодым человеком оказывается недоброй, фальшивой и условной. Магия и волшебство позволяют герою убежать в прошлое; и здесь вновь родной и близкий пейзаж, добрая долина. Только лишь в этом пространстве жизнь становится реальной, правдивой, изобилующей необычными испытаниями. Призванная автором Литва полна драматических событий. Однако они имеют свой порядок, лад и смысл, позволяют юному герою достигнуть важных ценностей и всеобщих истин. То, чего он не может найти в «своей современности», дается ему в волшебном, магическом прошлом. В биографической перспективе виленский период жизни Конвицкого отмечен болезненным оккупационным опытом.

Военная Литва возвращается почти во всех повестях писателя, и именно этот партизанский период биографии наиболее полно проявляется в воспоминаниях героев его прозы. Проблематика военного прошлого призывает одновременно рефлексии о том, что стоит над индивидуумом, над поколением над историческим смыслом.

Из нее вытекает повествование о поколении польской молодежи, рожденной в двадцатые годы XX века, которая активно принимала участие в нелегальном движении сопротивления в период II Мировой войны.

Освобождение страны из-под гитлеровской оккупации принесло одновременно изменение основ общественно-структурных основ Польши. Видимые революционные перемены привели к новому насилию, новым преступлениям, новой оккупации. Битва Конвицкого-солдата приобретала не только милитарное, но прежде всего политическое измерение: в каких общественных условиях могла эта видимая свобода реализоваться. Ежи Анджеевский в своем произведении «Пепел и алмаз» показывает поколение Мачка Хелмицкого, который после освобождения продолжает борьбу направленную, в этот раз, против зародившейся и кристаллизирующейся «народной вла-

сти» - коммунистический. Эта историческая путаница, трагизм этических и политических выборов, хаос чувств, которые трудно охватить и понять происходящие события, являются также предметом литературного анализа Тадеуша Конвицкого. Повестью, в которой наиболее полно и выразительно отражается картина борьбы литовских партизан с советскими войсками, является повесть “Rojsty” - произведение, написанное непосредственно после II Мировой войны (1947), но изданной только лишь в период октябрьских перемен (1956). Насколько глубоко эта борьба «среди rojstow» (болот, трясин) борьба из укрытия, вопреки рассудку, (т.к. военные союзники уже успели сделать раздел прибыли) запала в сознание автора подтверждают слова писателя, содержащиеся во вступительной части к первому изданию повести.

«Я написал эту книгу восемь лет тому назад. Это было время, расчета моего поколения с последней войной, во время которой мы вступали в жизнь, завершали свой мировоззренческий выбор. Это не дневник и не мемуары, несмотря на то, что в нем пересказ дается мной от первого лица. Эта форма казалась мне наиболее успешной, т.к. способствовала, направляла читателя к суровой оценке содержания морального и интеллектуального, которое я стремился передать в своей повести. Добиваясь справедливой оценки шести военных лет, составляющих для нас, в общем, всю биографию, мы использовали ясную, чистую манеру пробуждения противоречия, выступали против затертых идейных Конвецкий»¹ (Пер. с польск. – Г.А.). Расчеты с военным прошлым, «осуждение шести лет войны», становится лейтмотивом творчества Т.Конвицкого. Некоторые критики утверждают даже, возвращение писателя к партизанским событиям II Мировой войны; и это связано с желанием писателя наиболее полно исследовать те трагические события, не имеющие прецедента в польской истории, исследовать историю поколения аковской молодежи, которая сражаясь во имя

---

¹ Там же, стр. 183.

самых благородных идеалов, обманутая и преданных всеми военными союзниками, была обречена на издевательскую, насмешливую судьбу бунтовщиков никому не нужных.

В повестях Т.Конвицкого историческая эпоха еще не завершена, она продолжается в сознании героев, которые находятся в поиске исчерпывающих ответов на вопрос о значении и смысле партизанской деятельности. В архитектуре повести проявляются два параллельных действия: одно современное, представляющее героя в особом, мире послевоенной Польши, другое, открывающее, несвязно, зачастую хаотично, события связанные с деятельностью партизанской группы во время II Мировой войны. Проблема военного прошлого имеет всеобщий смысл. Конвицкий не стремится к сведению счетов с собственным прошлым, а лишь стремится к подведению итогов ценностей своего поколения, которые уцелели в облике катастроф, сопровождающих новейшую историю польского народа. Литовские возвращения имеют глубоко историческое измерение: они обнаруживают время политической непорочности, когда просто сражались за свободу. В болезненных действиях и моральном расколе формировалось осознание истории, ее трагического смысла.

Литовские мотивы определяют творчество Тадеуша Конвицкого в широко понимаемом плане эмиграционном и в связи именно с такой традиций, характерной для истории польской литературы, они должны быть исследованы. Одновременно здесь речь идет также об эмиграции «в себя», о поведении отчужденности, о создании безопасного и единственно возрождающего пространства. О создании и мистифицировании мира для того чтобы выжить. Литовские мотивы вводят в польскую литературу проблемы исторические: последовательно моральные, общественные и национальные – проблемы II Мировой войны; эти проблемы поднимаются для того чтобы рассчитывать с драматическими, новейшими событиями, действиями, от-

меченными множеством кризисов и переломов периода БЫI половины XX века.

Конвицкий Тадеуш родился 22.VI. 1926 года в Новой Вилейце (Виленщизна), прозаик, кинорежиссер. Школьные годы провел в Вильно (во время оккупации окончил конспиративную гимназию).

В 1944-1945 годах сражался в партизанском отряде АК (Армии Крайовой) на Виленщизне. После войны изучал полонистику в университете Ягеллонском в Кракове, в 1946-50 годах работал в редакции журнала “Odrodzeme” (с 1947 года в Варшаве), в 1950-58 годах сотрудничал в журнале “Nowa Kultura”.

С 1954 года началась его деятельность сценариста и режиссера. Художественное творчество Т.Конвицкого начинается повестью воспоминаний со времен партизанской войны – “Rojsty” (написана в 1948, издана в 1956 году). Писатель дебютировал произведениями актуальной публицистической тенденции (репортажная проза «У стройки», 1950, политическая повесть «Власть», 1954), психологический рассказ «Час грусти» (1954). В повести «Из осажденного города» (1956) Конвицкий возвращается к главному мотиву своего творчества, как в прозе, так и в кинодраматургии: тяга к осознанию жизни современников, и испытавших жестокие военные времена, выпавшие на долю молодых людей, членов АК на бывших Кресах Речипопосполитой, людей дезориентированных ходом исторических событий, запутавшихся в братоубийственных битвах, входящих в жизнь с чувством вины и собственных поражений. Обиды прошлого, дополнительно усложненные участием в перепитиях идейно-политических послевоенного периода соединяются в творчестве писателя с чувством отчужденности, и нестабильности современной жизни: прошлое появляется в картинах конкретно осмысленных и насыщенных символическими значениями, постоянное обращение к этой теме носит характер сведения счетов, а реальная действительность выступает в ауре удивления, полусна, гротесковой видимости, вводя

героев Конвицкого в состояние эмоционального и психического паралича. Наиболее полное свое выражение эта проблематика нашла в повестях «Современный сонник» (1963), «На седьмом небе» (1967), «Ничего или ничто» (1971) а также «Польский комплекс» (1977), «Малый Апокалипсис» (1979), в которых угрюмо, мрачно, гротесково - ярко выписана картина современного общества, погруженного в бессилие и драматические конфликты, общества находящегося в конфронтации с трагическими эпизодами национальной истории и катастрофическими видениями ближайшего будущего.

Контрастным дополнением этих произведений является элегическое воспоминание страны юности, лирический призыв, обращение к миру детских разочарований и воображений, жизненным и эротическим началам в повести «Дыра в небе» (1959), «Зверечеловековампир» (1969), «Хроника любовных случаев» (1974). В псевдодневнике «Календарь и песочные часы» (1976) являющемся повторением биографического и литературного опыта автора, течение воспоминаний переплетается с литературными отступлениями лирического, рефлексивного, репортажного, иронично-сатирического, а также анекдотического характера. Как создатель авторского фильма, Конвицкий создал экспериментальный фильм «Последний день лета» (1971), за что киносценарист получил государственную премию III степени (1950), премию литературного журнала "Nowa Kultura" (1959).

Историческая тематика, история Польши, Европы и мира вновь появляется в польской послевоенной литературе в различных жанрах, в различных формах прозы. Наряду с повестями функциональными развивается также историческая эссеистика, которая в литературной форме стремится к научному подходу событий прошлого. Во II половине XX века, особенно в новейшей период продолжает развиваться историческая документалистика, которая в жанре репортажа и литературы факта-пытается описать различные фазы исторического прошлого.

Большим достижением польской литературы второй половины XX века, а именно жанра исторической повести явился цикл, посвященный династии Пястув – повесть «Болеслав Храбрый» Антония Голубева – писателя и эссеиста (родился 25.II.1907 в Вильно, ушел из жизни 27.VI.1979 года в Кракове). По образованию историк, выпускник Санкт-Петербургского университета закончил также факультет полонистики. А.Голубев принимал активное участие в студенческом культурном движении, он один из основателей (в 1931 году) и член редколлегии журнала “Zagary” («Жагары»). В 1934-36 году был редактором католического издания «Рах». Военный период вёл в Вильно, с 1946 по 1953 и от 1956 член редколлегии “Tygodnika Powszechnego”. С 1939 года писатель начинает работу над исторической повестью «Болеслав Храбры», которая со временем приобрела форму расширенного эпического цикла (ч.1-«Пуща»-1947, ч.2 «Шлоновое»-1947, ч.3-«Недобрые дни», часть 4 –«Распутье», часть 5 «Внук»-1974). Этот цикл признан главным трудом писателя, многократно переизданный (6-ое издание в 1974 году) он был отмечен премией журнала «Одра» (1948) и литературной премией им. В.Петшака (1951). Работу над «Болеславом Храбрым» А.Голубев начал еще 1939 году, завершал в 1974. В повести представлена история создания, формирования польского государства в X-XI веках. Центром драматического цикла является конфликт между интересами княжества- организации государственной и цивилизованной и первозданной стихией – лесной родовой общиной и общиной поганьской. В своей повести Голубев использовал традиции всезнающего рассказчика.

Этот прием сделал для него возможным создание многосюжетной фабулы, в которой просматривались различные события и места прошлого династии Пястув. Голубев выделяет в произведении историю связей польско-немецких, представляет распространителей христианской религии (святой Войчех, Бруно с Кверфурта) анализирует роль и значение костела в изменении сознания индивидуума и масс, а также в формировании,

укреплении государственной власти. Повесть А.Голубева связана в измерении мировоззренческом с традициями персонифицированной литературы. Развитие истории определяет творческая деятельность человека – это его усилия и труд, зачастую драматическое самопожертвование определяет дорогу прогресса истории. Богатое, насыщенное содержание цикла, широкая картина перелома цивилизации и связанных с ним драматических событий между группами общественными и отдельными людьми-делают «Болеслава Храброго» одной из выдающихся польских исторических повестей, несмотря на то, что ее мировоззренческая основа и художественная форма, особенно язык, насыщенный архаизмами, стилизованными неологизмами, неоднократно вызывали споры среди критиков. Творчество Голубева охватывает, также повествования современной нравственно-этической проблематики: «На дороге» (1966), а также рефлексийной эстетики религиозно-философской, литературной, исторической и мемуарной: сборники «Письма к приятелю», «Где мы хотим молиться» (1955), «Поиски» (1960), «Унесенные историей» (1971), «Свидетели перемен» (1974).

Другим представителем польской послевоенной литературы, продолжающим традиции исторической прозы является Хана Малевска – родилась 21.VI 1911 года в Йордановичах под Блонем, ушла из жизни 27.III. 1983 в Кракове. В 1933 году окончила исторический факультет (Католического Люблинского Университета).

Хана Малевска вошла в литературу повестью о молодом Платоне «Греческая весна» (1933). Немецкую оккупацию провела в Варшаве, была членом АК, принимала участие в Варшавском восстании, в католическом движении, в 1945-53 годах являлась член редколлегии журнала “Tygodnik Powszechny”, в 1946-56 член редколлегии, а с 1957 по 73 годы главный редактор журнала “Znak”.

В центре творческих интересов Х.Малевской стояла проблема характерная для современной исторической польской

прозы, находящейся под влиянием персонифицированного движения польской католической мысли, которая утверждала, что сознание индивидуума, участвует в переломных исторических событиях и стремится достигнуть доминирующих прав и морального смысла истории. В повести “Zelazna Korona” (Т.1-2, 1936), отмеченной в 1937 году премией Молодых Польской Академии Литературы – P.A.L., писательница представила в своем произведении правление чешского Короля Кароля V, так компануя исторический материал, чтобы извлечь из него проблематику историко-моральную и религиозную связанную с биографией властителя.

В 1938 году, во время пребывания во Франции Хана Малевска собрала материал к повести написанной в 1939 году, посвященной средневековым зодчим – строителям кафедры в Beauvais. «Камни будут звать» (1946) повесть, за которую писательница в 1948 году получила премию им. В.Петшака, в 1943-44 Х.Малевска написана биографическую повесть о Циприане Норвиде «Августовская жатва» (1947), цикл рассказов из истории древнего Рима “Stanica” (1947). Главным трудом Х.Малевской была повесть «Проходит образ мира» (Т.1-2, 1954). В повести широко представлена картина периода упадка Рима в эпоху господства Остроготов (V-VI века), битвы с восточно-римским царством под предводительством Белизариума и племенами Франков и Лонгобардов, писательница сосредоточила внимание на процессе распада старой и зарождении новой общественной формации, а также на судьбе индивидуума, схватку различных исторических и культурных сил, соперничающих за принятие духовного и культурного наследия Рима. К наиболее универсальным этико-философским проблемам обращается Х.Малевска в «Повести о семи мудрецах» (1959), показывающей зарождение греческой культуры. В Сборнике «Сэр Томас Мор отказывает» (1956), содержащем рассказы из истории Польши, среди них «Исповедь в “Saint – Germain-des-Pres”» о польском короле Яне Казимеже. Индивидуальное, вступающее

в полемику с Трилогией Г. Сенкевича видение польской культуры XVII века проявляется в повести Х. Малевской «Господа Лещинские» (1961), где представлено формирование ясной политической мысли среди общественно-политических и религиозных конфликтов той эпохи (борьба шляхетской демократии с магнатской олигархией, католиков с арланами, Речипосполитой с внешними врагами).

В комментариях к антологии «Древнепольские письма эпохи Вазов» (1959), содержатся тексты, обнаруженные в архиве в Курнике (писательница работала здесь с 1953 по 54 год). Родственным этому произведению является «Семейный апокриф» (1965) – повесть – хроника о генеологии польской интеллигенции и преобразовании шляхетской культуры от конца XVIII века до современного периода.

Решающую роль в развитии новой польской литературы, возникновении новых тем и идей в литературном процессе играют политические события, характеризующие вторую половину XX века, бурного, переломного периода в истории цивилизации. Ниже нами представлена мозаика историко-политических событий второй половины XX века.

В 1950 году заключается договор между польским государством и епископатом, 25 VI – начало военной конфронтации коммунистического блока с Западом.

31. VII 1951 года арестовывают Владислава Гомулку, проходят многочисленные политические процессы, 22. VII – провозглашается Конституция ПНР. В 1953 году уходит из жизни Сталин, в июле подписывается мирный договор в Корее. 17. IX – Никита Хрущов становится I секретарем ЦК КПСС. 26. IX – арестовывают примаса кардинала Стефана Вышиньского, 13. XII освобождается из заключения Владислав Гомулка. 14. В. 1955 года происходит важное событие в истории стран Восточной Европы; положившее начало новой политической зависимости этих государств от СССР – заключается Варшавский Договор. 8-23 VII 1955 проводится конференция Большой Четверки (СССР,

США, Англия, Франция), признающей конец «холодной войны». В феврале 1956 года на XX съезде КПСС Никита Хрущев выступает с докладом о сталинских злодеяниях. 12.III-в Москве уходит из жизни Болеслав Берут-активный руководитель коммунистического движения в Польше, в июне начинаются протесты трудящихся в Познани, 28.VI. Кроваво подавляется манифестация трудящихся (погибает 75 человек, по официальным данным).

В 1956 году начинается революция в Венгрии, 4.XI – нашествие советских войск в Венгрию.

28. X. освобождается из заключения кардинал Ст.Вышиньский, примас возвращается к своей работе.

В 1957 году в Польше начинаются реабилитация жертв сталинизма, 9.III Эдвард Герек становится I Секретарем Восводского Комитета в Катовицах.

25.III подписывается договор между правительством ПНР и СССР (до конца 1956 года вернулось около 10 тыс. человек). Ликвидируется журнал “Po prostu”, приводящий к митингу протеста, подавленному милицией.

В 1958 году Шарль де Голь становится президентом Франции. 2.X. на Всеобщем форуме-заседании ООН, польский министр иностранных дел Адам Рапацкий провозглашает антиядерную программу, названную «планом Рапацкого». 28.X. избранный кардинал Ангело Ронцалли избирается Папой (ему дается имя Яна XXIII).

В 1960 году отмечается тысячелетие Польского Государства. 8.XI-Джон Кеннеди становится президентом США.

В 1961 году – Юрий Гагарин первый человек в мире совершает виток вокруг земли в космическом корабле.

12-13 VIII – воздвигается пограничная стена, отделяющая Западный Берлин от ГДР.

В 1962 году, в октябре совершается инаугурация II Лоберг Ватиканского Собора

В 1963 году – в июне уходит из жизни папа Ян XXIII, его замещает Павел VI. 22.IX. в Далласе (Техас) убивают Джона Кеннеди - президента США.

В 1964 году – в октябре Н.Хрущев отказывается от обязанностей I секретаря партии, главой ЦК КПСС становится Леонид Брежнев.

12.IX 1965 – бискупы Польши направляют послание немецким бискупам. В декабре – заканчивается II Ватиканский собор.

Отмечается Миллениум: 14.IV – религиозная иннагурация в Гнезне; 16.IV государственная демонстрация в Гнезне с участием Марианна Спыхальского; 3.V. религиозные торжества на Ясной Гуре.

В этот период обостряется советско-китайский конфликт, на китайскую границу направляются советские дивизии. В 1967 году начинается арабско-израильская война, 12.V. – ПНР разрывает дипломатические связи с Израилем. В сентябре Польшу посещает президент Франции Шарль де Голль. В 1968 году Александр Дубчек становится I секретарем КП Чехословакии, в этот же период начинается «пражская весна».

8.III. Манифест студентов Варшавского Университета начинает «мартовские события»- демонстрации студенческой молодежи по всей стране: Кракове, Познани, Люблине, Лодзи, Катовицах.

В Польше провозглашаются антисемитские выступления в докладах политиков ПОРП (Польской Объединенной рабочей партии). Владислав Гомулка на совещании партактива Варшавы, 19 марта выступает с призывом партийных «чисток», начинаются репрессии поляков еврейского происхождения, их принуждают к эмиграции. 21. VIII-в Чехословакии встречаются войска СССР, ПНР, ГДР, Венгрии, Болгарии.

В результате мартовских событий эмигрировали или остались за границей до конца жизни польские писатели: Ян Котт, Славомир Мрожек, Хенрик Гринберг, Роман Карст, Бронислав Бачко, Ленник Колаковский, Мария Хиршович, Адам Схафф

(Польшу покинуло около 13 тыс. людей еврейского происхождения).

В 1969 году 16 января на площади Святого Вацлава в Праге состоялся акт самосожжения Яна Палаха-студента факультета философии пражского Университета.

В апреле уходит в отставку Александр Дубчек, партапарат жестоко подавляет демократическую оппозицию.

В январе Советско-китайская конфронтация заканчивается кровавой стычкой на реке Уссури (битвы продолжаются до июля 1969 года).

20. VI. Американские астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Альдрин на космическом корабле «Апполон II» приземляются на Луне.

В 1970 в течении всего года в Польше углубляется хозяйственно-экономический кризис, 7. XII этого же года канцлер ФРГ Вили Брандт и премьер-министр Польши Юзеф Циранкевич подписывают в Варшаве «Договор об основах нормализации взаимоотношений между ПНР и ФРГ».

«Декабрьские события» в Польше: 12. XII-правительство принимает решение о повышении цен, 14. XII начинаются протесты в Труймешче, как продолжение событий на гданьской верфи, происходят стычки с милицией. 17. XII 1970 года около станции Гдыня – сточня польское войско без предупреждения открывает огонь по направляющимся на работу трудящимся, погибают десятки людей (ответственность за это преступление до сегодняшнего дня не определена), в Щецине продолжаются протесты трудящихся. События находят свое отражение в эмиграционной литературе.

К этому периоду относится издание книги Юзефа Мацкевича «Громко говорить не рекомендуется», эссеистика Чеслава Милоша «Свидания над заливом Сан-Франциско», книга Доминика де Рю «Беседы с Гомбровичем». В Польше выходят в свет сборники стихов: Ярослава Ивашкевича, Ксендза Яна Твардовского «Знаки доверия», Анны Каменьской «Изгнание»,

Станислава Бараньчака «Одним дыханием», а также Рафала Войачка «Другая сказка».

Польская проза этого периода представлена произведениями Мирона Бялошевского «Дневник варшавского восстания», Марии Домбровской «Приключения мыслящего человека», Анджея Кушьневича «Король двух Сицилий», Тадеуша Ружевича «Смерть в старых декорациях», Владислава Леха Терлецкого «Двуглавая птица». Зофья Налковска издает «Военные дневники». В эмиграции польские писатели Мария Чапска публикует книгу «Европа в семье», Анджей Бобковский книгу литературных этюдов «Coco de Ogo».

20. XII 1969 года проводится пленум KCZPR (ЦК ПОРП) Владислав Гомулка освобождается от руководства партией, I секретарем партии становится Эдвард Герек.

В 1971 году в Польше издаются сборники стихов Збигнева Херберта, «Псалмы» Тадеуша Новака.

В польской прозе следует отметить произведения Тадеуша Конвицкого «Ничего или ничто», «Зоны» Анджея Кушьневича, «Шехерезада» Эдварда Стахуры, «Хлеб брошенный умершим» Богдана Войдовского, Этюды Станислава Бараньчака «Недоверчивые и самонадеянные», Яна Стшелецкого «Попытки свидетельства», Богдана Цивиньского «Родословная непокорных». В эмиграции издается книга Ежи Стемповского «От Бердичева до Рима».

Свое отражение в польской литературе послевоенного периода находит также крестьянская тема, она охватывает несколько перспектив. Некоторые произведения согласно реалистической традиции представляют общественные проблемы, в деревне, внимание писателей притягивают процессы преобразования модели деревенской жизни в результате развития техники и цивилизации.

Предметом интересов литературы является традиционная национальная культура и ее современный статус: в какой степени деревня сохраняет свою традиционную и культурную

особенность. Деревенское течение обращается также к традициям психологической прозы. Внимание писателей концентрируются на анализе психики героев, которые в поисках новой, городской жизни оставляют родную землю. Наблюдения над преобразованиями национальной культуры, положение традиционной деревенской среды, в условиях развития технической и урбанистической цивилизации, а также изменения в сознании крестьянина – это мотивы, наиболее часто встречающиеся в современной польской прозе посвященной деревенской теме. К классической польской деревенской литературе относится творчество Марии Шумской – Домбровской.

Писательница родилась 6.X.1889 года в Руссове под Калишем, ушла из жизни 19.V. 1965 в Варшаве. Ее родословная восходит к обедневшей крестьянской семье, отец участник польского антицарского восстания 1863 года, был администратором деревенских усадеб. По окончании учебы в частных польских средних школах в Калише и Варшаве (1906-1907) Домбровска изучала естествознание, социологию и философию в Лозанне, с 1908 года в Брюсселе (университет в Либре) участвовала в национально-освободительном движении польской молодежи. Еще раньше посвятила себя деятельности общественной и публицистической.

В 1910 году дебютировала в “Gazecie Kaliskiej” и журнале “Zaranie”. В 1911 году вышла замуж за М.Домбровского, эмигранта, деятеля ППС (Польская Социалистическая партия). В 1913 году находилась в Лондоне на стипендии Общества Кооператоров. К первым публикациям М.Домбровской относятся рассказы «Во Франции.... Земле чужой», опубликованной в журнале “Echo Literacko – Artytyczne”.

Во время I мировой войны была связана с польским национально-освободительным движением, была соредактором журнала «Крестьянское Дело» в 1915-16 “Polska Ludowa”. После установления независимости в Польше в 1918-24 годах работала в Министерстве Сельского Хозяйства. Принимала ак-

тивное участие в организации просвещения рабочих и крестьян, в кооперативном движении, в деятельности Профессионального Союза Польских Писателей, Пен-Клуб. Она принимала участие в общественной жизни Польши в числе прогрессивных общественных деятелей и писателей, с 1925 года участвующих в митингах против ограничения гражданских свобод и методов использованных против политических узников. Так, в знак протеста М. Домбровская отказалась в 1935 году от премии ПАЛ (Польская Академия Литературы) «Золотой Лавр», а в 1937 и 1938 от членства в ПАЛ. С 1917 года жила в Варшаве, где находилась также во время оккупации, принимала участие в конспиративном культурно-просветительском движении, в Варшавском восстании 1946 года, некоторое время жила во Вроцлаве.

В послевоенное время принимала участие в работе Пен-Клуба и Союза Польских Писателей, в деятельности Всемирного Совета Мира. Признанием творчества писательницы были многочисленные награды и отличия: премия Польского Общества Книгоиздателей (1925), государственной литературной премии (1934, 1955). Она была избрана действительным членом TNW (Варшавского научного Общества, 1946), доктором-профессором Варшавского Университета (1957). М. Домбровска похоронена в Alei Zasłużonych (Аллея почетного Захоронения) на Повонском кладбище в Варшаве. В 1971 году был открыт музей Марии Домбровской в Руссове.

Литературное творчество М. Домбровска начала рассказами, посвященными кооперативной и молодежной теме: «Дети отчизны» (1918), «Ветка черешни» (1922). Внимание критики и читателей привлекает цикл рассказов «Улыбка детства» (1923), проникнутых воспоминаниями детских лет в деревне. Новаторская, близкая к прусовской форма рассказа позволила Домбровской создать лирические картины мира, уходящего в невозвратное прошлое. Большим успехом в творчестве М. Домбровской был цикл рассказов- «Люди оттуда» (1926), соединяющих

суровый реализм описывающий жизнь людей, так называемого деревенского пролетариата с выявляющимся богатством их духовных переживаний.

Преобразованиям польской общественности и ее сознания на рубеже XIX-XX веков была посвящена тетралогия М.Домбровской «Ночи и дни» (1932-34). Гуманистические и гражданские позиции писательницы четко проявляются в многочисленных рассказах, собранных в книге «Признаки жизни» (1938), вызвавшем бурную реакцию общественности рассказом «Стеклышко о судьбах заключенного» (политическая проза посвященная событиям после революции 1905 года), вызывает интерес также послевоенный сборник М.Домбровской «Утренняя звезда» (1955). Собранные здесь рассказы «Демисезонное пальто», «Пани Зося» выражали веру писательницы в то, что трагические судьбы жертв войны и оккупации не прошли даром. Репортажи и новеллы содержащие проблемы современности («Свадьба в деревне») представляли собой попытку установления социологического и психологического диагноза перемен происходящих в сознании людей после войны. Новая попытка отражения родословной современной интеллигенции, подобно произведению «Ночи и дни» не была закончена – это «Приключения мыслящего человека» (1970). Своего рода довершением проблематики, заключенной в прозе М.Домбровской были исторические пьесы «Гений сиротства» (1939, постановка в 1959) и «Станислав и Богумил» (“Tworczosc” 1945-46 издана книгой в 1966). Домбровска стремилась создать тип зрелища, которое обращаясь к истории, показывало бы актуальную проблематику современности. Ей удалось представить в своих произведениях проблему общественных преобразований как угрозу деревенской культуры. Образ польской деревни представлен у писательницы непосредственно после проведения сельской реформы.

Двум проблемам писательница уделяет особое внимание. С искренним энтузиазмом она описывает обретение земли крестьянами в собственность. Она связывает с этим фактором ог-

ромную надежду на творческое, индивидуальное развитие польской деревни.

Одновременно с глубоким беспокойством анализирует объявленную и постепенно реализующуюся коллективизацию деревенских хозяйств. Нежелательность, политическую неожиданность этого процесса описывает, писательница в принужденном объединении крестьянских земель. Одновременно, согласно своим бытующим еще межвоенным взглядом, Домбровска восхищается идеей «общности» крестьянских трудов и деятельности. Особая ценность рассказа проявляется в произведениях писательницы на стилистическом уровне. Главной проблемой для современной писательницы является отражение народной культуры в ее контактах с новой, формирующейся массовой культурой. Домбровска различая стилистические пласты рассказа, проводит исследования, посвященные угрозе деревенской цивилизации в новых общественных формациях.

Первый стилистический пласт, произведения представляет подлинный говор (мазовецкий, им пользуются жители традиционной деревни – Яснотово).

Второй пласт – это еще деревенский польский, но уже не говор, а сформированный через контакт со школой, городом, городской урбанистический язык.

Третий стилистический пласт – это речь эмигрантов (преимущественно молодого поколения), представляющая смешение различных функциональных языков: деревенского, делового, газетного, политического. Степень угрозы традиционной деревенской культуре определяет утрата языковой памяти. Отчуждение неумолимо приводит к исчезновению народной культуры.

М. Домбровска известна также как автор талантливых произведений написанных для детей и молодежи: «Избранные произведения для детей», 1948, «Марчин Козера», 1927, «Дружба», 1927, «Чистые сердца», 1936, «Избранные произведения для молодежи», 1948. Все эти рассказы отличаются об-

щественно-педагогической и патриотической тематикой. Свои впечатления от поездок и путешествий М.Домбровска описала в следующих произведениях: «У северных соседей», 1929, «Наброски из путешествий», 1956, здесь нашли свое отражение страны Прибалтики и Германия.

М.Домбровска отличается даром переводчика: ее перу принадлежат переводы русской (А.Чехов, М.Горький), датской (Нильса Лина, П.Якобсона, 1927), английской литературы (Дневник С.Пепыса, 1952). Литературоведческое наследие М.Домбровской охватывает статьи и исследования о польских писателях (А.Мицкевич, Ю.Словацкий, Б.Прус, М.Ожешко, Ян Каспрович, С.Выспяньский, С.Жеромский, Ю.Каден-Бандровский, А.Струг и др.) и писателях зарубежных (М.Гоголь, Л.Толстой и др.). Часть из отмеченных произведений вошла в сборник «Размышления о делах и людях» (1956). Особое место в ее творчестве занимают «Наброски о Конраде» (1959), являющееся выражением стремления писательницы к обогащению современной польской культуры и сознания поляков искусством и аристократической этикой Конрада. Литературоведческие труды М.Домбровской посвящены также анализу философских и художественных возможностей современной польской реалистической прозы, они содержат комментарии о собственном творчестве писательницы (напр. «Некоторые размышления о «Днях» и «Ночах»: в журнале «Атенеум» 1938, №4-5, вступление ко 2 изданию произведения «Люди оттуда», 1935). Значительное место в творческом наследии М.Домбровской занимает также публицистика, тесно связанная с её литературным творчеством, поднимающая, в основном, общественные и нравственные проблемы кооперации, а также проблематику современной деревни.

К наиболее важным относятся: «Финляндия, образцовая страна кооперации», (1913), «Побеждающая кооперация», (1920), «Об исполнении сельской реформы», (1921), «Жилищные проблемы и кооперация» (1921), «Жизнь и деятельность Эдварда Абрамовского» (1925), вступление ко 2 серии «Крестьянских днев-

ников» (1936), «Роздрожье-исследование на тему сельских проблем», 1937). Эти произведения одновременно с политическим произведением М.Домбровской «Мой ответ», (1938), были вескими и решительными в дискуссии о сельской реформе тех времен. В создаваемом писательницей на протяжении всей творческой жизни «Дневнике» (фрагменты опубликованы с 1973 года в журналах, представляющем источники тем и творческих замыслов писательницы, содержится богатая и проникновенная картина ее времени. М.Домбровская прошла в своем творчестве длинную дорогу от позитивистской модели литературы до реализма в современном его понимании. Ее творчество основано на традициях национальной литературы, писательница высоко ценила в своей деятельности идейность искусства, выразительность психологического образа и значимость хорошо построенной фабулы.

Творческие концепции М.Домбровской находились под влиянием философской и социологической мысли XX века, она использовала художественный опыт выдающихся европейских писателей, таких как Конрад, Чехов, Пруст и Т.Манн. От философских и литературных течений, возникающих из чувства угрозы человеческой экзистенции и сомнения в упорядоченности цивилизации Марию Домбровскую отделяло глубокое убеждение в смысле и важности истории.

В нашем исследовании мы говорили о литовской тематике в творчестве Т.Конвицкого. Свидетельства ушедших культур появляются также в творчестве других польских писателей. XX век способствовал преобразению традиционной картины мира: огромный культурно- творческий прогресс мировые войны триумф творческой мысли человека и вместе с тем моральная деградация, находящая свое выражение в тоталитарных системах все эти явления и процессы внезапно изменяли культурный порядок. В XX веке многократно передвигались границы государств, вопреки фактам, и свидетельствам истории люди раз-

личных национальностей приговорены были жить в чуждых им условиях общественных, политических и государственных.

Литовская тематика, в отличной от прозы Т.Конвицкого форме, доминировала также и в творчестве Юзефа Мацкевича (1902-1985). После II Мировой войны писатель жил в эмиграции – в Англии, затем в Мюнхене. Годы оккупации писатель провел в Вильно, в начале захваченным Литовцами, а затем Советским Союзом (1940-1941) и немцами (с 1941 года). Глубокие антикоммунистические позиции Ю.Мацкевича послужили причиной его сотрудничества с немецким «гадюшником»-«Ежедневным вестником». За это сотрудничество он был приговорен АК (Армией Крайовой) на смертную казнь (приговор не был исполнен). Ю.Мацкевич участвовал с согласия немецких властей и АК в процессе эксгумации могил польских офицеров на Катыни.

Биография писателя, также как и его творчество и литературно-публицистическая деятельность, и сегодня являются предметом активных обсуждений и неоднозначных оценок, данных ему историками.

В прозе писателя находит свое отражение Литва и Вильно военных времен: Мацкевич со страстью историка документалиста и художника-прозаика заключает историческую правду в функциональную структуру. Литва Ю.Мацкевича не является страной, вечного счастья, но ктраем, находящимся под угрозой потери личной адекватности.

Литовская тематика со всей определенностью носила свое отражение в повестях «Дорога в никуда» (1955), «Громко говорить возбраняется» (1969).

Особой жестокостью в XX веке была отмечена судьба еврейской общественности, драматическая история этого народа явилась темой, наиболее часто встречающейся в польской литературе. В польской прозе к еврейской проблеме обращались писатели различных генераций и различных художественных ориентаций. Здесь можно отметить прозу Ежи Анджеевского, Адольфа Рудницкого. Приводящий в содрогание образ

жизни евреев в Варшавском гетто, представлен в повести Богдана Войдовского (1930-1994) «Хлеб брошенный умершим» (1971). Это произведение представляет собой беллетристическую хронику трагической жизни евреев, подверженных беспощадному процессу экстерминации. Болезненная реальность этой повести усиливает концепцию героя: молодого, формирующегося юноши. Его глазами мы постигаем нечеловеческий мир гетто. Повесть Богдана Войдовского можно сравнить с книгой репортажей Ханы Краль, (родилась 20.V.1937 года в Варшаве). Журналистка, репортер. Окончила факультет журналистики Варшавского Университета, работала в редакции «*Lucie Warszawy*» (1955-66) и «*Politika*» (с 1966 года), командированная этой газетой она жила в СССР как собственный корреспондент издания. Результатом этой поездки были книги ее репортажей: «На Восток от Арбата» (1972), «Сибирь, страна возможностей» (1974), «Зрелость доступна всем» (1977). Сборник «Шесть оттенков болезни» (1978), раскрывает проблемы польского общества на примере отдельных судеб людей, выявляет общественно-культурные преобразования и конфликты современного мира. Славу и признание писательнице принесла книга «Успеть перед Господом». Произведение изданное в 1977 году (первое издание в журнале «*Odra*» в 1976 году) представляет собой запись беседы с М.Эдельманом, известным врачом – кардиологом в 1943 году руководитель еврейской военной организации в Варшавском гетто. Репортаж Эдельмана о трагических днях ликвидации гетто немцами краткий и скептический, вопреки легенде героизирующей борьбу с фашистами и само восстание. Эдельман восстанавливает в памяти и передает – как высшую ценность в последних ситуациях – героизм действий и актов человеческой солидарности. Хана Краль – автор, созданного ею особого типа репортажа – краткого, бережного отчета, выразительность которого вытекает из соответствующей конструкций исповеди героя (диалога, монолога) и, можно сказать, абсолютного отсутствия авторского коммента-

рия¹. Репортаж Ханы Краль, отличающийся скупостью суждений и оценок, сосредоточенный на фактах раскрывает с особой проникновенностью трагедию евреев и их, лишенный пафоса героизм.

Военное время и социалистическая реальность Польши нашла свое отражение в единственной, но необычайно важной книге Казимежа Мочарского – прозаика, публициста, родившегося в Варшаве 21.VII.1907, ушедшего из жизни 27.IX.1975 там же, в Варшаве. По окончании юридического факультета, работал журналистом. Принимал участие в войне за освобождение Польши в 1939 году, в период оккупации страны немцами. Был членом АК, участвовал в Варшавском восстании. Казимеж Мочарский является автором единственной, то необычайно важной книги «Rozmowy z katem» (Беседы с полачем) изданной в 1977. Генезис этой книги связан с драматической судьбой автора. К.Мочарски, бывший во время оккупации членом АК, в его Главном Командовании, по окончании войны был арестован (1945-1958) по обвинению в измене родине и сотрудничестве с Гестапо. Писатель был приговорен к смертной казни, которая в дальнейшем была заменена пожизненным заключением. Психический террор, которому подвергался писатель, заключался также в том, что он был помещен в одну тюремную камеру с Юргеном Струпом – ликвидатором Варшавского гетто. Спустя девять месяцев Мочарски и Струп были приравнены к заключенным одной и той же «категории»! Тюремные беседы этих людей и представляют основу этой необычной книги – документа «Беседы с палачом». Героем этого произведения является фашистский палач, а конструкция произведения представляет собой, также как у Ханны Краль – интервью-беседу. Сопутствуют этому дневниковые записи, связанные с пребыванием писателя в тюрьме Сталинского периода.

---

¹ См. M.Szpakowska. Wbrew Wyrokowi. „Tworczość”, 1978, № 3, M. Jaworski. Reportaż o pamiętaniu” “Kontrasty”, 1978, № 4.

Необычность книги Мочарского заключается в искусном представлении образа преступника, который оказывается не только полачем, но и жертвой тоталитарной системы и нечеловеческой идеологии¹. Проницательная наблюдательность, пытливость, построение образа с позиций историка-социолога, экономность и одновременно внушительность слова делают эту книгу документом и творческим трудом необычайной выразительности. Адаптация сценария произведения «Беседы с палачом» принадлежит З.Хюбнеру, режиссером фильма является Анджей Вайда (1947). Произведение Казимежа Могарского «Rozmowy z katem» переведено на немецкий, английский, французский, сербо-хорватский, чешский, венгерский, иврит, японский языки.

Вторая половина XX века в польской литературе в стране и в эмиграции характеризуется значительным интересом польских писателей к жанру Эссе и дневников. Начало эссеистики в литературе связано с творчеством Michela de Montaigne (Мишеля Монтен 1533-1592). Его образцы – на французском *essais*, положили начало мировой карьеры эссе. Этот жанр, находящийся на границе науки и искусства, объединяет в себе исследовательские элементы научной работы с эстетизмом литературы. Тематика эссе может быть разнообразной и не имеет достоинств дифференцирующих жанр. Тем не менее, его авторы концентрируются в целом на проблемах важных, с точки зрения положения человека: на проблемах эсхатологических, философских, культурных, художественных. Эссе как жанр не имеет характера вымысла. Его создателем и повествователем является сам автор: интеллектуал и художник в одном лице, который зачастую в лирических отступлениях и форме анекдота представляет предмет своих испытаний и размышлений.

---

¹ См. Literatura wobec wojny i okupacji. Red. Michał Glowinski, Janusz Sławiński. Wrocław, 1976.

A.Malachowski. „Rozmowy z katem”. „Odra”, 1978, №2.

Эссеистическую прозу характеризует особая субъективность – авторская, субъективная точка зрения. Здесь чувствуется также забота автора о форме, оригинальной и красивой форме передачи мыслей. В настоящее время в исследованиях над эссе подчеркивается особо высокая компетенция, которой требует жанр, соединяющий науку с искусством. Вместе с этим «мировоззрения» Эссе отличает глубокий диалог. Автор, свободно проводя исследования, обращается к различным взглядам и концепциям, отталкивается от суждений других писателей и мыслителей. Эссе можно рассматривать как жанр высшего диалога, выражающего видение мира, основанного на понятии личности. В современной, гуманитарной мысли решающую роль играют именно диалоговые жанры: интервью, беседа, дискуссия. Эссе связано с традициями этих жанров. Источником развития этого жанра является его дуалистическая структура. Стыковка искусства с наукой, о чем мы говорили выше, позволяет преодолевать специфические барьеры общественных наук, включенных в оборот культуры различных областей человеческого знаний и активности.

У истоков польского эссе XX века находится творчество Тадеуша Боя – Желеньского, Ежи Стемповского, Болеслава Мичиньского. В новейшей польской литературе можно проследить своеобразное «нашествие» Эссе. Она выражалась в послевоенный период не только богатством представленных тем, но также разнообразием поэтики и стиля. Эссе проникает также в структуру фабулярной прозы, преобразовывая, тем самым, ее традиционную форму и характер, эссенцируя эти произведения. Изменению подвергается именно структура повествования, таким образом, ослабляется функциональное измерение произведения. В область фабулы вводятся исследования философского, общественного, автотематического характера, посвященные обстоятельствам создания самого произведения. Такая повесть находится на границе литературного вымысла и истинного репортажа – охватывающего те проблемы, которые для автора

(но не рассказчика!) представляются важными. Эссензация современной польской прозы выражается не в единых формах и служит различной проблематике. Это возникает из попыток повторения содержания исторических и культурных испытаний народа и польского государства в XX веке. Попытка общего обзора этих проблем способствуют выходу произведения за пределы литературного вымысла и построению деструктивных эссеистических исследований. Так, Мария Домбровска в «Приключениях мыслящего человека» (1970), представляя историю поляков на фоне бурных исторических событий: от революции 1905 года до событий после II Мировой войны, многократно обращалась к деструктивному комментарию – проскальзывающему к закону литературного вымысла.

Эссеизация проявляется также в современной польской прозе, сводящей счет, которая выростала из бурных событий, отмеченных датами 1949, 1956, 1968, 1980 и 1981 годов. Проблема краха польской послевоенной действительности с необычайной остротой проявилась в «сокрушающих» прозаических формах Ежи Анджеевского, Тадеуша Конвицкого. Эссеизация современной польской прозы связана в современной литературе также с использованием эпистолярных форм. Именно такой эпистолярно-эссеистический характер имеет произведение «Письма к рани 3.» (1962) Казимежа Брандыса, отражающее различные проблемы современности, в особенности анализирующее культурную и цивилизационную кондицию общества. Эссеизация польской прозы вытекает также из некоторых особенностей поэтики в позднем творчестве тех польских писателей, которым была предоставлена патриархальная милость преклонного возраста. Мастерское владение литературной формой, игра с художественными конвенциями исходят из уверенности в неисчерпаемости существующих жанровых форм до полного выражения жизненного опыта. Прекрасным примером этому является поздняя проза Ярослава Ивашкевича, в особенности, элегичный том его рассказов эссе – «Сны. Сады, Serenite» (1974). В современной

польской литературе эссеистическая проза сконцентрирована вокруг нескольких основных тем. Прежде всего, следует отметить литературное эссе, в нескольких, в этом смысле понятиях: как функции действий критико-литературных, как выражение интереса к культуре, литературной жизни, творческому процессу, к созданию художественного произведения, к биографии писателя. Во главе именно такой эссеистики стояли Казимеж Выка (1910-1975). Ян Котт (1914), Артур Сандауэр (1913-1989), Анджей Кийовский (1928-1985). В огромном наследии Казимежа Выки особо выделяются книги: «Этюды литературные и художественные» (1956), «Жизнь не всерьез» (1957), «Польза воображения» (1959), «Путешествуя по темам» (1971). Ян Котт – шекспировед мировой славы, автор известной и получившей высокую оценку также автором Эссе «Мифология и реализм» (1946), «Aloes» (1967) Артуром Сандауэром, вдохновителем, творчества Витольда Гамбровича и Брунона Щульца, которым еще до войны он посвятил критические статьи. Критик является также автором следующих книг: «Без льготного тарифа» (1959), «Самоубийство Митридата» (1968), «Поэты четырех поколений» (1977). Отмеченный выше Анджей Кийовски является автором книг «Неизвестный шедевр» (1964), «Критические миниатюры» (1961), «Ноябрьский вечер» (1972). Современная польская эссеистика поднимает также проблемы культуры, а прежде всего, наследия и общественного положения современной европейской культуры. Взгляд польской эссеистики направлен также в сторону средиземноморской культуры. Именно средиземноморский миф помогает польской культуре в ее описании и в поисках ее исторической адекватности. «Родная Европа» Чеслава Милоша, «Варвар в парке» Збигнева Херберта, «Средиземноморский миф» Мечислава Яструна, а также «Путешествие в Италию» Ярослава Ивашкевича – это эссеистические книги, подчеркивающие необычайную важность проблемы истории европейской культуры, ее национальной адекватности.

1956 год представляет серьезный этап в истории новейшей польской литературы; этот год приносит с собой интенсивное развитие культурных событий, выражающихся дебютами значительного числа поэтов и прозаиков. Внезапная активизация литературной жизни в этот период была связана с появлением большого числа выдающихся талантливых художников, а также с издательскими возможностями, которые создала изменяющаяся политическая обстановка.

Крушение эпохи соцреализма началось в Польше относительно рано. В 1953 году умер И.Сталин, 1954-1955 годы-это период так называемой «оттепели»: господство цензуры в Польше уже не так беспощадно, в печати же политической и культурной пока все еще слышатся голоса критиков-представителей тоталитарной системы. Процесс преобразований замыкается 1956 годом, богатым серьезными событиями в так называемом социалистическом лагере. В феврале этого года собирается XX съезд КПСС, на котором подвергается критике правление Сталина, оно обвиняется в искажении ленинских идей.

В Польше же, после июньских событий в Познани (забастовки, вооруженное нападение милиции и войска), пленум ЦК ПОРП, назначает в октябре Владислава Гомулку I секретарем партии. Открытой критике сталинизма в этот период сопутствуют общественные надежды на возвращение свободы и суверенитета в рамках так называемого польского пути к социализму.

Октябрь, 1956 года ознаменовался, однако событием, которое со всей остротой показало иллюзорность всех надежд на свободу в системе советского коммунизма: восстание в Венгрии было кроваво и беспощадно подавлено советскими войсками.

Октябрьский период, как было отмечено выше, приносит польской литературе большое число важных дебютов. В литературную жизнь вступают не только молодые творческие силы, для которых благоприятное время истории было также подходящим моментом издания первой книги. Свои произведения

публикуют также и те писатели, которые значительно раньше были готовы для такого дебюта (перед 1956 годом они публиковали свои произведения в печати), но их творчество не могло существовать в рамках соцреализма. Политические причины определяют генеалогическую сложность поколений относящихся к октябрьскому рубежу. 1956 год открывает богатое и разностороннее развитие новейшей польской лирики. Среди дебютантов – художники, прямо относящиеся к поколению Колумбов: Мирон Бялошевски (1922-1983) а также Збигнев Херберт (1924). Оба поэта открывают различные поэтические направления (и школы) в литературе. Дебют Херберта, (его творчество было освещено в печати еще в 1948 году) был отмечен книгой “Struna swiatla”-Струна света, ведущей к классическим традициям польской лирики, творчество Мирона Бялошевского (он дебютировал в 1947 году) также отличалось своим новаторским характером. Значительным явлением в польской литературе этого периода является творчество Збигнева Херберта.

Збигнев Херберт автор семи поэтических сборников, нескольких пьес, эссе. Он пишет только тогда, когда наступает минута необходимости создания поэтических произведений. Он пишет не для того, чтобы создавать прекрасные фразы, а для того чтобы атаковать зло, указывать на ценности уходящие и находящиеся под угрозой, чтобы заставить задуматься сильных мира сего о важности наследия, которым является история и культура.

Херберт говорит о сложных проблемах ясно и просто, избегает высокопарных слов. В его поэзии преобладает то, чего не найдешь на мусорных свалках современного искусства: достоинство, ответственность, верность идее, потребность абсолютной правды, чувство обязанности.

Херберт делает попытку вступить с этими ценностями в конфронтацию с современностью. И выходит из этого противостояния с произведениями отличающимися, сильными и

серьезными. Херберт относится к узкому кругу писателей, которых публика признает как моралистов. Но, следует отметить, что этико-моральный оттенок его глубоко философских стихов не имеет ничего общего с дидактикой....

Автор "Pana Cogito" это мастер поэтической повести.

Когда он пишет о Фортенбрасе, проконсуле или захваченном городе то умело вступает в разговор о современных политических конфликтах. Мастерство оперирования большой метафорой принесло ему признание за границами Польши. В одном интервью этот героический гуманист сказал следующее:

«Может быть, мир на самом деле действительно не имеет большого значения, ведь известно, что жизнь не будет продолжаться вечно, все закончится - Илиада, кафедры, Пикассо. Однако я сумею вытерпеть, бороться за лучшее моральное устройство с помощью смешной вещи-писания стихов - я стараюсь защищать вещи, по – моему убеждению, серьезные. Ведь существует еще возможность создания и чтения слов- в этом есть кроха надежды».

Смысл мучения, трения с действительностью в этом вся проблема. Я знаю, что не сумею освободить мой народ- но я должен поступать так, как то было бы возможно. Я должен стараться. Нет такой силы земной, которая была бы в состоянии отобрать у меня этот смысл. Сделать это чувство смысла основой всеобщий – это вероятно самое большое задание». Збигнев Херберт родился 29 октября 1924 года в Львове. В одном интервью еженедельнику «Политика», он рассказывал, что его прадед приехал в Польшу из Англии через Вену, на территорию тогдашней Галиции, т.е. северо-восточной Польши, находящейся под австрийской оккупацией. Прадед работал педагогом английского языка. Вначале он не умел разговаривать по-польски.

Было бы преувеличением искать в этой генеалогии какие-то истоки «европейкости» в творчестве Херберта, или еще более англосаксонского влияния на его лирику.

Однако, безусловно, то, что генетические факты, находят все же свое, как – бы символическое выражение в стихах поэта.

Внук вышеотмеченного прадеда- англичанина-отец Збигнева Херберта-прославился в Польше-в период I мировой войны-как легионер и пламенный патриот. До 1939 года отец поэта был директором банка во Львове. Именно и он пробудил в сыне гуманитарные интересы. «Отец рассказывал «Одиссею», когда мне было три года. Мне не нужно было искать в словаре, кто такой Полифем -это было для меня ясно, я просто вырос в этом»-рассказывал позже Херберт, вспоминая радужный период своего детства.

Во Львове он окончил среднюю школу. Осиротев после смерти отца, он остался один с матерью-полькой-в результате военных действий 17 сентября 1939 года-вначале в Западной Советской Украине, позже на территории гитлеровского Генерального Губернаторства. Ещё во время войны получил аттестат зрелости и начал учебу в конспиративном университете¹. В 1944 году осел в Кракове.

После войны Херберт поступает в Академию Искусств, затем в Торговую Академию, которую заканчивает в 1947 году как магистр экономики. Он никогда не выставлял своих рисунков и картин, но до сегодняшнего дня остался верен живописи и скульптуре.

Херберт продолжает заниматься наукой в Университете им. М.Коперника в Торуне, где заканчивает юридический факультет, с тем чтобы далее изучать в Варшавском Университете философию. Следует отметить, что знания именно этих последних классических наук и составили основу его будущего поэтического творчества. Профессором и духовным опекуном молодого Херберта стал в Университете-Хенрик Эльзенберг (1887-1967), философ, известный ученый в области этики и

---

¹ В конспиративном Львовском Университете в этот период преподавал восточные языки, находящийся в эмиграции, востоковед-генерал, министр МВД Азербайджанской Демократической Республики, профнссор Садых-бек Агабекзаде.

теории ценностей, специалист в области классической древней философии.

В 1950 году Херберт на страницах журнала “Tygodnik Powszechny”, публикует «Два станса»: «Август, Море»-стихи признаются как дебют поэта: Написанная после войны поэзия на партизанскую тематику не была опубликована автором. В 1954 году новые стихи Херберта были опубликованы в альманахе «Я должен выбирать каждую минуту». Поэт работал в различных областях: был редактором “Przeglądu Kupieckiego”, чиновником в Банке, сотрудником в магазине, в организации санитарных служб, администратором в Союзе Польских композиторов...

Местом постоянного жительства выбрал Варшаву. Период, в котором ему пришлось дебютировать, в который должен был выпустить свою первую книгу назывался в литературе периодом соцреализма.

Херберт был одним из немногих, которые предпочли отвергнуть соблазны карьеры и дебюта, если ценой этому была слава придворного поэта-панегириста сталинского периода. В литературном наследии Херберта нет книг или публикаций, которых бы он мог стыдиться. Ценой этому было создание произведений «для ящиков» и так называемый запоздалый (не повторный, как это было у других) дебют. В 1954 и 1955 годах в Польше начался процесс общественно-политических и культурных перемен, причиной которому явилась смерть Сталина. Эти перемены были ускорены решениями XX съезда КПСС и VII Пленума ПОРП (1956 г.).

В польской литературе была отвергнута поэтика соцреализма. Популярной в тот период стала запрещенная до того тематика военная, историческая, экзистенциальная. Польские писатели начали поиски новых средств выражения. Начался молниеносный процесс знакомства с новейшими произведениями культуры Западной Европы. В 1955 году на страницах “Zysia Literackiego” были опубликованы наряду с критическими статья-

ми, стихи поэтов, которые встали во главе нового литературного поколения, названного «поколением 56» или «группой Современности» (от названия варшавского журнала, объединяющего молодых). Среди этих авторов был и Збигнев Херберт.

В 1956 году издается первая книга стихов Херберта «Струна света».

Один из выдающихся польских литературных критиков, профессор Кажимеж Выка написал об этой книге лестную рецензию, отмечая «богатство незаурядной внутренней культуры, разумный поиск собственной поэтической дороги, поразительную добросовестность и большие знания действительности, ее современных форм и мыслительных корней. В 1956 году Херберт дебютирует как драматург, публикуя в “Tworczosci” пьесу «Пещера философов». Годом позже издается второй сборник стихов: «Гермес, собака и звезда».

В 1958 году Херберт в журнале “Dialog” публикует современную пьесу «Вторая комната», отмеченную наградой польского Радио. Херберт отправляется в путешествие по Франции и Италии. Здесь он открывает для себя новые источники своих философских и художественных инспираций.

Третья книга стихов – «Эскиз темы» -издается в 1961 году. В этот период стихи Херберта уже публикуются в зарубежных антологиях и журналах. Результатом путешествия Херберта является книга художественных эссе «Варвар в парке». Книга эта была дважды издана в Польше, фрагментарно или полностью была опубликована на иностранных языках.

В 1964 году писатель был награжден Премией Фонда им. Кошчельских (Швейцария). 1965 год принес Херберту австрийскую государственную премию им. Миколая Ленау за «выдающиеся достижения в области европейского литературного творчества». В момент иннагурации награды Херберт отметил в своем выступлении: Я рад, что поэтическое слово пересекает сегодня границы и вступает в диалог с жителями нашей Планеты. В этом заключается призвание поэзии, она явля-

ется средством взаимопонимания в мире, именно она в действительности передает достижения рода человеческого». В том же самом, в 1965 году Херберт награждается также премией Фонда имени Южиковского (США). В ФРГ в переводе К.Дедекюса, а годом позже в Чехословакии в переводе В.Дворачковой издаются первые два зарубежных сборника произведений Херберта. В 1965-1971 годах Херберт отправляется в очередное зарубежное путешествие, сыгравшие важную роль в его интеллектуально-культурном творчестве. Поэт посещает Францию, ФРГ, Грецию, Северную Америку, принимает участие в различных поэтических импрезах, организывает авторские вечера.

Продолжительное время пребывает Херберт в США, где его приглашают читать лекции по польской культуре в местных университетах. В это же время в стране издается его четвертая книга «Надпись», награжденная на Лодзинском фестивале поэзии.

Вершиной драматургического творчества Херберта является изданная в 1970 году книга «Драмы» (она содержит пьесы «Реконструкция поэта», «Пещера философов», «Вторая комната», «Кукла»). Эти произведения были после публикаций в прессе, многократно поставлены в театрах, на телевидении, прозвучали в радиопостановках.

В 1971 году Херберт возвращается в Польшу. В этом же году в издательстве “Czytelnik” издается его книга «Избранные стихи», а вскоре после этого еще две книги стихов (произведения поэта наряду с другими были включены в серию Библиотека XXX-летия – представляющую выдающиеся достижения послевоенной литературы).

Несмотря на то, что все книги поэта пользовались большим признанием, самый большой успех и признание читателей получила его книга «Пан Когито», изданная в 1974 году. Эта книга была отнесена к числу выдающихся достижений современной польской литературы, выделение томика стихов являе-

ние довольно редкое, свидетельствующие об особой ценности и популярности цикла. Герой книги Пан Когито-отождествляется с того времени как маска (alter ego) самого Херберта.

В 1973 году поэт награждается очередной престижной европейской премии имени Г.фон Хердера (ФРГ).

Вторую половину 70-х годов поэт проводит, в основном, в Западной Европе. В 1979 году в Вероне поэт получает премию им. Франческо Петрарки за поэтическое творчество, а в 1981 году в Польше Литературную премию им. А.Струга.

В начале 1981 года Херберт возвращается в Польшу.

Он принимает личное участие в премьере спектакля под знаменательным названием «Возвращение Пана Когито», подготовленного на основе его произведений Старым Театром в Кракове. Организованный перед премьерой авторский вечер стал большим событием не только культурной значимости. Возвращение Херберта в период 16 месячной послеавгустовской свободы был неслучайным, имел символическое значение. Ведь Херберт относился к группе тех интеллектуалистов, которые не принимали фальшивую основу общественно-политической жизни и ее последствия.

Творчество Херберта и реализованная не только в его творчестве независимая «прямая позиция» «среди тех кто на коленях», «презрение к шпионам, палачам, трусам» (цитата из стихов поэта)-стали вдохновением, поддержкой для поколения оппозиционеров от марта 1968 года по август 1980 года. Хотя некоторые (например поэты «Новой Волны») не до конца одобряли лексикон Херберта, основанный на намеках и историческом костюме, упрекали поэта в чрезмерной сдержанности при обращении к современной тематике, однако растущая популярность, политическое влияние поэзии Херберта доказали, что его дорога была верной.

«Ну зачем ты вернулся?» - спрашивал Херберт Пана Когито в то время, в 1981 году, весной.

И отвечал - (стихотворение «Пан Когито-возвращение»).

«(....)»Может быть, Пан Когито возвратился
чтобы ответить
на шепоты страха
на внезапные удары
на убийственные вопросы».

Этот «внезапный удар» был раньше, чем ожидался...

В самый трудный период военного положения Херберт вновь выезжает за границу.

Так возникает замысел создания книги стихов «Репорт из осажденного города» (1983), стихотворение под тем названием является выдающейся (наряду с прозой Тадеуша Конвицкого) рефлексией на тему польской драмы 1981-1982, но также и большой метафорой любой политической силы, политического лицемерия и силы предательства. К числу самых престижных наград, какими было отмечено творчество Херберта, следует отнести венгерскую награду Фонда Князя Габора Бетхлена присуждаемую наиболее независимым писателям и интеллектуалистам из стран Центральной Европы (1987 год).

В 1989 году Херберт награждается в Нью-Йорке премией им. Брунона Шюльца как доказательство признания неамериканского писателя, творчество которого заслуживает широкого признания в США». Херберт также является лауреатом единственной литературной премии, присуждаемой в Израиле-Премии Иерусалима (1990 г.). В своей поэзии – подчеркнуло жюри-Херберт показывает борьбу индивидуума с тоталитарным режимом за свободу и национальное своеобразие. (Предшествовавшими лауреатами были Бертран Рассел, Макс Фриш, Грехем Грин, Октавио Пас, Джордж Луис Боргес).

В 1990 году в Париже издается последняя седьмая книга стихов Херберта – «Элегия ухода». В Польше обширное эссе посвятили творчеству Херберта: Я. Квятковски, Я.Блоньски, Я.Пештшаховитски, С.Бараньчак и другие известные критики. В 1982 году в Кракове была издана первая монография-посвященная творчеству Херберта, «Игры Пана Когито» А.Ками-

шевского (расширенное второе издание в 1990 году), а в 1985 в Лондоне-вторая — «Беглец из Утопии» Станислава Бараньчака. Наивернейшим переводчиком, популяризатором и знатоком творчества Херберта за границей является директор Польского Института в Дармштадте (ФРГ) Карл Дедекюс. Большое значение имела также публикация широкой подборки стихов Херберта в США и Великобритании — со вступительным словом Чеслава Милоша.

Поэзия Збигнева Херберта представляет в польской современной лирике направление неоклассицизма. Истоки этого направления начинаются от упадка “*Młodej Polski*” и особенно тесно, связаны с творчеством Леопольда Стаффа (сборник стихов «Цветущая ветвь»). В межвоенное двадцатилетие неоклассические тенденции проявились также и в творчестве Ярослава Ивашкевича, Павла Херца, Люциана Шенвальда. Возрождению классических жанров и античных правил сопутствовала проблематика культурного универсализма, поиска в прошлом непреходящих экзистенциальных и метафизических значимостей.

В польской послевоенной литературе активное развитие неоклассицизма связано не только с дебютом Збигнева Херберта, но также и Ярослава Марка Рымкевича и Ежи С.Ситы. Подлинным источником концепции современного неоклассицизма стало творчество Томаса С. Элиота.

Одной из основных особенностей неоклассицистической лирики Збигнева Херберта является создание современного видения мира художественными средствами, канонизированными и санкционированными традицией. Уже в первой книге стихов «Струна света», мифологические мотивы, свидетельствующие о более чем столетней традиции средиземноморской культуры, служат презентации сложных, нередко трагических и болезненных моментов современной истории.

Стихотворение «О, Троя», представляющее античную историю о разрушенном городе, превращенном в пепел, является

свидетельством связи истории прошлого, превращенной в миф и легенду, с испытаниями выпавшими на долю Европы и мира.

Именно Троя, мифический город, оказывается явным знаком современности, символом все еще актуальных деятельности человека и деятельности человечества.

Современность, таким образом, показана в лирике Херберта в универсальной перспективе.

Из античных мифов, из истории искусства прошлых эпох, из жизни исторических и литературных образов, из событий прошлых веков, выводит поэт смысл и значение, которые имеют надвременную и надгеографическую ценность в истории и в современном сознании.

Обращение к традиции позволяет проследить культурный кризис современности, в особенности, угрозу лишения, наследственности.

Стихотворение «К Апполону» позволяет говорить о деструкции гармонии и лада современного мира. От Апполона, античного бога совершенства, красоты, остался всего лишь пустой цоколь – след ладони, ищущей форму».

Сами названия стихотворений Херберта демонстрируют область культурных экспериментов в его творчестве: «К Афине», «К Марку Авремею», «История о короле Мидасе».

Предметом литературного обращения является наряду с мифологией, историей и античной литературой также и классическая европейская традиция. Соблюдение роли традиций создало в поэзии Херберта возможность реинтерпретации разнообразных фактов культуры. Благодаря этому ему удается придать классическим, закрепившимся в памяти европейцев темам новое значение, новый смысл, актуализировать их сферу и характер.

Лирика Херберта полна уважения к прошлому, она характеризуется современностью средств выражения, объединяет глубину философских размышлений с простотой поэтического языка.

Самым большим достижением в художественном творчестве Херберта является лирический цикл «Пан Когито»-продолжающийся до сегодняшнего дня. Главный герой (его имя от латинского: “cogito ergo sum”- мыслю, значит существую) пытается найти свое место, место человека вообще в вечной драме, какой оказывается его существование в истории, культуре, в мире.

..... powtarzaj stare zaklecia ludzkosci bajki i legendy
Bo tak zdobdziesz dobro ktorego nie zdobdziesz
Powtarzaj wielkie slowa, powtarzaj je z uporem
Jak ci, co szli przez pustynie i gineli w piasku
A nagrodza cie za to tym co maja, pod reka
Chlosta smiechu, zabujstwem na smietniku
Idz bo tylko tak bedziesz przyjety do grona zimnych
Do grona twoich przodkow: Gilgamesza, Hektora, czaszek

Rolanda

Obroncow krolestwa bez kresu i miasta popiolow
Badz wierny, Idz

Pan Cogito 1974.

..... Повторяй старые заветы человечества, сказки и легенды

Только так завоюешь добро, которого не завоюешь
Повторяй великие слова, повторяй упорно
Как те, что шли через пустыню и погибали в песках
А наградой тебе за то, что есть у них под рукой
Хлесткий смех и убийство на мусорной свалке
Иди, потому, что только так ты будешь принят в общество
холодных черепов
в общество своих предков: Гильгамеша, Гектора, Rolanda
стражей королевства безкрайнего и города прахов.
Будь верным Иди (подстрочный пер. с польского
здесь и далее – Г.А.).

В одно десятилетие с Хербертом дебютируют также такие талантливые поэты как Станислав Гроховяк (1934 г.р.) с книгой стихов *Ballada gycerska* (Рыцарская баллада), представляющей поэтику антиэстетизма, а также Ежи Харасимович (1933 г.р.) с книгой «Чудеса», ведущей к традициям народной фантастики. Среди дебютантов можно назвать и Эрнста Брыля (1935 г.р.) со стихами «Сочельники сумасшедшего». Дебютирующих на рубеже октября этого года писателей и поэтов критика определила названием «поколения 56» (либо «Современники» - от названия журнала).

С истечением времени отчетливо выявляется литературная ситуация, в тот период не скажешь о формации поколения: кроме даты дебюта ничего-ни биографически, ни художественно-этих литераторов не объединяет. Их единство имеет ситуационный характер.

Серьезными (и одновременно интересными) литературными явлениями этого периода представляются сборники стихов поэтов еще относительно молодых, дебютировавших раньше отмеченного периода. В 1956 году Тадеуш Новак (1930-1991), издает первую свою книгу стихов «Пророки не уходят» (1952), издает свои лирические стихи Вислава Шимборска (1952), «Призыв к Йете».

Вислава Шимборска родилась 2.7.1923 года в Бнине (в настоящее время часть Курника в Познаньском). С 1931 года живет в Кракове. В 1945-1948 годах изучала польскую филологию и социологию в Ягеллонском Университете. С 1953 года член редакционной коллегии еженедельника “*Zycie Literackie*” (Литературная жизнь), в котором руководила отделом поэзии. Дебютировала в 1945 году стихотворением «Ищу слова», опубликованном в приложении к журналу “*Tydzien Polski*”, первая книга стихов «Для это живем» была издана в 1952 году, впоследствии изданы сборники «Вопросы заданные себе» (1954), «Призыв к Йете» (1957), «Соль» (1962), «Сто забав» (1967), «Всякий случай» (1972), «Большое число» (1976).

В 1954 году Вислава Шимборска была награждена литературной премией Кракова а в 1962 году-премией министерства культуры и искусства. В начале творческого пути в её поэзии можно проследить тяготение к актуальной в то время тематике политико-публицистического характера. Со временем поэзия Виславы Шимборской обретает отчетливый философский заряд.

Загадка смысла и цели человеческого существования раскрывается в ее поэзии в индивидуальном и неповторимом измерении, в универсальной перспективе. Человек представлен в произведениях Виславы Шимборской как субстанция подчиняющаяся неизменным биологическим законам и императивам истории, беззащитная и ошибающаяся в своих расчетах и надеждах, испытывающая горечь отчуждения и неосуществления, живущая в ощущениях угрозы и невозможности полного взаимопонимания с другим человеком.

Сюжеты эти, часто философски и психологически усложненные (диалектика случайного и необходимого, субъективных представлений и объективной действительности) находят оригинальное преломление в творчестве Виславы Шимборской. Особый подход автора, сочувствующего «униженным и оскорбленным» проявляется и в эмоциональной деликатности, доверительности, и аналитической, интеллектуальной дистанцированности, обычно в ироническом ключе, соединяющем горечь опыта и знания с улыбочиво-снисходительным отношением к жизненным невзгодам и иллюзорности сознания.

Вислава Шимборска использует, главным образом, лирические формы. Лаконичный и утонченный стиль ее стихов, основанных на точно выстроенных метафорах и часто неожиданных концовках, умело сочетает в себе остроумную шутку и игру слов с рефлексивными всплесками. Сохраняя скептическую дистанцию от старых и современных литературных приемов, она добивается большой впечатляющей силы поэтического слова.

Творчество ее пользуется большой популярностью у читателей. Стихи Виславы Шимборской переведены на многие иностранные языки. В 1997 году она удостоена Нобелевской премии в области литературы.

Поэтический поиск и вопросы Шимборской концентрируются вокруг проблем экзистенциальных, в особенности положения, состояния человека относительно быстротечности времени.

Эта проблема помогает увидеть, исследовать отношения между судьбой индивидуума и событиями, которые определяются как исторические.

Именно человеческая судьба перед неизбежностью быстротечности бытия и перед историческими процессами является предметом интересов Шимборской, проявляющихся в ее лирике. Глубоко рефлексивному настрою этой поэзии сопутствует необыкновенная гармоническая, классическая конструкция стиха.

Драма человеческой жизни проявляется в нескольких перспективах. Скрупулезно анализирует поэтесса относительность системы ценностей, которые перед неумолимыми законами истории подвергаются девальвации. Стихотворение «Реабилитация», в котором слышно эхо трагических событий 1956 года (восстание в Венгрии, польский июнь), это болезненная рефлексия на случайность и непостоянство человеческих оценок, суждений.

Драма человеческой жизни проявляется не только в исторической перспективе. В философских рефлексиях рассматривает Шимборская неповторимость каждого экзистенциального опыта: линейное время жизни не позволяет коррекции предшествующих свершений. Во многих ее стихах повторяется мотив ответственности за принятые решения и реализованную деятельность.

Проблема типа ответственности, в моральном смысле, направляет Шимборскую на разрешение этой проблемы в другом измерении.

В утонченной любовной лирике она показывает вечную драму взаимного непонимания и несвершения. Любовь представляется как неустанная попытка преодоления отчужденности и разнородности. Связи с экзистенциальной философией здесь неоспоримы: человек, в конечном результате всегда одинок, а смысл его существованию придают именно эти неустанные попытки преодоления этого одиночества.

Размышления, касающиеся экзистенции человека, получают в лирике В.Шимборской универсальное измерение. Обращаясь к традициям античной философии, поэтесса представляет явление быстротечности, тленности бытия как основу всей сущности.

В стихотворении “W rzese Heraklita” (В реке Геракла) используя позицию иронической дистанции относительно высказываемых размышлений она представляет человеческую жизнь в перспективе неотделимой тайны. Человек беспомощен в своих поисках ответов на извечные вопросы, касающиеся Бога, существования, духовных ценностей.

В реке Геракла

Рыба ловит рыбу

Рыба четвертует рыбу острой рыбой

Рыба созидает рыбу, рыба живет в рыбе,

Рыба убегает от атакующей рыбы.

В реке Геракла

Рыба любит рыбу,

Твои глаза-говорит она –сверкают как рыбы в небе,

Я хочу плыть вместе с тобой в единое море,

О, прекраснейшая из косяка.

В реке Геракла

Рыба выдумала рыбу над рыбами
Рыба преклоняется перед рыбой, рыба поет в рыбе
Просит о лучшем плавании.

В реке Геракла Я единственная, особенная рыба, отличающаяся от рыбы деревянной и рыбы каменной ... (здесь и далее перевод с польского языка - Г.А.).

Творчество Виславы Шимборской стало известно и в Азербайджане. На страницах журнала «Литературный Азербайджан» был напечатан краткий очерк о жизни поэтессы и несколько ее стихов переводе с оригинала Сиявушем Мамедзаде¹. Поэзия Виславы Шимборской была включена в учебную программу на факультете полонистики Бакинского Славянского Университета, на занятиях практического перевода студенты переводили ее стихи на азербайджанский и русский языки с оригинала.

Результатом творческой дружбы талантливого азербайджанского поэта Сиявуша Мамедзаде и первых студентов-полонистов явились стихи, часть из которых была опубликована в литературном журнале.

Некоторые любят поэзию...
Некоторые-
Стало быть, не все
Даже и не большинство, а меньшинство.
Не считая школ, где изучают
Еще самих поэтов,
Таких особ, наверно сыщется
двое на тысячу.
Но любят также суп с макаронами,
Любят комплименты
И небесный цвет,
Любят, быть может, и старый шарфик,
Любят гладить собаку.

---

¹ Гюляр Абдуллабекова. Поэзия высокого напряжения. Литературный Азербайджан, №7, 2000 год, стр.62.

Поэзия...
Но что же такое поэзия?
Не один ответ мудреный
На сей вопрос уже был дан.
А я вот не знаю и не знаю
Хватаясь за нее.
Как за спасительную соломинку¹

Особым явлением в отмеченный период было творчество Анджея Бурсы (1932-1957), который печатал свои вызывающие стихи в прессе еще в 1954 году. Преждевременная смерть поэта еще более закрепила литературную легенду о нем. Его поэзия демонстрировала интерес к безобразному, была насыщена физиологической лексикой и вульгаризмами. Антиэстетизм Бурсы отличается от такого же взгляда, характеризующего поэзию Гроховяка. Антиэстетизм Бурсы-это разочарование действительностью, полной фальши и цинизма. Все его творчество было противопоставлено идеологии социалистического реализма, пропагандирующего описание расцвета и бурного развития польских городов и деревень.

Отмеченный период-т.е. октябрьский рубеж 1956 года был также знаменателен также дебютами выдающихся прозаиков. В 1956 году вышла в свет книга рассказов Марка Хласки «Первый шаг в тучах» (“Pierwszy krok w chmurach”).

Проблематика этой прозы была связана с опытом европейского направления экзистенциальной философии, а поэтика уходила к традициям натурализма. Хласко ломая традиции и схемы соцреализма показывал своих героев в индивидуальной перспективе, человеческая личность представлялась им неповторимой в своем страдании, тоске по благородной жизни и любви, а позиция бунта по отношению к миру, даже не всегда полностью осознанная демонстрировала границы ее жизненной активности. Творчество и биография Марка Хласки также как и

---

¹ Шимборска. Некоторые любят поэзию. «Литературный Азербайджан», №7, 2000 год, с.64. перевод с польского С.Мамедзаде.

Анджея Бурсы, стали еще при жизни писателя источником литературной легенды. Она еще более укрепилась в связи с эмиграцией писателя, которому в 1958 году было отказано в возвращении на родину, в Польшу. (Он находился в литературной командировке в Германии).

Послеоктябрьский период также характеризуются изданием новых произведений польской прозы. Сборником рассказов Марка Новаковского “*Ten stary zlodziej*” (Тот старый вор) (1956).

Интересы писателя, которым он и по сегодняшний день остается верен, сосредоточиваются вокруг среды низов общества, загородной субкультуры, мира подвалов и их ночных обитателей. На этот же период приходится творчество и дебют Владислава Леха Терлецкого, сегодня классика исторической прозы. В 1958 году он публикует сборник рассказов «Путешествие на вершину ночи».

Дебютам молодых писателей сопутствовало творчество писателей старшего поколения. Ослабление цензуры в октябрьский период сделало возможным публикацию важных для польской культуры прозаических произведений: Ярослав Ивашкевич начинает издание книги «Хвала и слава» (очередные тома издавались в 1956-1962), Ежи Анджеевский издает повесть «Мрак скрывает землю» (1957), а Роман Братны в книге «Колумбы. Ежегодник 20» (1957) описывает судьбу аковской¹ молодежи в оккупированной Польше. В стране издаются также произведения польских писателей-эмигрантов: Витольда Гамбровича, Теодора Парницкого, Марии Кунцевич.

В 60-е годы активно развивается литературная деятельность Станислава Лемма (1921 г.р.), (его дебют относится к 1946 году)-самого известного представителя жанра польской научной фантастики. Одно за другим издаются его произведения: «Звездные календари» (1957), «Сказки роботов» (1964), «Цыбериада» (1965), «Рассказ о пилоте Пирксе» (1968).

---

¹ Аковская молодежь-молодежь борющаяся в рядах Армии Крайовой

Мировоззрение и философские взгляды С.Лема свое блестящее выражения получили в произведениях «Солярис» (1961), «Дневник, найденный в ванне» (1961), а также «Голос Пана» (1968).

Ст. Лем является также автором прозы дискурсивной¹: его перу принадлежат Эссе и Литературные этюды. Им опубликованы также: «Фантастика и футурология» (1970), «Исследования и наброски» (1975).

Октябрьское идеологическое послабление в Польше характеризуется развитием независимых от государственной культурной политики художественных институтов, учреждений, организаций. Творческую функцию исполняют в тот период, в основном, студенческие театры: варшавский STS (Студенческий Театр Сатириков), а также театр на Тарчинской, созданный Мироном Бялошевским, гданьский Vim-Vom и краковская студия “Piwnica pod Baranami” (Подвал под Баранами).

Активную деятельность проводили в октябрьский период клубы интеллигенции; наряду с KIK ами (Клуб Интеллигенции Краковской), выделялся варшавский Klub Krzywego Koła (Клуб Кривого Круга). Где собирались и принимали активное участие на встречах видные представители польской науки и культуры.

Культурной активности способствовала в тот период общественно-литературная печать.

Еженедельник, который наиболее полно выражал настроения того периода, назывался “Po prostu” (основан в 1957 году). Однако либерализация культурной жизни продолжалась недолго. Приход к власти Владислава Гомулки сделал возможным возобновление контроля польской коммунистической партией над литературой и всем художественным творчеством. Следует отметить, что значение Октябрьского периода в современной польской литературе огромно. Именно в этот период были созданы литературные произведения, которые навсе-

---

¹ Дискурсия-разговор, беседа.

гда остались в национальной польской культуре. Большое значение имели также дебюты выдающихся писателей и поэтов, которые в следующих десятилетиях определяли формирование польской литературы.

Устранение «железного занавеса», сделало возможным сближение литератур в стране и в эмиграции, и также способствовало созданию в польской культуре рецепций на зарубежные художественные и философские направления.

ГЛАВА III

ПОСЛЕДНЯЯ ДЕКАДА РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ “NOWA FALA”(«НОВАЯ ВОЛНА»)

Во второй половине 60-х годов в польской литературе дебютировало поколение поэтов, рожденных в последние годы войны или после ее окончания. Эти творческие личности достигли своей зрелости в эпоху небольшой стабилизации в период правления Гомулки. Им были чужды испытания войны и сталинизма, но на их долю выпало болезненное переживание событий марта 1968 года, которые в очередной раз проявили тоталитарные измерения политического существования PRL (Польской Народной Республики).

Поколение Новой волны с глубоким недоверием относилось к лицемерной общественной и политической действительности послевоенной Польши, это поколение находилось в поисках ценностей, которые могли бы обозначить круг их творческой деятельности. Поэтесса, творчество которой было отмечено настроением глубокой обеспокоенности реальностью – Ева Липска – родилась 8.X.1945 года в Кракове. Окончила краковский Университет, дебютировала в прессе в 1961 году. Ее творчество представляют книги: «Стихи (1967)», «Второй сборник стихов» (1970), «Третий сборник стихов»(1972), «Четвертый сборник стихов»(1974), «Пятый сборник стихов» (1978), а также подборка стихов «Дом спокойной молодости» (1979). Нравственные стихи Липской характеризуют критическое отношение к современному миру, концентрацию внимания к запутанному воздействию индивидуума на судьбы поколения, его ежедневную действительность и историю. Исследование картины мира объединяет ее следующие книги в нарастающее целое. Творчество Эвы Липской отмечено наградой краковской

литературной группы Барбарус (1970), а также наградой Rep Cluba Фонда Р.Грейвса (1979)¹.

Первая книга стихов Эвы Липской вышла в 1967 году. В следующих книгах поэтесса многократно демонстрирует принципы критического, недоверчивого отношения к действительности – к умеренным нравам, умеренным принципам, умеренным ценностям. Поэтика стихов Липской соответствовала практике поколения Новой Волны: язык ее поэзии представляет объект семантических экспериментов, направленных на отеснение фальши деградирующей действительности.

Наиболее полно представляющим мировоззрение и эстетические принципы Новой Волны является Станислав Бараньчак-родился 13.X.1946 в Познани- поэт, критик и теоретик литературы, переводчик. По окончании учебы на факультете полонистики UAM (Университет Адама Мицкевича) начал научную деятельность. В 1967-11 годах был членом редакции познаньского ежемесячного журнала «Nurt» (Течение). Его поэтическое творчество представляют книги «Корректурa лица» (1968), «Одним дыханием», (1970), «Утренний дневник» (1972), «Искусственное дыхание» (1974), «Я знаю, что это неверно» (Париж, 1977), «Триптих из бетона, усталости и снега» (1980). Все эти книги выражают беспокойство общественно-моральным состоянием своего времени. Бараньчак последовательно поднимал в своей поэзии моральную проблематику, связанную с достоверностью языка: вопросы, поднимаемые им часто касались категории правды. Насколько язык может оболгать действительность. С беспощадной искренностью Станислав Бараньчак открывал пустые структуры языка. Эти мысли поэта ярко выражены в стихотворении «Посмотрим правде в глаза» («Утренний дневник»). Проблема правдивости языка беспокоит Ст.Бараньчака в ситуациях конфронтации с реальной действительностью, злоупотребление определенными структурами языка может привести ко лжи. А ведь явление новой речи-специфического ис-

---

¹T. Nyczek. Spalony dom. (o poezji E.L.), "Tworczosc", 1979, №9.

пользования языка пропаганды так называемой mass media, которая проникала в ежедневную речь, угрожая сущности процесса коммуникации: передаче друг-другу взаимно правдивой информации. Наблюдая язык в его общественном измерении, Бараньчак связывал это явление с современной ему тоталитарной политической действительностью. Источники лживости языка он видел в неизвестной, в сущности, фальшивой структуре коммунистического мира. Даже стилистика персональной анкеты дает возможность проследить принудительную сущность системы- и политической и языковой. Эта тематика отражена в стихотворении Ст. Бараньчака «Заполнить четким подчерком» («Единым дыханием», 1970). Не чужды поэту были также языковые игры с поэтикой политических речей. С особой проникновенностью, благодаря характеру используемых фразеологизмов, он раскрывал тоталитарную пустоту новой партийной лексики. В стихотворении «Протокол» («Утренний дневник», 1972)-мы видим соседство фразеологических оборотов с игрой фонетическими нормами польского языка.

Соединение одинаково звучащих выражений, без семантических связей, подчеркивало полную бессмысленность и nonsens новой тоталитарной речи. В стихотворении «В атмосфере» («Единым дыханием», 1970), посвященном Рышарду Крыницкому и его стихотворению «Открытие Америки», прослеживается стремление автора снять маску с шаблонной, фальшивой речи как официальной, так и разговорной, чему служит искусная поэтическая риторика, использующая приемы «лингвистической поэзии». Станислав Бараньчак автор статей полемичных и программных в сборниках «Недоверчивые и самоуверенные», «Романтизм и классицизм в молодой поэзии 60-х годов» (1971), «Ирония и гармония» (1973). Его перу принадлежит исследование «Поэтический язык Мирона Бялошевского» (1974), а также переводы английской, американской и русской поэзии. В настоящее время Станислав Бараньчак является

профессором отделения славянских литератур Гарвардского Университета (США).

К семидесятым годам относится творчество поэта Адама Загаевского (род. в 1945 году во Львове).

Первая книга его стихов «Komunikat» («Коммюнике») была опубликована в 1972 году.

Адам Загаевский был активным участником краковской поэтической группы «Teraz» («Сейчас»), организованной в 1968 году. Стихи Загаевского вносят в современную польскую литературу отличные от Станислава Бараньчака художественные, поэтические принципы. Его в меньшей степени волнует демаскация пустых и фальшивых шаблонов речи. В своих стихах Адам Загаевский размышляет о степени подлинности языка, его особенностях, его эффективности в выражении правды. Эти мысли поэта находят свое отражение в стихотворении “W pierwszej osobie liczby mnogiej” («В первом лице множественного числа») посвященном поэту Юлиану Корнхаусеру. Проблематика стихов Адама Загаевского начиная первой книгой его стихов касается философской природы, и, в особенности, проблемы преходящего, памяти, сознания человека относительно неизбежности смерти, как например, в стихотворении «Память» («Коммюнике», 1972).

“Umarłym przynosimy
Умершим приносим
Znoszone rzeczy
Изношенные вещи.
Mowimy do nich słowami
Обращаемся к ним со словами
W których brakuje liter
В которых не хватает букв.
Na grobach sadzimy kwiaty
На могилах сажаем цветы,
Ale robimy to zbyt zreźnie
Но делаем это особенно ловко

Jakbysmy sie chelpili
Как будто хвастаясь
Naszym dobrym zdrowiem
Нашим хорошим здоровьем
Wracając myslimy
Возвращаясь думаем
Najlepiej byloby
Лучше всего было бы
Posylac umarłym paczki
Посылать умершим посылки.

Адам Загаевский отражает в стихах свои размышления на тему морально-нравственной природы человека. Зачастую эта проблематика объединяется с публицистикой поэта: этический кризис человека описывается через «здесь» и «сейчас» коммунистической действительности.

Эпикур с моей лестничной клетки.
“Epikur z mojej klatki schodowej

Epikur z mojej klatki schoodowej
Эпикур с моей лестничной клетки.
Po wieczorowym uniwersytecie
После вечернего университета
Marksyzmu-leninizmu
Марксизма-ленинизма
Po skroconym kursie miłości
После краткого курса любви
Dwa razy dziennie wypuszcza na wolność
Два раза в день выпускает на свободу
Swoją tesciową, schorowaną staruszkę
Свою тещу, немощную старушку
Która pluje stara czarna krew,
Которая харкает старой черной кровью

I mowi do niego ty skurwy synu
И говорит ему ты сукин сын
Wtedy on nastawia na nia radio
Тогда он включает радио
Gdzie wlasnie audycja
Где идет передача
Pelnym glosem o sprawach mlodziezy
В полный голос о проблемах молодежи
I mysli jeszcze jestem mlody
И думает я еще молодой
Moje zycie otwiera sie przede mna
Моя жизнь открывается передо мной
Jak zatoka morska w pelnym sloncu lata
Как залив морской полный летнего солнца.
«Коммюнике», 1972.

Семидесятые годы в польскую поэзию приносят наряду с «Коммюнике» и другие книги Адама Загаевского: “Sklepy miesne” (1975), «Мясные магазины» и повесть “Cieplo, zimno” (1975), «Тепло, холодно».

Еще раньше в 1974 году Адам Загаевский вместе с Юлианом Корнхаусером издает книгу критических программ- очерков “Swiat me przedstawiony” («Не представленный мир»). Книга эта критическая, согласно принципам конформизма и эстетики, может быть трактована как голос поколения “Nowej Fali” (Новой Волны). С лингвистическим кругом поэзии «Новой Волны» связано также творчество Юлиана Корнхаусера (род. в 1946) а также Рышарда Крыницкого (род. в 1943). Соавтор книги «Не представленный мир», член краковской группы «Teraz», он опубликовал первый поэтический томик стихов “Nastanie swieto i dla leniuchow” («Настанет праздник и для лентяев») в 1972 году. Следующие его книги “W fabrykach udajemy smutnych rewolucjonistow” (1973) («На заводах подражаем грустными революционерами»), “Zjadacze kartofli (1978) («Едоки картофе-

ля») 1978 год, “Zasadnicze trudnosci” 1979, («Принципиальные трудности»). Недверительное отношение к новой лексике, осмеяние принципов языка пропаганды, прессы и mass media выявление нравственных результатов разрушения понятий и вообще семантических измерений акта речи-все эти явления-основные в художественном и интеллектуальном формировании поэзии Юлиана Корнхаусера.

Современник Ю.Корнхаусера Ришард Крыницки, связанный с Познанью, был близок к поэтическим группам «Rokada» и «Probu». Первая его книга “Ped pogoni, ped ucieczki” (Стремление к погоне, стремление к бегству) была опубликована в 1968 году. Затем были изданы “Akt urodzenia” (1969) («Свидетельство о рождении»), “Organizm zbiorowy” (1975) («Совместный организм»), (“Nasze zycie rosnie”. Стихи (1978) («Наша жизнь растет»).

Поэзия Крыницкого, часто использующая иронию, обогащает лирику отмеченного периода связями с надреализмом и антиэстетизмом. Этот тип воображения позволяет представить действительность в ее хаосе, замешательстве и даже в ее разрушении.

Мир в поэзии Крыницкого оказывается грозным, опасным, а его структура оказывает разрушительное действие на психику человека. Эта атмосфера воспроизведена автором в стихотворении “Kobieta trzydziestoletnia” («Тридцатилетняя женщина») – в книге “Organizm zbiorowy” («Совместный организм») 1975.

Публицистичность поэзии, присущая всему поколению, проявляется также и в поэзии Рышарда Крыницкого.

В своих многочисленных поэтических обращениях он изобличает лживую действительность тоталитарного государства, как например, в стихотворении “Swiatjeszcze istnieje” («Мир еще существует» в сборнике «Совместный организм» (1975).

Бескомпромиссное изобличение залгавшейся польской действительности привело поэтов поколения 1968 до конфликта с официальной издательской монополией и, в различной степени, до запрещения издания книг этих поэтов, например, произведения Станислава Бараньчака во второй половине семидесятых годов были подвергнуты полному запрещению издания. Однако поэты, о которых мы говорили выше не исчезли с читательского рынка. С 1976 года в Польше начинается развитие независимого, действующего на расстоянии от цензуры издательского движения. Его появлению способствовало множество причин, но одной из главных, был призыв: KORa (Комитет Защиты трудящихся Komitet Obrony Robotnikow) после протеста трудящихся в Радоме и Урсусе беспощадно подавленного милицией. Восстание KORa а также последующее издание “Biuletyny Informacyjnej” («Информационный Бюллетень») способствовал созданию независимого центра культуры помогающего возникновению издательских инициатив. Интерес представляет обзор культурно-политической обстановки в мире и в Польше, оказавшей значительное влияние на разрушение тоталитарной системы в польской действительности.

В ноябре 1976 года президентом США избирается Джимми Картер; польский эмигрант, известный в мире политик, Збигнев Бжезинский выполняет функции советника президента по безопасности.

В январе 1977 года в Чехословакии провозглашается документ «Карта 77» содержащий протест против нарушения Прав человека и Гражданина, среди 242 подписавшихся – Вацлав Гавел.

Третьего марта 1977 года Польша ратифицирует Пакт о Правах Человека ООН. В этот же период усиливаются репрессии со стороны тоталитарных властей Польши против KOR – и его сотрудников: проводятся многочисленные аресты, обыски, конфискации имущества, угрозы. Двадцать девятого октября 1977 года KOR переформировывается в Komitet Samoobrony

Spolecznej- Комитет Общественной Самообороны, среди задач стоящих перед организацией: борьба с репрессиями, спровоцированными политическими, мировоззренческими, расовыми причинами; помощь преследуемым, борьба с нарушением законности. В 1977 году в Польше организовываются и утверждаются независимые литературные и общественно-политические журналы- “Zapis”, “Puls”, “Glos”. В Польше издаются книги стихов Ярослава Ивашкевича “Mapa pogody” («Карта погоды»), Мечислава Яструна “Scena obrotowa” (Вращающаяся сцена). Польские прозаики вносят свой вклад в борьбу за свободу слова и права человека в стране: Мирон Бялошевский публикует свою книгу “Zawal” («Инфаркт»), Анджей Кулиневич издает книгу “Lekcja martwego języka” (Урок мертвого языка), Хана Маевска- “Listy staropolskie z epoki Wazow”. (Древнепольские письма эпохи Вазов).

В этом же году издается эссе Ярослава Ивашкевича “Podroze do Wloch” (Путешествия в Италию).

В 1977 году в Польше появляются первые книги, изданные вне цензуры: Тадеуша Конвицкого «Kompleks polsky» (Польский комплекс»), Казимежа Брандыса “Nierzyczewistosc” (Непечальность), в этот же период издает свои политические очерки Адам Михник. Станислав Бараньчак, покинувший родину по причине идеологических прессингов издает в США книгу стихов “Ja wiem, ze to niesluszne” (Я знаю, что это неверно).

Писатель Антони Мадей выступает с книгой “Masc na szczury” (Крысиная масть), Александр Ват издает книгу “Moj wiek” (Мой век).

1978 год приносит новые общественно-политические перемены, также сыгравшие свою роль в демократическом развитии тоталитарной Польши. В 1978 году в связи со смертью Папы Павла VI, шестнадцатого октября этого года на эту должность избирается польский кардинал Карел Войтыла. Двадцать второго ноября 1978 года состоится инаугурация понтификата Яна Павла II.

В Польше дебютирует поэтической книгой Томаш Яструн “Bez usprawiedliwienia” (Без оправдания); издаются сборники стихов Анны Каменской “Rekopis znaleziony we snie” (Рукопись найденная во сне), Юлиана Корнхаусера “Stan wyjątkowy” (Исключительное положение), сборники рассказов Марка Новаковского “Książe” (Князь), “Nocny” (Ночи), Юлиана Стрыйковского “Przybysz z Narbony” (Пришелец с Нарбоны). Вне цензуры издаются Nowa Niezależna Oficyna Wydawnicza Новой Независимой типографией, руководимой Мирославом Хоецким книга стихов Чеслава Милоша “Traktat poetycki”, “Traktat moralny” (Трактат поэтический, Трактат нравственный); Виктора Ворошильского “Jestes i inne wiersze” (Существуешь и другие стихи).

Свой вклад вносят в развитие независимой литературы и польские писатели-эмигранты: Станислав Бараньчак книгой “Sztuczne oddychanie”. (Искусственное дыхание), Рышард Крыницкий “Nasze życie Rosnie” (наша жизнь растет). Очерки Стефана Кишелевского “Moje dzwony trzydziestolecia” (Мои колокола тридцатилетия) и “Szkice o literaturze emigracyjnej” (Очерки о эмиграционной литературе) Марии Данилевич также можно отнести к серии этой литературы.

Со второго по десятое июня 1979 года состоялся визит папы Яна Павла II в Польшу, который был принят с большим энтузиазмом. Двадцать седьмое декабря-день, вторжения СССР в Афганистан. Польские писатели отражают реальные события действительности, в стране издаются книги стихов Анны Каменской “Milczenie” (Молчание), Эвы Липской «Дом спокойной молодости», (“Dom spokojnej młodości”), Яна Твардовского “Poezje wybrane”. (Избранная поэзия), проза Эдварда Стахуры “Fabula rasa”, Яна Юзефа Шчепаньского “Autograf” (Автограф). В Варшаве выходит в свет первый номер квартальника “Res Publica” (Вне цензуры). Вне цензуры издаются произведения “Miazga” (Мякоть) Ежи Анджевского, “Zniewolony umysł” (Подневольный разум) Чеслава Милоша, “Wspomnienia Staro-

belskie” (Старобельские воспоминания» Юзефа Чапского. Польская эмиграционная литература представлена прозой Хенриха Гринберга “Zycie osobiste” (Личная жизнь); эссеистикой Станислава Бараньчака («Этика и поэтика», “Etyka i poetyka”), очерками Стефана Кишелевского “Na czym polega socjalizm” (На чем основывается социализм).

Издание литературного квартальника “Zapis”, (первый номер вышел в свет в январе 1977 года), подготовленного Ежи Анджеевским, Станиславом Бараньчаком, Яцеком Бохеньским, Казимежем Брандысем, Томашем Буркой и Марекком Новаковским, имел огромное значение для укрепления независимого издательского движения. Особый динамизм этого движения наблюдается во второй половине семидесятых годов. Это движение помогало публикации запрещенной литературы, ее нормальному обороту, сделало возможным знакомство с важными современными литературными явлениями, как в стране, так и за границей.

Как было отмечено выше, тоталитарная действительность в Польше нашла свое отражение в прозаических произведениях Тадеуша Конвицкого. Конвицкий Тадеуш родился 22.VI.1926 в новой Вилейке (Виленшчизна) прозаик и кинорежиссер. Школьные годы Тадеуш Конвицкий провел в Вильно, во время оккупации закончил нелегальную польскую гимназию. В 1944-45 годах в партизанском отряде АК (Армии Крайовой) принимал участие в войне с фашизмом. По окончании войны изучал полонистику в Ягеллонском Университете, в 1946-50 годы сотрудничал в редакции “Odrodzenie” (Возрождение). С 1947 года жил в Варшаве. В 1950-58 годах сотрудничал в газете “Nowa Kultura” (Новая культура). С 1954 года занимался творческой деятельностью как сценарист и режиссер. Писательскую карьеру начал с повести воспоминаний партизанских времен, “Rojsty” (1948, издана в 1956), произведениями актуальной публицистической тенденции, в жанре репортажа “Przy budowie” (1950), (При строительстве), политическая повесть “Wladza” (Власть), 1954, позже им была написана психологическая

повесть “Godzina Smutku” (1954), (Время грусти). В повести “Z obleżonego miasta” (1956), (Из осажденного города) Тадеуш Конвицкий обращается к главному сюжету своего творчества как в литературе так и в кинематографии: отражению жизни современных людей, жестоких испытаний выпавших на их долю во время войны, особенно тех, которые вынесла молодежь АК на бывших окраинах Речи Посполитой (Западная Украина), молодежь дезориентированная, втянутая в братоубийственную войну, молодежь которая входит в жизнь с чувством вины и личного краха. Прошлые обиды, дополнительно осложненные участием в идейно-политических перипетиях послевоенного периода объединяются в произведениях писателя с чувством отчуждения и нестабильности, современной жизни. Прошное появляется в идейно-конкретных картинах, насыщенных символическим значением, непрерывное обращение к прошлому носит характер расчета, а современная действительность выступает в произведениях Конвицкого в удивительной ауре полусна, гротеска, вводя его героев в состояние эмоционального и психического паралича. Наиболее полно обрисована эта проблематика в повестях “Sennik wspolczesny” (1963), («Современный сонник»), “Wniebowstaspienie” (1967), (Вознесение на небо), “Kompleks polski” (1977), (Польский комплекс), “Mala Anokalipsa” (1979), (Малый Апокалипсис), в которых мрачный гротесково обрисованный образ действительности, погруженной в бессилие и драматические конфликты был подвержен конфронтации с трагическими эпизодами национальной истории и катастрофическим видением своего ближайшего будущего. В контрасте с этими произведениями находятся элегические страницы произведений насыщенных воспоминаниями о стране, где прошли годы молодости, лирическое обращение к миру детских испытаний и фантазий, к жизненным и эротическим рецепциям в повестях “Dziura w niebie” (1959), (Дыра в небе), “Zwierzoczekoupior” (1969), (Зверечеловекоупыр), “Kronika wypadkow miłosnych” (1974) (Хроника любовных происшеств-

вий). В псевдо-дневнике “Kalendarz i klepsydra” (1976), (Календарь и песочные часы), являющемся повторением содержания литературных и биографических испытаний автора, течение воспоминаний переплетается с лирическими отступлениями фрагментов рефлексийного, репортажного, иронично-сатирического, а также анекдотического характера. Как создатель авторского фильма Тадеуш Конвицкий представляет киноверсию “Ostatni dzień lata” (1957), (Последний день лета”, метафорично-психологическое произведение “Zaduszki” (1965), (Задушки)¹, “Salto” (1970), “Jak daleko stad jak blisko” (1971), (Как далеко отсюда и как близко). Тадеуш Конвицкий был награжден за свою творческую деятельность Государственной премией III степени (1950), литературной премией еженедельника “Nowa Kultura” (1959), его произведения широко известны в странах Европы, в настоящее время издаются в Польше.

Оценка современной, напряженной ситуации в Польше нашла свое отражение также и в прозе Ежи Анджеевского. Счеты со сталинизмом сводит писатель в повести “Ciemnosci kruja ziemie” (1956), (Мрак покрывает землю), в которой писатель использовал поэтику исторического костюма. Раскрывая историю беспощадной испанской инквизиции XV века, писатель анализирует преступную сущность всех идеологий, мечтающих о создании идеальной общественной системы. Символическое значение имеет также повесть “Bramy raju” (1960), (Врата рая), в которой крестовые походы детства говорят о реализации идей молодыми людьми, пылкими фанатиками. Следуя за злом, они обрекают себя на моральное падение и вырождение. Анджеевски использует необычную конструкцию, демонстрируя, таким образом, выдающиеся достоинства своей творческой мастерской.

Особо отличается на фоне всего творческого наследия Ежи Анджеевского повесть “Miazga”, завершенная в 1970 году, но опубликованная только в 1981 (с цензурными купюрами).

---

¹ Задушки-День поминовения усопших.

Произведение это представляет собой прозаический эксперимент, через разнородную, находящуюся на различных уровнях конструкцию, приводит к композиционному хаосу, путем которого он пытается описать тотальный кризис коммунистической действительности.

На форму этой повести оказала свое влияние автотематическая тенденция: это повесть о написании повести или о невозможности ее создания. Отсюда, наряду с конспектными и разновариантными фрагментами текста, в повесть включается также дневник писателя. Проза Анджеевского благодаря своему формальному облику была направлена на описание мира. Писатель, создал выдающееся произведение, к сожалению, лишенное финальных диагнозов, касающихся тоталитарной действительности Польши. Свой вклад в обличение польского тоталитаризма вносит Марек Новаковский, родился (2 марта 1935 года в Варшаве), прозаик. До 1953 года жил под Варшавой, затем изучал право в Варшавском Университете. В 1957 году писатель создал выдающееся произведение, к сожалению, лишенное финальных диагнозов, касающихся тоталитарной действительности Польши.

В 1957 году писатель дебютирует рассказом “Kwadratowy” (Квадратный) в “Nowej Kulture” и в сборнике “Ten stary złodziej” (1958), (Тот старый вор) и “Benek Kwiciarz” (1961), (Бенек Цветочник). Этими произведениями он вводит в литературу наблюдения над жизнью приступной и паразитической среды, сконцентрированной под Варшавой. Предмет описания, являющийся объектом определенного увлечения-это своеобразная субкультура и ментальность люмпя, находящегося в противоречиях с правилами порядка и закона, свободных от общественной дисциплины и вместе с этим создающего собственный кодекс прогресса в котором наряду с насилием есть место солидарности и чести. В короткой повести “Trampolina” (1964), (Трамплин) и в рассказах из книг “Silna gorączka” (1963), (Сильная температура), “Zapis” (1965), («Запись»), “Gonitwa” (1967),

(Гонки), “Mizerykordia” (1971), (Милосердие), “Układ zaniknięty” (1972), (Замкнутая система), “Śmierć zółwia” (1973), (Смерть черепахи) круг наблюдений Марека Новаковского расширяется до среды больших городов: наряду с ворами, скупщиками краденого, уличными девками, сутенерами появляются люди, находящиеся в сфере физического и умственного труда, мелкие служащие, лавочники, различные комбинаторы, сбившиеся с верного пути интеллигенты, обыватели притонов и ночных ресторанов. Они проводят, как правило, банальную жизнь, лишенную амбиций и перспектив, ограниченную идеалами заработка, обычно однако их печальное существование разрушается внезапной переменой судьбы, внутренним бунтом, психическими аномалиями, ощущением пустоты, стихийным чувством ведущим их к разрыву связей общественных и родственных к личностному разрушению: “Robaki” (1968), (Черви), “Gdzie jest droga na Walne” (1974), (Где дорога на Вальну), “Ksiaze Nocy” (1978), (Князь Ночи).

Фактографическое описание социальной среды, поражающее подлинностью окружающей жизни и языка соединяется в этих произведениях с обостренным чутьем моральных и экзистенциальных проблем, проявляющихся в судьбах людей, сошедших с верного пути, отвергнутых, униженных, беспомощных. В своем творчестве Новаковский описывает общественную действительность PRL-Polskiej Republiki Ludowej (ПНР). Особо выделяется в его творчестве рассказ “Wesele raz jeszcze!” (1974), (Свадьба, ещё раз!), в котором представлено общественное обнищание в Польше, исчезновение моральных ценностей и примитивная материализация жизни.

Важные позиции в новейшей польской литературе занимает Стефан Кищелевский, псевдоним Кищель (родился в 7 марта 1911 года в Варшаве)- публицист, прозаик, композитор, музыкальный критик. Свою литературную деятельность начал ещё во время учебы музыке и полонистике в Варшаве. В 1932 году в изданиях “Zet” i “Bunt Młodych” появляются первые

произведения писателя. Стефан Кищелевский является участником освободительной войны 1939 года, принимал участие в конспиративной культурной жизни, в варшавском восстании в рядах АК (Armii Krajowej). После 1945 года жил в Кракове, затем в Варшаве. С 1957 по 65 год избран депутатом Сейма ПНР из католической группы “Znak”.

Стефан Кищелевский сотрудничает с журналом “Tygodnik Powszechny”, где публикует фельетоны цикла “Pod włos” (Против шерсти). В своей литературной деятельности, как публицист вступающий в полемику с проблемами современной и культурной жизни Польши писатель проявляет свою собственную, независимую точку зрения. Часть его фельетонов и очерков была опубликована в сборнике “Polityka i sztuka” (Политика и искусство), 1949 г., “Rzeczy male” (1956) (Мелкие вещи), “Opowiadania i podróże” (1959) (Рассказы и путешествия), “Z literackiego Lamusa” (1979) Из литературного архива), кроме того, за границей им были опубликованы “100 razy głowa w ściany” (Парыз, 1972), (сто раз головой об стены), “Materii pomieszanie” (Londyn, 1973), (Перепутывание тем), “Moje dzwony trzydziestoletnia” (Chicago, 1978); (Мои тридцатилетние колокола).

Стефан Кищелевский опубликовал также свои психологические повести: “Sprzysiężenie” (1949, повторно в 1957), (Заговор), которая относится к направлению сведений счетов интеллигенции с тоталитарной действительностью; в послевоенное время, а также криминальную повесть “Zbrodnia w Dzielnicy Południowej” (1948), (Преступление в северном районе).

Следует отметить, что творчество Стефана Кищелевского, особенно публицистическое, представляло неустанную борьбу с абсурдами существующего социализма; его выдающийся стиль фельетониста, насыщенный иронией и огромной эрудицией сделали его творчество своеобразным эталоном, образцом творческих позиций независимого писателя в условиях тоталитарного государства. Стефан Кищелевский занимался также функциональной прозой, он является автором многих повестей,

в которых раскрывается механизм осуществления власти в тоталитарном государстве. Свои произведения зарубежом он публиковал под псевдонимом Томаш Сталинский. Самым выдающимся его произведением является “Widzenie z gory”, (Parys, 1967), (Взгляд свысока). В данном произведении Стефан Кишелевский описывает гомулковскую элиту власти. Писателя интересуют как психологические процессы, способствующие созданию диктатуры так и общественные, создающие возможность для реализации такой формы осуществления власти¹.

Последняя декада развития литературы Польской народной республики

1980 год в истории Польши был ознаменован значительными общественно-политическими событиями, сотрясающими тоталитарную систему все еще господствующую в стране.

В июле-августе произошло восстание “Solidarnosci”. С 1 июля в стране резко поднялись цены на пищевые продукты, началась цепь забастовок на многих предприятиях Варшавы, Урсуса, Санока, Жешова и других городов.

Четырнадцатого августа начинается знаменитая забастовка на Гданьской судовой верфи. Семнадцатого августа Комитет участников забастовки всех предприятий требует исполнения 21 постулата-первый касается создания независимых профсоюзов...

Восемнадцатого августа началась забастовка в Щецине, двадцать третьего генеральная забастовка на Гданьском побережье.

Двадцать первого августа начинаются переговоры правительственных комиссий с забастовщиками в Щецине и Гданьске. Тридцатого августа подписаны соглашения в Щецине председателем правительственной комиссии Казимежем Барчиковским и руководителем забастовочного комитета Мариа-

---

¹ см. Edward Balcerzan. *Zywoly prozy w PRL*, Warszawa, 1990 его же *Przygody człowieka ksiazkowego*. W-wa, 1990.

ном Юрчиком. Тридцать первого августа в Гданьске подписываются соглашения между правительственной комиссией, возглавляемой Мечиславом Ягельским и руководителем Забастовочного комитета Лехом Валенсой.

Пятого-шестого сентября от власти был отстранен Эдвард Герек, шефом партии становится Станислав Каня. События 80-х годов находят свое отражение в литературе. Польские писатели и поэты, занимающие принципиальные, конфронтационные позиции в отношении к тоталитаризму отражают их в своем творчестве. В Польше издаются поэтические книги Мирона Бялошевского “Wiersze wybrane i dobrane” (Стихи избранные и подобранные), Ярослава Ивашкевича “Muzyka wieczorem” (Музыка вечером), Мечислава Яструна “Punkty świecące” (Светлящиеся точки), Чеслава Милоша “Gdzie wschodzi słońce i kiedy zapada” (Где восходит солнце и когда заходит), а также “Wiersze wybrane” (Избранные стихи), Короля Войтылы “Poezje i dramaty” (Поэзия и пьесы). Вслед за старшим поколением на события откликаются молодые поэты и писатели: Юлиан Корнхаусер произведением “Streczyciel idei” (Посредник идеи), Ежи Кшиштонь “Obłęd” (Сумасшествие), Владислав Терлецки “Zwierzęta zostały opłacone” (Звери были оплачены).

В Польше издаются также произведения, избежавшие цензуры: первый поэтический сборник Яна Польковского “To nie jest poezja” (Это не поэзия), книга стихов Станислава Бараньчака “Tryptyk z betonu, zmiecenia i sniegu” (Триптих из бетона, усталости и снега), Чеслава Милоша “Wybor wierszy” (Избранные стихи). Среди прозаиков следует отметить Густава Херлинга-Грудзиньского с его произведением “Inny świat” (Другой мир) а также прозу Чеслава Милоша “Zdobycie władzy” (Завоевание власти). На события в Польше откликается и польская эмиграционная литература. Одно с другим издаются произведения Юлиана Стрыйковского “Wielki strach”, (Огромный страх), Густава Херлинга-Грудзиньского “Dziennik pisany

поса” (Дневник написанный ночью), Анджея Кушьневича “Moja historia literatury” (Моя история литературы).

В 1980 году уходит из жизни выдающийся польский писатель Ярослав Ивашкевич, двадцать четвертого октября 1980 года состоялась официальная регистрация Независимого, самоуправляемого профсоюза “Solidarnosc”.

В 1980 году состоялось вручение литературной награды Нобеля Чеславу Милошу.

Значительную роль в формировании демократической польской литературы сыграли события 1981 года, как в Польше, так и в мировом сообществе.

Обратимся к хронологии событий этого года в мире. В январе 1981 Рональд Рейган принимает должность президента США. В феврале 1981 года Войцех Ярузельский избирается премьером Польской Народной республики. Тридцатого мая совершается покушение на Папу Яна Павла II.

Двадцать восьмого мая уходит из жизни примас Польши, кардинал Стефан Вышиньский.

Седьмого июля примасем Польши назначается Юзеф Глемп. Пятого сентября собирается I съезд “Solidarnosci”, Лех Валенса вновь избирается председателем профсоюза. В октябре руководителем партии избирается Войцех Ярузельский. Тринадцатого декабря 1981 года в Польше объявляется и вводится военное положение, по причине предотвращения попытки государственного переворота. Власть переходит в руки Совета Национального Возрождения под руководством Войцеха Ярузельского, советом было интернировано более шести тысяч профсоюзных и политических деятелей. С введением военного положения было интернировано также множество деятелей культуры, в том числе и писателей, среди которых Владислав Бартошевский, Яцек Бохеньский, Анджей Дравич, Анджей Кийовский, Михал Комар, Анна Ковальска, Юзеф Кушьмерк, Анджей Шчыпёрский, Анджей Вернер, Виктор Ворошильский, Роман Зиманда, Антони Павлак, Ян Польковский.

До тринадцатого декабря по всей Польше проводятся многочисленные забастовки, беспощадно и кроваво подавленные милицией и войсками. Шестнадцатого декабря 1981 года совершается преступление в шахте “Wujek”, где властями было убито девять шахтеров, а десятки были ранены.

Национально-освободительная борьба польского народа против советизма и социализма отражается в произведениях, как молодых писателей, так и признанных мастеров слова. Издается первая книга стихов Бронислава Мая “*Taka wolność*” (Такая свобода), стихи Анны Каменьской “*Wiersze jednej nocy*”, (Стихи одной ночи), впервые изданные на родине “*Wiersze*” (стихи) Чеслава Милоша. Появляются первые «официальные» издания Казимежа Брандыса “*Miesiące*” (Месяцы), Чеслава Милоша “*Dolina Issy*” (Долина Иссы). Вне цензуры издаются книги Юлиана Корнхаусера “*Każdego następnego dnia*” (Каждый следующий день), Рышарда Крыницкого “*Nasze życie rośnie*” (Растет наша жизнь) Чеслава Милоша “*Gucio zaczarowany*” (Зачарованный Гучо), Яна Польковского “*Oddychaj głęboko*” (Дыши глубоко).

Польская эмиграция вносит свой вклад в активизацию национально-освободительного процесса, открыто демонстрирует свои непримиримые позиции в отношении событий, происходящих на родине. Следует отметить, книгу Ежи Анджеевского “*Miazga*” а также эссе “*Tumult i widma*” (Сумятица и призраки).

Введение военного положения тринадцатого декабря 1981 года – это очередное трагическое событие в послевоенной, тоталитарной истории Польши. Станислав Бараньчак, который с этого самого часа стал эмигрантским поэтом, присылал из Соединенных Штатов в поэтических произведениях слова солидарности своим друзьям на родине.

В поэме под знаменательным ироническим названием «Водворение порядка» “*Przywrócenie porządku*” он пытался постигнуть характер декабрьских событий. Поэма Бараньчака великолепно передает глубокое возмущение, застигнутой врас-

плох польской общественности, введением военного положения в стране. Несмотря на то, что поэма написана в отдалении, она безошибочно передает чувство хаоса, неуверенности, абсурдности этой необычной войны с народом.

Военное положение радикально изменило ситуацию культуры и литературы в Польше. В стране была приостановлена деятельность всех творческих союзов. Некоторые вскоре были распущены, среди них Союз Польских Писателей.

В Польше было приостановлено издание литературно-культурных журналов, «железный занавес» закрыл границы Польши, значительное число польских писателей было репрессировано и интернировано. Формально военное положение было отменено в 1983 году; однако практически прессинг военного положения польская культура ощущала до окончания коммунизма, т.е. до 1989 года.

Годы военного положения позволили во всей полноте оценить значение независимого издательского движения, которое сформировалось ещё в герековский период. Этот период сделал возможным не только проникновение информации в годы тотальной лжи, но также создал условия для развития независимой литературной жизни. Именно тогда были созданы из эмигрантов, представителей «солидарности» центры культуры за границами Польши, которые активно помогали материально и интеллектуально поддерживая деятельность творческих союзов в стране.

Писательская среда, в своем значительном большинстве заняла определенные критические и негативные позиции относительно военного положения. Она выражала свой протест неучастием в официальной культурной жизни, созданной генералами Военного Совета Национального спасения. Большое число творческих работников отказалось от сотрудничества с восстановленным политическими властями Союзом польских писателей, председателем которого была назначена Халина Аудерска. Политическая атмосфера сопутствующая подготовке к

делегализации Союза польских писателей отражена в книге последнего председателя этого исторического союза Яна Юзефа Шчепаньского “Kadencja” (1989), (Срок созыва).

Позиция отрицания военного положения нашла свое выражение в творчестве польских поэтов и писателей. К одному из выдающихся свидетельств тех лет можно отнести книгу стихов Збигнева Херберта “Raport z oblezonego Miasta i inne wiersze” (1983), (Рапорт из осажденного города и другие стихи).

Поэзия Збигнева Херберта содержит мотивы близкие лирике Чеслава Милоша: они так же говорят об одиночестве и мучениях, о достоинстве против силы и измены. Тематика военного положения поднималась также и прозаиками, однако по причине явных издательских ограничений, эти произведения были изданы несколько позже.

Тадеуш Конвицкий в нелегальном издательстве “Krag” опубликовал в 1984 году повесть “Rzeka podziemna, podziemne ptaki” (Подземная река, подземные птицы) Повествовательная структура характерная для многих повестей этого писателя, передает драматическую обстановку декабрьских дней и ночей.

Герои Конвицкого в беспрестанном бегстве, их действиям сопутствует аура тайны и ужаса их частая безымянность имеет метафорическое значение. Действительность лишает человека его субъективности, права имени и свободы.

Конвицкий обращается в своём произведении к традициям романтизма. Вновь оживает в его творчестве образ одинокого безумца, который требует справедливости и достоинства, жаждет борьбы с ложью и насилием. Седьмой-являющейся героем «Подземной реки, подземных птиц»- романтическим, несколько Кордиановским жестом совершает «революционный» подвиг.

“Siodmy uderzyl z calej sily lomem w sklana sciane. Porysowala sie promieniscie, ale nie rozpadla sie, wiec uderzyl drugi raz tzeci, wylamal w grubym szkle wielki, nieformenny otwor, wszedl w ten loch ziejacy dobrym cieplem, wszedl do

srodka, mignela mu gdzieś w pzelocie wykrzywiona przerazeniem twarz recepcjonisty, albo agenta udajacego recepcjoniste, wszedl wiec na skraj holu i jednym uderzeniem rozbil telewizor, który jakby zapadl sie w sobie, skruczył sie (...)

Ale niech popelnie samobojstwo przy pomocy naturalnej smierci. A polecial volno, bez pospechu do tylu, i upadl na marmurowa posadzkę, rozsypujac do kola siebie juz nikomu niepotrzebny dobytek: lom, torbę i ten zwitek gazety rosyjskiej, która, mu ludzie zakryja twarz, kiedy bedzie niezywy czekac na woz asenizacyjny. Tak umarl zimowego dnia w miescie stolecznym Warszawie dziwiecdziesiat dziewiec tysiecy dziewiecset dziewiecdziesiat dziewiec milionow dziewiecset dziewiecdziesiat siodmy od poczatku swiata czlowiek.

A z torby lezacej obok niego wysunela sie matryca z wierszem i ze slabym sladem kuli:

Wiersz to styl przyszlosci
Wierszem mowil Chrystus
Wierszem mowi wnuk Stalina
Wierszem bedzie mowil
Ten co wysadzi swat
We wszechswiat.

Седьмой ударил ломом изо всех сил стеклянную стену. Она треснула сверкающим лучом, но не сломалась, тогда он ударил второй раз, третий, выломал в толстом стекле, большое, бесформенное отверстие, вошел в эту яму, дышащую добрым теплом, вошел в середину, промелькнуло мимо него где-то в полете искривленное от удивления лицо администратора, или агента притворяющегося администратором, он вошел на край холма и одним ударом разбил телевизор, который будто бы провалился в себя, уменьшился(...).

Я совершу самоубийство с помощью естественной смерти. Он полетел, медленно не спеша до края и упал на мраморный пол, рассыпая вокруг себя уже никому не нужный скарб, торбу и тот свиток русской газеты, которой люди прикроют ему лицо, когда он мертвый будет ждать ассенизационную ма-

шину. Так, умер в зимний день в столичном городе Варшава девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять миллионов, девятьсот девяносто тысяч девятьсот девяносто седьмой от начала света человек. А из торбы лежащей рядом с ним торчала матрица со стихотворением и со слабым следом пули:

Стих это стиль будущего

Стихом говорил Христос

Стихом говорит внук Сталина

Стихом будет говорить

Тот что выбьет мир

Во вселенную» (пер. с польс.-Г.А.).

События военного положения нашли свое отражение также и в творчестве Марека Новаковского. В 1982-1983 году Литературный Институт в Париже опубликовал в двух томах его рассказы под названием “Raport o stanie wojennym” (Рапорт о военном положении). Проза Новаковского была неоднократно переиздана независимыми, нелегальными польскими издательствами.

Среди них Независимым издательством “Nowa”, краковской типографией “Biblioteka Wolnej mysli”. (Библиотека свободной мысли). А также фрагментарно «Бялостоцким издательством». Следует подчеркнуть тот факт, что рассказы Марека Новаковского были переведены на десять языков. Его прозу читали как необыкновенно подлинный документ военного положения.

Сборник рассказов Марека Новаковского это беллетристическая хроника событий рубежа 1981 и 1982 годов. В “Raportcie o stanie wojennym” писатель использует реалистические и конкретные описания. Предшествующие интересы писателя к столичной культуре, к миру циничных невежд и алкоголиков сделали возможным создание Новаковским великолепных психологических портретов различных фигур и описание поступков направленных против военного положения. Писатель обнажал абсурды и парадоксы, часто характера драматического, описывал ежедневную «военную» действительность.

„Zaczeli sie tluc. A te paly takie mieli! Wielkie grube maczugi. Specjalne. Bo te ktore zaswyczaj widzimy to sa paleczki-lalczki w porownaniu z tymi dragami. Otoczyli gromadke wyrostkow i zaczeli ich obrabiac.

Dokumenty, dokumenty!-powtarzali i wcale nie czekajac, jak ci chlopцы pokaza, swoje dowody osobiste, okladali ich po plecach, nerach tymi palami. Chlopцы lamali sie jak lodygi. Niejeden padal. Taki lomot bylo slychac i stekanie (...)”.

«Начали бить. А какие у них были дубины! Огромные, толстые палицы. Специальные. Те, которые мы обычно видим, это палочки-игрушечки в сравнении с этими ломами. Окружили кучку подростков и начали их обрабатывать. Документы, документы!-повторяли и совершенно не дожидаясь того как те хлопцы покажут свои свидетельства, дубасили их по спинам, по почкам этими палицами. Хлопцы ломались как стебли. Некоторые падали. Такой грохот было слышать отовсюду, такие стенания.

(Boze, zmuluj sie nad Wilnem! Боже, смилуйся над Вильно!))»
(пер. с польс. Г.А.).

Свидетельства военного положения выражались и в автобиографической форме, отражающей судьбы поляков в первые месяцы этой необычной войны. Они отразились и в творчестве Анджея Шчипёрского-прозаика, публициста, родившегося третьего февраля 1924 года в Варшаве, участника варшавского восстания в рядах AL (Armii Ludowej- Народной Армии). После поражения оказался в немецком концлагере. В 1946- 47 годах учился в ANP- в Академии политических наук, в 1956-58 годы работал советником посольства в прессе и радио. С 1964 по 1974 член редколлегии еженедельника “Polityka”. В своей прозе он уделял значительное место ответственности немецкого народа за фашизм и проблемам современных польско-немецких отношений. Эта проблема поднимается Анджеем Шчипёрским в цикле “Czas preszly” (Прошедшее время), 1961, “Godzina zero” (Ноль часов) 1961, “Ucieczka Abba” (Бегство

Абеля), 1962; “Za murami Sodomy” (За стенами Содома) 1963. Идеино-политические конфликты молодого поколения 1945-56 годов отразились в его произведении “Podroz do kranca doliny” (Путешествие на край долины) 1966, в экзистенциальной драме обычных людей загубленных в хаосе современной жизни а также отразилась в произведении “I omineli Emaus”, 1974) (И прошли они Емаус) и в параболичной повести “Msza za miasto Arras” 1971 (Молитва за город Arras) получившей награду М.Б.Лепецкого.

Повесть была создана на материале достоверных событий 1458-61 годов-бедствий чумы, голоса, голода, преследования евреев и еретиков. Автор в этом произведении показывает механизм формирования всеобщего психоза, в котором правота личности обречена на поражение. Эти проблемы поднимают психологическо-бытовая повесть “Lustra” 1962) (Зеркало) и сенсационные произведения «написанные под псевдонимом Maurice S.Andrews, очерки и репортажи “Z daleka i z blizka”, 1957 (Издалека и сблизи), “Portret znajomego” 1962) (Портрет знакомого). В 1984 году Анджей Шчыпёрский в лондонском издательстве “Polonia” публикует книгу “Z notatnika stanu wojennego” (Из блокнота военного положения).

“Z notatnika stanu wojennego”- это очень личная книга, в которой наблюдения в лагере для интернированных соединяются с религиозными познаниями писателя. Эта книга своеобразный дневник, фактографический и интимный, перекликается с прижившимися в польской литературе образцами мартирологии, произведений содержащих перечень страданий, переживаний автора. Шчыпёрский раскрывает обстановку тяжелых месяцев 1982 и 1983 годов; здесь надежды с отменой военного положения объединяются с исследованием политической ситуации в Польше. Выше мы говорили уже о тяготении к традициям мартирологии в автобиографической прозе Шчыпёрского. Этот контекст является как бы главным в вероисповедальных

признаниях военного периода. Вот первая страница “Z notatnika stanu wojennego” (Из дневника военного положения).

“Wiezienie Bialoleka. 13 grudnia 81. Godz. Szosta rano
Mam oluwek od pana Woc.

Zle z paleniem. Gorzko mi w gebie. W celi zimno i smrod.
Ludzie b.mili.

Przeniesli nas dzisiaj do baraku parterowego. Cela na 12 ludzi.
Pogoda piekna, mrozna. Duzo milicjantow nas pilnuje.

Wypralem skarpetki. Straszny smrod od WC. Spluczka nie dziala.

Wielkie gowno lezy wciaz w sedesie. Coraz wieksze, bo ludzie uzywaja. Bedziemy robili karty do bridza z tektuorego pudelka. Duzo palenia. Mysle o moich, w domu. To dla nich okropne! Gdzies to w poblizu jest Kijowski, wolal mnie po nazwisku, odpowiedzialem.

Jakis plk mnie wzywal. Przenosza nas gdsie indziej. Byl uprzejmy. Wzialem do celi carmeny... Ide w jakis transport. Godz. Siedemnasta.

(na tym koncza sie notatki z Bialoleki, sporzadzone na kartce wydartej z notesu w kratke).

«Тюрьма Бялоленька. 13 декабря 81. Шесть ч. утра.

У меня карандаш от пана Вок.

Плохо с курением. У меня горечь во рту. В камере холод и смрад. Люди оч приятные.

Сегодня нас перевели в одноэтажный барак. Камера на 12 людей. Погода прекрасная, морозная. Нас стережет большое число милиционеров.

Я постирал носки. Ужасный смрад от WC. Смыв не работает. Огромное дерьмо продолжает лежать в седельнике. Раз от разу все больше, потому, что люди используют. Мы будем делать карты для бриджа из картонной коробки.

Много курения. Думаю о моих, дома. Это для них ужасно! Где-то недалеко Кийовский, звал меня по фамилии, я ответил. Меня позвал какой-то плк. Нас переводят куда-то в другое место. Он был любезен.

Иду на какой-то транспорт. Семнадцать час.

(на этом заканчиваются заметки из Бялоленьски, упорядоченные на листке, вырванном из блокнота в клетку) (пер. с польс. Г.А.).

Польская литература военного положения в стране и за рубежом разнообразна с точки зрения жанров которыми пользовались писатели для того чтобы выразить свои позиции по отношению к болезненной современной истории. Художественную значимость этих произведений оценит время. Эту литературу можно отнести к разряду документальных; к литературе протеста против насилия и унижения.

Большой интерес представляет хронология событий 80-х годов, в стране и в мире также выражающих свое отношение к трагическим событиям в Польской Народной республике.

В 1982 году весь мир осуждает установление военного положения в Польше. Одиннадцатого января Атлантический Совет дает распоряжение странам НАТО ввести экономические санкции против ПНР.

Тридцатого января Рональд Рейган провозглашает «день солидарности с народом Польши». Проводятся экономические санкции против военного режима в ПНР Соединенными Штатами Америки, среди них устранение условия о наивысших привилегиях в торговле с Польской Народной республикой.

С января по апрель 1982 года в стране создаются подпольные структуры “Solidarnosci”. Двадцать второго апреля вспыхивает восстание Единовременной Координационной Комиссии “Solidarnosci”. С первого по третье апреля проводятся протесты и общественные манифестации, среди манифестантов человеческие жертвы. Десятого ноября уходит из жизни Леонид Брежнев, его должность занимает Юрий Андропов.

Четырнадцатого ноября освобождается из заключения Лех Валенса. В ноябре 1982 года организуется режимное патриотическое Движение Национального Возрождения под руководством Яна Добрачиньского, освобождаются интернирован-

ные, создается видимость создания диалога с общественностью. В декабре 1982 года создается режимный Национальный Совет Культуры под руководством Бохдана Суходольского. Члены совета набирались, главным образом, среди партийных активистов; деятельность всех творческих союзов была приостановлена. Приостанавливается деятельность всей печати, за исключением “Trybuny Ludu” и “Zolnierza wolnoscі”. В начале 1982 года приостанавливается деятельность всех творческих союзов, в том числе и Союза польских писателей. Двадцатого марта распускается властями военного положения Союз Польских Журналистов, вместо него создается Союз журналистов Польской народной республики.

В стране продолжает свою жизнь творческая деятельность писателей, издается поэзия Мечислава Яструна “Inna wersja” (Другая версия), ксендза Януша Пащерба “Zdejmowanie pieczęci” (Снятие печати). В литературу вливаются свежие силы, дебютирует своими рассказами Анджей Лученьчик “Przez puste ulicy”. (Через пустые улицы) Гжегож Мушял своим произведением “Stan plynny” (Жидкое состояние). Вне цензуры издаются произведения Тадеуша Конвицкого “Wschody i zachody księżyca” (Восходы и закаты месяца), Марека Новаковского “Raport o stanie wojennym” (Рапорт о военном положении).

В стране издается также эссе Артура Сандауэра “Sytuacji pisarza polskiego pochodzema zydzowskiego w XX wieku”. (О положении польского писателя еврейской национальности в XX веке).

Шестнадцатого июня 1989 года начинается второй визит папы Яна Павла II в Польскую Народную республику.

Эмиграционная польская литература представлена в этот период творчеством Збигнева Херберта, и Станислава Бараньчака. Адам Загаевский издает свои стихи “List. Oda do wielosci” (Письмо. Ода ко множественности).

В 1984 году уходит из жизни Андропов, его место занимает Константин Черненко. Девятнадцатого октября был за-

хвачен и замордован милицией Ксендз Ежи Попелюшко, Каплан варшавского костела святого Станислава Костки. В стране издается первый сборник рассказов Эустахия Рыльского “Stan-kiewicz. Powrót”. (Станкевич. Возвращение), повесть Веслава Мышливского “Kamień na kamieniu” (Камень на камне). Вне цензуры издается произведение Тадеуша Конвицкого “Rzeka podziemna, podziemne ptaki” (Подземная река, подземные птицы).

В эмиграции издается поэзия Чеслава Милоша “Nieobjęta ziemia” (Земля необъятная), эссе Хенрика Гринберга “Prawda nieartystyczna” (Нехудожественная правда).

1985 год приносит глобальные изменения в политическую и культурную жизнь стран Варшавского договора и Советского Союза. В 1985 году после смерти Константина Черненко власть в СССР принимает Михаил Горбачев, это время знаменательно началом «перестройки» и «гласности». В Польше наблюдаются многочисленные политические процессы деятелей Солидарности. Среди них Богдан Лиса, Адам Михник, Владислав Фрасынюк, Анджей Гвезда.

В стране проводится процесс над убийцами Ксендза Ежи Попелюшко. Объявляются сроки наказания от 12 до 25 лет.

Двадцать второго июля отменяется военное положение в Польской Народной республике. Пятого октября 1983 года Леху Валенсе присуждается Нобелевская премия Мира. В августе 1983 года распускается запрещенный при военном положении Союз польских писателей, создается союз писателей Польской Народной республики очередными председателями стали Халина Аудерска, Войцех Жукровский, Петр Кунцевич.

В стране вне цензуры издается стихи Виктора Ворошильского “Lustro” (Зеркало), “Dziennik internowania” (Дневник интернирования), Ярослава Марка Рымкевича “Ulica Mandelsztama”, (Улица Мандельштама) Эрнеста Брыля “Boże, chron nas od nienawisci” (Боже, храни нас от ненависти), Томаша Яструна “Na skrzyżowaniu Europy i Azji” (На скрещении Европы и Азии). В 1983

году вне цензуры издается проза Ярослава Марка Рымкевича “Pozmowy polskie latem 1983” (Польские беседы летом 1983 года). В официальной печати издаются стихи Анны Каменьской “W pol slowa” (В полуслова) и Артура Мендзужецкого “Wojna nerwow” (Война нервов).

Эмиграционная польская литература представлена в этот период творчеством Збигнева Херберта.

Польская литература и её талантливые представители вновь откликаются на события в стране своими произведениями, книгами стихов и прозы. В стране издаются стихи Анны Швиршчынської “Radosc i cierpienie” (Радость и страдание), Ксендза Януша Пащерба “Czarna skrzynka” (Черный ларчик), Томаша Яструна “Kropla, kropla” (Капля, капля).

Эмиграционная литература представлена в 1985 году книгой рассказов Ханы Краль “Sublokatorka” (Жиличка), Чеслава Милоша “Zaczynajac od moich ulic” (Начиная от моих улиц), Марка Новаковского “Wilki podchodza, ze wszystkich stron”. (Волки подходят со всех сторон). Эмиграционная поэзия представлена творчеством Адама Загаевского, книгой его стихов “Jechac do Lwowa” (Ехать во Львов).

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ

В восьмидесятые годы выкристаллизовывается поэзия литераторов, которые дебютировали еще перед 1980 годом. Некоторые критики склонны говорить даже о формировании поколения, дату зарождения которой можно отнести к первой половине пятидесятых годов. А дебют молодых писателей в период существования независимого издательского движения, приходится на вторую половину семидесятых годов. Переживанием, которое выпало на долю этого поколения поэтов, - было военное положение, а также связанные с ним события исторические и моральные. Среди творческих деятелей этого поколения находятся Томаш Яструн (1950 г.р.), Ян Польковский (1953 г.р.), Бронислав Май (1953 г.р.), и Антони Павлак (1952 г.р.).

С сегодняшней перспективы кажется, что еще, однако рано говорить о формировании нового поколения. Как художественное различие этих писателей, так и неизвестность дальнейшей судьбы их развития позволяет улавливать в творчестве этих поэтов серьезное свидетельство общественно-политических переломов новейшей истории. Публицистические мотивы вновь возвращаются в поэзию Бронислава Мая и Яна Польковского. Первый из отмеченных поэтов опубликовал в восьмидесятые годы несколько поэтических сборников, среди которых “Wspolne powietrze” (1981), (Общий воздух), “Zmieczenie” (1986) (Усталость), “Zagłada swietego miasta” (1986) (Уничтожение святого города). Обращение к «здесь и сейчас» ассоциируются с чувством бедствия в общественном и моральном измерении современного лицемерного, лживого мира.

Kto da swiadectwo tym czasom
Кто засвидетельствует эти времена
Kto zapisze? Bo przeciez nikt z nas
Кто запишет? Никто из нас:
Za glugo tu zylysmys, za gleboko wchlonelismys
Мы долго здесь жили, глубоко вдыхали
Te epoke, zbyt wierni, by moc o niej powiedziec
Эту эпоху, были чрезмерно верны, чтобы суметь о ней
рассказать

Prawde. W ogole mowic prawde. Wierny
Правду. Вообще говорить правду. Верный
Mowie “sprawiedliwosc”, a mysle o mrocznym szczesciu
zemsty,

Говорю «справедливость», а думаю о мрачном счастье
мести

Mowie “godnosc”, a pragne, narzucenia swojej woli,
Говорю «честь», а стремлюсь обуздать свою волю
Mowie “troska”, a mysle, “my” i “oni”,
Говорю «забота», а думаю «мы» и «они»,
I “co ze mna, zrobili”. Nic wiecej

И «что со мной сделали». Ничего больше
Nie mam na swoja obrone: wiernosc. I slabosc:
Не имею для своей защиты: верность. И слабость:
To, ze nienawidzilem zlych, oszukiwalem, by ochronic
То, что ненавидел злых, обманывал, чтобы защитить
Prawde, pogarda byla moja chora дума
Правду, презрение было моей больной мыслью.
Nienawisc, pogarda, klamstwo-przez tyle lat,
Ненависть, презрение-ложь-столько лет,
By przezyc i byc czystym. Co najwyzej-przezyc.
Чтобы пережить и быть чистым. Самое высшее-пережить.
Pozostac-niemym. Pytac kto da swiadectwo?
Остаться-немым. Спрашивать кто засвидетельствует?
Dobrze wiedzac, ze nikt z nas i przeciez nikt
Хорошо зная, что никто из нас и ведь никто
Inny. Wiec bez jednego slowa. Pusta epoka.
Другой. Значит без единого слова. Пустая эпоха.
Yak zadna inna wypelmiona zyciem, bo
Как ни одна другая заполненная жизнью, ведь как
Naszym, i nie bedzie drugiej. Zgielk
Нашим, и не будет другой. Суматоха
Wrzask, placz, smiech, i skowyt, pospolita
Шум, плач, смех и визг, обыкновенная
Piesn, bez slow, bez jednego slowa.
Песня без слов, без единого слова
Ktore by kiedys przemowilo
Которое бы когда-то нибудь заговорило
Za nami.
За нами.
За нами.
За нами.
(пер. с польс. –Г.А.)

(Общий воздух, 1981).

Чувству деградированной действительности сопутствует в этом стихотворении рефлексия, размышления о состоянии сознания поколения, и, особенно, умения распознавания правды. Обращение к трагическим событиям восьмидесятых годов можно заметить также в лирике Яна Польковского, которым также опубликовано несколько поэтических сборников, среди них “*To nie jest poezja*” (1980) (Это не поэзия), “*Oddychaj gleboko*”, (1981), (Дыши глубоко), “*Drzewa*”. *Wiersze 1983-1987*” (1987) (Деревья. Стихи 1983-1987). В творчестве Польковского также оживает традиционная тема литературы: стремление к выражению полной правды о мире, его событиях и предметах, устранение диспропорции между тем, что испытал и ощущал и тем, что может окончательно быть выражено в слове.

Поиски, по определению Чеслава Милоша «емкой формы» характеризуют многие стихи поэта, углубляя философский контекст его размышлений.

На восьмидесятые годы приходится дальнейшее развитие поэзии создателей «Новой Волны». Станислав Бараньчак публикует две серьезные книги стихов «Атлантида и другие стихи» “*Atlantyda i inne wiersze*” (1986), а также “*Widokowka z tego swiata*” (1988) (Открытка с того света).

В творчестве Бараньчака, постепенно отказывающегося от рафинированных приемов лингвистической поэзии, появляется тема эмиграции, тоски, одиночества, чужеродности. Эти чувства выражены поэтом в стихотворении “*Druga natura*” (Иная природа) из книги «Атлантида и другие стихи» (1986).

В восьмидесятые годы издает свои следующие книги стихов Адам Загаевский: “*List. Oda do wielosci. Poezje*.” (1983), (Письмо. Ода к большинству. Поэзия), а также “*Jechac do Lwowa*” (Ехать во Львов), 1986.

В лирике Загаевского также поднимается мотив эмиграции, однако поэт придает ему метафорическое значение, связанное, в общем, с характером экзистенции человека. Ситуация эмиграции позволяет определить природу человеческой жизни,

её болезненную и преходящую переменчивость, непостоянство. Рефлексии выраженные в стихотворении “Piosenka emigranta” (Песенка эмигранта) перекликаются с переживаниями наполнившими стихотворение “Jechac do Lwowa” (Ехать во Львов). Это необычно интересное произведение анализирует проблему памяти: прошлое продолжает свою жизнь в мыслях человека, существует в его воплощении и сознании. Обращение к теме родины мы наблюдали в творчестве Тадеуша Конвицкого в его литовских темах, стихи Загаевского также призывают Львов, постоянно существующий в его памяти.

W obcych miastach przychodzimy na swiat,
В чужих городах мы приходим в этот мир,
Nazywamy je ojczyzna, lecz niedlugo
Называем их родиной, но недолго
Wolno nam podziwiac ich mury i wieze.
Мы можем восхищаться их стенами и башнями.
Ze Wschodu na Zachod idziemy a przed
С Востока на Запад мы идем а перед
Nami toczy sie wielka obrecz plonacego
Нами катится огромный обруч пылающего
Slonca, przez ktora, lekko jak w cyrku
Солнца через которое легко как в цирке
Przeskakuje oswojony lew. W obcych miastach
Перескакивает прирученный лев. В чужих городах
Ogladamy dzieła dawnych mistrzow
Осматриваем творения древних мастеров
I bez zdziwienia rozpoznamy własne
И без удивления узнаем собственные
Twarze na starych obrazach. Istnielismy
Лица на древних картинах. Мы существовали
Juz wczesniej i nawet znalazlismy cierpienie,
Еще раньше и даже знали мы страдания
Tylko brakowalo nam slow. W cerkwi
Только не хватало нам слов. В церкви

Prawoslawnej w Paryżu ostatni biali
Православной в Париже последние белые
Siwi Rosjanie modła się do Boga, który
Седые русские молятся Богу, который
Jest młodszy od nich o stulecia i tak samo
Младше них на столетие и также
Bezradny jak oni. W obcych miastach
Беспомощен как они. В чужих городах
Pozotaniemy, jak drzewa, jak kamienie.
Мы останемся как деревья, как камни.

Piosenka emigranta, 1986.

В самой новой лирике Загаевского все более расширяется поэтическая тематика. В большинстве произведений поэта анализируется проблематика времени, тайна вечности и преходящего, а также беспомощность человека перед событиями, которые невозможно предвидеть и стремлений которые невозможно реализовать. Философская тематика способствует преобразованиям поэтического мастерства, также как и в лирике других поэтов, определенному ослаблению в поэзии Баранчака подвергается лингвистическая поэтика.

Przyszłość (Будущее)

“Przyszłość istnieje, lecz wiemy o niej
Будущее существует, но мы знаем о нем
Tak mało.
Так мало.
Przyszłość zostawia nam śladów nie
Будущее оставляет нам следов не
Wiecej, niż wielka dama, gubiąca
Больше чем градама теряющая
Chusteczkę w przedpokoju.
Платочек в прихожей
I nie wiemy, co do niej należy:
И мы не знаем что ей принадлежит:

Galazka bzu w rozkwiecie
Веточка сирени в расцвете
Rdzawa plamka na koszuli
Ржавое пятно на рубашке
Czy szara nicosc switu
Или серое небытие рассвета.

Среди дебютов польской прозы восьмидесятых годов выделяется книга Павла Хюлле (1957 г.р.) “Weiser Dawidek”. Вызывает интерес ретроспективно построенная акция повести, обращенная к событиям второй мировой войны, в частности, к событиям холокоста. Вторая книга писателя “Opowiadania na czas przeprowadzki” (1991), (Рассказы во время переезда) еще раз подтверждает значимость уровня его творчества.

С огромным интересом был воспринят также относительно поздний дебют Эустахия Рыльского (1945 г.р.) В 1984 году им было опубликовано два рассказа “Stankiewicz” (Станкевич), а также “Powrot” (Возвращение), приближенные размером и конструкцией к повести. Произведения можно отнести к исторической прозе. В обоих рассказах автор обращается к событиям январских восстаний, а также к истории России периода революции и гражданской войны. Поэтика рассказов Рыльского, насыщенная опытом психологической прозы представляется близкой творчеству Владислава Леха Терлецкого.

В последнее десятилетие XX века в польской литературе наблюдается значительная активизация прозы. В 1986 году издается третья книга Тадеуша Конвицкого, завершающая его автобиографическую трилогию, начатую еще в военное время: первая книга- “Wschody i zachody ksiezycy” (Восходы и заходы месяца), 1982, “Kalendarz i klepsydry” (Календарь и песочные часы)-вторая книга. Третья книга Конвицкого “Nowy Swiat i okolice” (Новы Щвят и окрестности) 1986 г., выделяется обращением писателя к функциональной прозе. В 1987 году издается его следующая книга “Bohin”-неоднозначно принятая литературной критикой. В этом произведении также как и в ранней

прозе Конвицкий обращается к литовской теме. В восьмидесятые годы была издана также повесть Анджея Шчыпёрского “Początek” (1986) (Начало), которая принесла писателю мировую известность. В этом произведении автор вновь обращается к военной тематике, представляет трагические судьбы героев запутанные в исторических перипетиях. Серьезные повести выходят в это десятилетие из под пера Юлиана Стрыйковского и Владислава Леха Терлецкого. Стрыйковский публикует повесть “Echo” (1988) (Эхо). Владислав Лех Терлецкий издает противоречивое произведение о последних годах I ой Речипосполитой “Drabina Jakubowa” (1988) (Лестница Якубова).

Политические процессы, проходящие в Советском Союзе «гласность и перестройка» оказали свое влияние и на общественно-политическую ауру в Польше.

В июле, сентябре 1986 года были амнистированы и освобождены из заключения почти все политические узники. Двадцать девятого сентября 1986 года Лех Валенса созывает легальный временный совет партии «Солидарность». В стране издаются книги стихов Чеслава Милоша “Mowa wiazana” (Связная речь), Эвы Липской “Utwory wybrane” (Избранные произведения), Вишлавы Шимборской “Ludzie na moście”, (Люди на мосту); по-смертная книга Мечислава Яструна “Fuga temporum”. Книги воспинаний Тадеуша Конвицкого “Nowy Swiat i okolice” (Новы Щвят и окресности), Яцека Бохеньского “Stan po zapasci” (Положение после провала), Анджея Лученьчика “Zrodlo” (Источник), первое издание трудов Витольда Гамбровича было осуществлено также в 1986 году. С восьмого по четырнадцатое июня 1987 года создается Польская социалистическая партия под руководством Яна Юзефа Липского.

В стране издаются стихи Юлии Хартвиг “Obcowanie” (Общение), цикл лекций Чеслава Милоша “Swiadectwo poezji” (Доказательство поэзии). 1987 год знаменателен в польской литературе дебютами прозаических произведений Павла Хюлле “Weiser Dawidek”, Петра Шевца “Zagłada” (Уничтожение); в это же время

издается очередной том прозы Эустахия Рыльского “*Tylko chlod*” (Только холод). Вне цензуры издаются рассказы Марка Новаковского “*Portret artysty z czasow dojrzalosci*” (Портрет художника времен зрелости). В 1988 году-в годовщину мартовских событий 1968 года начинаются массовые студенческие демонстрации в Варшаве, Кракове, Люблине, студенты требуют регистрации Независимого Союза Студентов. По всей стране прокатывается весеннее-летняя волна забастовок во многих ее городах: в Быдгощи, Кракове, Гданьске, Катовицах. Тридцать первого августа, восемнадцатого, девятнадцатого ноября проходят встречи Леха Валенсы и Кишчака, представителя официальных властей страны.

Тридцатого ноября состоится телевизионное выступление Леха Валенсы. Восемнадцатого декабря 119 представителей профсоюзных организаций создают Гражданский Комитет профсоюзов под руководством организации «Солидарность».

Восемнадцатого января 1989 года после ночных заседаний члены партии выносят решение о проведении «круглого стола». Шестого февраля начинаются обсуждения за «круглым столом». Пятого апреля завершаются обсуждения членов партии с оппозицией, заключается предвыборный договор: в новом Сейме 65 % мандатов для партийных и других организаций, 35 % для оппозиции от «Солидарности», выборы в Сенат полностью свободные.

В этот период в стране издаётся проза Игоря Неверли “*Zostalo z uczty bogow*” (Осталось от пиршества богов) а в эмиграции книга Марка Новаковского “*Karnawal i post*” («Карнавал и пост»).

Четвертого июня, первые, частично свободные выборы в послевоенной Польше заканчиваются поражением коммунистов. Девятнадцатого июля Войцех Ярузельский избирается договорным (контрактным) президентом ПНР. Двадцать четвертого августа 1989 года Сейм Польши призывает Тадеуша Мазовецкого на должность премьера. По всей Восточной Европе начинается «осень народов»: идет процесс объединения Германии; в Болгарии свержается режим Тодора Живкова, в Чехословакии «бархат-

ная революция» освобождает страну от господства коммунистов; в Румынии свержается правление семьи Чаушеску. Польская литература откликается на эти процессы, отражает в художественных произведениях борьбу за независимость и свободу: Урсула Козел “Zalnik” (Курган), Рышард Крыницкий “Niepodlegli nicosci” (Свободное небытие), Ханна Краль “Hirpoza”, Ян Юзеф Щчепаньский “Kadencja” (Срок созыва).

Двадцать девятого декабря 1989 года Сейм осуществляет изменения в конституции, которые формально останавливают существование Польской Народной Республики, создается III Речь посполита.

Тридцатого января 1990 года I съезд Польской объединенной рабочей партии выносит решение о роспуске партии. Лагерь Солидарности распадается на два крыла: “Porozumienie Centrum (Договоренность Центр) и Ruch Obywatelski Akcja Demokratyczna (Гражданское Движение Демократическая Акция). Двадцать второго декабря Лех Валенса избирается президентом Польши на всеобщих выборах.

В 1990 году панорама литературной жизни представляется рядом серьезных произведений Эвы Липской “Strefa ograniczonego postoju” (Полоса ограниченной стоянки), Адама Загаевского “Plotno” (Холст). В Париже издается автобиографическая проза Чеслава Милоша “Rok myśliwego” (Год охотника), в Польше выходит в свет проза Хенрика Гринберга “Szkice rodzinne” (Родные этюды), сборник репортажей Ханны Краль “Trudności ze wstawaniem” (Затруднения с вставанием).

Политический процесс освобождения от тоталитаризма стран Варшавского Договора и республик Советского Союза находит свое выражение и в прибалтийских странах: Литве, Латвии, Эстонии. Шестнадцатого января союзные войска начинают летние атаки на Ирак, реализуя резолюцию ООН об освобождении иракской армии из оккупированного с августа 1990 года Кувейта.

Первого апреля 1991 года совершается расторжение Варшавского Договора, а десятого апреля 1991 года первый отряд

советских войск оставляет Польшу. С первого по 9 июня папа Ян Павел II совершает четвертое пономничество в Польшу. С июня по сентябрь 1991 года Словения и Хорватия провозглашают независимость, Югославия стоит на пороге гражданской войны, большинство советских республик провозглашают независимость. Новая политическая и культурная реальность отражается в литературе этого периода.

В Польше издается проза Тадеуша Конвицкого “Zorze wieczorne” (Вечерние зори) книга стихов Тадеуша Ружевицы “Płaskorzeźba” (Барельеф).

ГЛАВА IV

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ ПОСТМОДЕРНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ «bruLion» («черНОВик»)

В последнем десятилетии XX и в начале XXI века можно проследить активное развитие польского литературного языка появляются неожиданные стилистические преобразования, значительно увеличивается в литературе место польского разговорного языка. Причины этого явления следует искать в реальности внеязыковой. Как известно, в этот период, а конкретно, с начала 90 годов XX века, наступили глубокие, значительные, и быстрые перемены в сфере общественной, политической, экономической, а также в сфере обычаев как в стране, так и на всем европейском континенте. Все эти изменения, а также состояние современной европейской литературы, её актуальные, важные проблемы стали объектом обсуждения писателей и поэтов этих стран, собравшихся на очередное совещание за одним круглым столом. В социалистический период основной темой обсуждения была бы угроза войны и разрядки, плачевная участь жертв империализма в странах «третьего мира». А сегодня главная тема обсуждения писателей – Интернет и копирайт. XV съезд Европейского конгресса писателей состоялся в Афинах 20 ноября 1996 года. Вице-президент конгресса английская писательница Морин Даффи выступила с призывом ко всем собравшимся сплотиться и дать отпор, заставить чиновников Европейского Союза и правительств употребить власть для того, чтобы остановить извечных партнеров – оппонентов писателя: читателя (сегодня его все чаще называют «пользователь» из-за компьютерной революции Интернета) и издателя (тоже, в общем – то нового-интернетовского) оба не оплачивают автору за его произведения и эта возможность сегодня ве-

лика как никогда-она выражается абсолютно неконтролируемым потоком текстового эфира, представляемого Интернетом. Самое ужасное заключается в том, что издателя и пользователя (читателя) в данном случае невозможно разделить, чтобы бить (или стыдить) поодиночке: в мире Интернета каждый желающий компьютерный пользователь сам себе и кому хочет в мире издатель, да ещё и никем не санкционированный автор к тому же. Он может печатать свои собственные тексты потоками, вставляя в них все, что ему нравится с собственной книжной полки, искажая как угодно любой чужой текст, вставляя свой комментарий, свои далекие от нравственности откровения. Но самое страшное в этом беспределе то, что в нем порой материально заинтересованы силы, в экономическом и политическом отношении находящиеся далеко впереди допотопного бумажно-издательского истеблишмента. Сегодня киты мировой экономики –это компьютерные и телекоммуникационные фирмы, с ними не могут сравниться ни нефтяные короли, ни русская мафия. Об этом долгие века мечтали все культурно-деструктивные силы. Сегодня рушатся вековые преграды между Творцом и Графоманом, Книгопродавцом и Поэтом, стираются грани между Мудрецом и Невеждой.

Не сегодня завтра рухнет вся изощренная система рынка текстов. Ведь ясно, что если можно не платить-платить не будет даже профессионал-писатель за труды коллеги, невзирая ни на какие принципы. Весь доход пойдет интернетовским миллионерам и писатель как профессия может исчезнуть, если не будет ни копирайта, ни гонораров.

Сегодня в творческом процессе редкий в истории момент анархии и беспредела-единодушно констатируют собравшиеся на съезде европейские писатели. Однако в этом общем хоре согласия есть голоса, выбивающиеся из унисона, так например, норвежские писатели считающие, что право на информацию и свободу слова-столь же священное право граждан, что и право писателей на интеллектуальную собственность.

Интернет- это никогда до сих пор не существующий легкий и массовый доступ прямо из дома к лучшим библиотекам, музеям и духовным богатствам мира, - авторы должны смириться перед новой интеллектуальной революцией, - утверждают они.

Однако очевидно то, что студенты всю копируют из компьютера, что хотят для себя и друг друга, не обращая внимания на увещания и грозные предупреждения.

Жажда знаний неодолима – и рынок хлынул в эту образовавшуюся брешь. Что из этого получится пока никто не знает. Но над этой проблемой усиленно и давно работают писатели западных стран, они глубоко понимают, что интернетовская опасность для них уже жизненно актуальна, они отлично организованы, знают, за что борются. Главная проблема кризиса – потеря сверхзадачи, высшего общего смысла культурной деятельности, обсуждалась на афинском съезде, на Родосе, где открывался новый международный центр писателей и переводчиков. Кризис существует, он универсален и лишь слегка замаскирован другим, связанным с интернетовской революцией.

Всемирная культура последних трех столетий была одержима, воодушевлена поиском смысла человеческого бытия.

Все крупнейшие произведения мировой литературы последних ста пятидесяти лет связаны с идеологией Золя, Т. и Г. Манна, Г.Сенкевича и Милоша, Тургенева и Чехова, Толстого и Достоевского, Маркеса, Фолкнера, число этих писателей можно продолжить до бесконечности.

Коммунизм ушел не оставив наследников, и культура впервые за последние триста лет- осталась совсем без идеологии. Почти одновременно разразилась компьютерно-интернетовская революция. Рынок впервые в истории получил неслыханную, безраздельную власть над культурой,- подчеркнул в своем выступлении президент Европейского конгресса писателей швейцарец Йохен Кельтер, он именно так и озаглавил свое выступление: «Рынок как конец идеологии и как идеология».

Йохен Кельтер отмечал в своем выступлении, что европейские писатели едины сегодня как никогда в борьбе с наступлением рынка, который в настоящее время представляет угрозу большую, нежели фашизм и война в прошлом. Выйдя из купели в 70-е годы в качестве платформы для преодоления идеологических расхождений между Востоком и Западом, ЕКП (Европейский конгресс писателей) превратился в рабочий инструмент писателей Европы, подчеркивал в своем выступлении президент конгресса Йохен Кельтер.

Именно угроза, исходящая от рынка породила «солидарность европейских писателей, которая парит над всеми эстетическими и многими мировоззренческими различиями»-отмечал в своем выступлении Йохен Кельтер.

«А чем этот рынок сам не идеология?»- обращается швейцарский писатель к аудитории, его даже можно назвать политическим Deal-ом, (курсом), президент ЕКП предлагает противопоставить базарной грубости и приземленности рынка рыночные же исторические ценности: неприкосновенность личности, свободу мнений, свободу написанного слова.

И самое главное священное право собственности автора на «продукт его воображения». Сегодня не вызывает возражений превращение клубов писателей в чисто рыночные организации, отстаивающие цены и права одной из сторон в торге произведениями творчества.

Культура – это не идеология, но и не рынок, а некое силовое поле между двумя полюсами: близость к одному создает чтиво, бульвар, к другому-шедевр художественной литературы. Возможна ли однополюсная культура, не исчезнет ли она от соединения «идеологического полюса с рыночным?».

В бывшем Советском государстве литература была однополюсной, т.е. совмещала в себе и рынок и идеологию одновременно, в современных условиях победы рынка однополюсная система культуры будет так же сокрушительна для культуры, как и в условиях диктата идеологии. Культура не может

существовать без структуры, без обозначенного обособленного института авторов.

И потому, рынок, который сегодня как бы помогает распаду этого института – в лоне Интернета и массового спутникового ТВ -неизбежно спохватится, иначе торговать будет нечем. XV съезд ЕКП приближает этот день просветления. Культура не может существовать без внерыночной, ценностной ориентации. То, что раньше называли ценностями непреходящими, неприменяемыми, философией культуры, идеологией после крушения наиболее всеобъемлющей и навязчивой идеологии в истории сегодня в испуге не называют никак. Новая идеология в культуре XXI века неизбежна. В этом мнении были единодушны все писатели ЕКП, среди которых присутствовали и представители польской творческой ауры, развитие которой в конце XX-начале XXI века представляет несомненный интерес, как части общеевропейского культурного процесса.

Польская литература начала XXI века продолжает, в лице большинства своих представителей, освоение «постмодернизма», массовое «открытие» которого в Польше происходило одновременно со свержением коммунизма. Таково мнение известного польского исследователя В.Болецкого. Политические перемены приводили к новациям эстетическим и художественным. Новую эпоху нужно было определить, дать ей имя, это имя дало ей искусство. «Мы живём в новую эпоху-эпоху постмодернизма»-этот тезис на Западе давно уже утверждённый, - в Польше 90-х годов воспринимается как откровение. Что же вмещает в себя понятие «постмодернизма?» Этот термин используется для обозначения всего, что не укладывается в «нормальное» мировосприятие и эстетику.

В страны Центральной и Восточной Европы этот термин пришел с запозданием, его приход был связан, в большей степени, с резкими изменениями в политическом и социальном устройстве. Именно этим объясняется особый энтузиазм в освоении этого литературного направления. Значительный инте-

рес представляет анализ различных толкований постмодернизма и определение лежащей в их основе типологии мировосприятия.

«Постмодернизм есть реакция на безмерно возросшую сложность жизни, с которой не в состоянии справиться сознание и которую больше не может уравновесить «поиск безусловных норм». «Постмодернизм есть реакция на количество информации, превышающее возможность ее освоения: перегруженный человек в состоянии реагировать уже лишь на означающие (знаки) и не доходит до означаемых (реалий). Сама эта ситуация чрезвычайно травматична для сознания, а «вся теория постмодернизма есть по сути посттравматический опыт второй половины XX века», «отсрочка адекватной реакции на события».

Таким образом, постмодернизм- это комплекс представлений, рожденных определенным чувственным опытом, и особый способ их выражения. Охватывает ли постмодернизм все пространство современной литературы и можно ли считать постмодернистское мироощущение универсальным?

Если взять во внимание процесс генетического развития постмодернизма, который уходит своими корнями к рубежу XIX-XX веков, то можно утверждать, что человечество до середины 60-х годов прошлого столетия, вероятно, не знало, что полвека проращивало, формировало в себе восприятие и язык постмодернизма.

С изменением политического строя меняется роль литературы и искусства, в общественную жизнь входит новое поколение писателей и художников.

Многие критики перемены политические и эстетические считали идентичными, таким образом, и посткоммунизм в их сознании был тесно связан с постмодернизмом. Необходимо отметить интересный психологический штрих в общественной жизни Польши конца XX-начала XXI века – стремление к литературной сенсации: то или иное произведение порой объяв-

лялось абсолютно новаторским, несмотря на бросающиеся в глаза параллели с предшественниками. Чтобы убедиться в этом стоит совершить экскурс в историю зарождения модернизма, в польской литературе, который приходится на рубеж XIX и XX века. Не следует полностью связывать зарождение этого литературного направления с зарождением “Młodej Polski” – молодой литературной группы, объединяющей лучших польских поэтов и писателей. «Мы поздно родившиеся перестали верить в правду» - говорил вначале 90 годов глава модернистического бунта Станислав Пшибышевский, а выразитель настроения поколения Казимеж Тетмайер в стихотворении “Koniec wieku XIX” (Конец XIX века) убедительно говорил об отсутствии ответа на все мировоззренческие вопросы, стоящие перед человеком на рубеже столетий. Именно первое десятилетие рубежа веков в польской литературе и определяется возникновением модернизма. Характерным для этого периода в литературе и сознании художника является ощущение полного мировоззренческого кризиса и упадка европейской цивилизации, рецепции философской мысли Шопенгауэра и Ницше, появление декадентизма, критическая оценка позитивистического мировоззрения, отказ от модели патриотической литературы, воспитательной, дидактической и морализаторской по своему духу, борьба за права индивидуума в общественной жизни, активное приобщение ко всему новому в искусстве и литературе, появление новых явлений в литературной жизни (богема, кабаре, литературные кафе), новых художественных направлений (в частности, импрессионизм и символизм). К чувству крушения всех философских систем в сознании модернистов ещё прибавилось и чувство беспокойства о характере преобразований и развитии цивилизации. Большие города ещё способствовали углублению чувства одиночества и погибания человека, в безымянной толпе он был лишен ощущения единства, связей с другими людьми. Последнее ощущение обеспечивала ему общественность маленьких городов и деревушек. Экономическая структура ка-

питализма XIX века вынуждала жителя Европы к ожесточенной погоне за деньгами, безразличия в выборе путей к обогащению, к материальному благополучию, и, наконец, обеспечение себе достойного места в общественной иерархии.

Индивидуум в общественной жизни оценивался в категориях общественной выгоды, предприимчивости и успешной деятельности.

Такой материалистический практизм беспокоил многих людей мысли и искусства рубежа веков.

В распространении мещанского мировоззрения-являющегося синонимом удовольствия, практицизма и, так называемого, здравого рассудка, порождающего нежелание постановки «бесполезных» философских вопросов и оценку всего (также и других людей) с точки зрения материальной выгоды – во всем этом новое поколение видело угрозу всем духовным ценностям, среди них искусству и литературе.

Параллели в творчестве современных польских писателей и их предшественников можно проследить обратившись к творчеству Яцека Глембского, его произведение «Терапия» (1998) перекликается с «Безумием» (1979-1983) Ежи Кшиштопя, «В красном» (1998) Магдалены Тулли приближается к творчеству Петра Войцеховского (70-80-е годы). Определением «постмодернистский роман» (более того «первый постмодернистский роман» обозначены “Rien ne va plus” (Ничего более, 1991) Анджея Барты, «Последний американский роман» (1993) Петра Чаканьского-Спорека, и «Панна Никто» (1994) Томека Трызны. Польские критики к постмодернизму причислили межвоенное творчество Ст. И.Виткевича, В.Гомбровича, Б.Шульца и даже произведения представителя ещё более ранней, модернистской “Młodej Polski” («Молодой Польши») К. Ижиковского, поскольку отдельные черты их поэтики (пародия, интертекстуальность, языковые игры, антимиметизм и др.) совпадали с некоторыми характеристиками поэтики постмодернизма. Близость того или иного произведения или автора к постмодернизму нередко

происходит в литературе на основании нескольких черт, которым придавался универсальный характер-без учета исторического и национального контекста собственной литературы.

Понятие «модернизм» в польском и западноевропейском литературоведении различно: в Польше (и Центральной Европе), как нами было отмечено выше, подразумевается период примерно 1890-1918 годов, в Западной же Европе и Америке «модернизм» более или менее соответствует нашему пониманию «авангарда». Поэтому существование в Польше термина «постмодернизм» было связано с многочисленными спорами и откровенными недоразумениями. Польский критик Я.Клейноцкий обратил, например, внимание на ещё один характерный парадокс: понятие постмодернизма появилось в Польше значительно позже, чем его «практические результаты» (т.е. сами художественные произведения) и, «что забавно,-если на практике постмодернизм был принят, то термин, попавший в самую гущу идеологических дискуссий начала 90 годов стал синонимом чего-то подозрительного» иронически замечает исследователь.

Отдельные черты постмодернистской поэтики были уже давно известны польскому литературоведению как элементы модернизма «поэтической» или эссеистской прозы. Спор, однако, перестает быть абстрактно терминологическим, т.к. речь идет об описании историко-литературного процесса, призванном учитывать гораздо больше факторов, чем только лишь поэтика. Здесь становится, очевидно, что расхождения творчества Ижиковского, Виткевича, Гомбровича, Шульца с литературой постмодернизма значительно ощутимее, нежели их сходство. Прежде всего, это касается такого важнейшего показателя, как восприятие личности: если для постмодернизма она не существует (один из лозунгов постмодернизма и элемент его «негативной антропологии»), то для Виткевича, Гомбровича, Шульца человеческая индивидуальность есть ключевая категория мышления и искусства.

Литература конца XX начала XXI века – путем сложных притяжений и отталкиваний, - продолжает литературу предшествующую, конца XIX начала XX веков, она вырастает только из готовности собственного языка к тем или иным изменениям. Живое, подвижное, неупорядоченное пространство литературы сегодня, как и во все времена, подвержено воздействию самых разных сил: от склада и типа личности, конкретной биографии писателя, положения литературы в обществе до пути этого создающего ее общества и судьбы мира, в котором данное общество и его литература занимают определенную нишу.

Открытое пространство мировой литературы - реальность, в которой создается и воспринимается польская проза последнего десятилетия. На уровне общего самоощущения литература, как и вся жизнь в стране, должна была в 90-е годы подстраиваться к «мировому времени» – в частности, вырабатывая соответствующий художественный язык.

То есть неизбежны были активное «подключение» к уже сложившемуся постмодернистскому видению мира, через его понятийный язык и попытка в его стилистике описать собственный опыт, по существу, совершенно новый, иной. Нельзя при этом забывать, что на рубеже 80-90-х годов, по словам самих апологетов постмодернизма, для Запада «смысл его утрачивался», и постмодернисты уже только «играли с означающими».

Все это создало особую ситуацию литературного «промежутка», когда художественный язык с большой долей избыточности пробует, тиражирует, отбраковывает или закрепляет новые формы выражения. И здесь налицо скорее неизбежные, как называл это Ю. Тынянов, «множественные усилия», в которых в большой степени угадываются контуры будущих путей литературы, чем присутствуют ее реальные результаты.

Реальность польской прозы конца XX – начала XXI века для читателя по-прежнему представляет собой одновременно сосуществующие в ней тексты разных литературных поколений. Естественная их смена происходила резко-резче, чем это

было на самом деле, поскольку совпадает со сменой ценностных ориентиров.

По-мнению польской критики, впервые за всю вторую половину XX столетия существующая в польской прозе традиционная триединая расстановка сил: «живые классики», среднее поколение, уже прочно утвердившееся в литературе и ещё активное и дебютанты оказалась нарушена. Именно в это время покидает литературу старшее своим художественным опытом служившее поколение, мостом между современностью и межвоенным двадцатилетием – в истории польской литературы это период чрезвычайно сложный и важный.

В числе этих писателей, определяющих облик послевоенной польской литературы были Я.Ивашкевич, М.Яструн, Е.Анджеевский, М.Бялошевский, И.Неверли, Б.Чешко, М.Кунцевич, К.Филиппович, А.Рудницкий, Т.Новак, Ст.Киселевский, Е.Косиньский, Ю.Чапский, А.Кузьневич, Зб.Беньковский, Ю.Стрыйковский и т.д.

Поколение прозаиков 1930 годов – за несколькими исключениями (В.Мысливский, В.Терлецкий) – не слишком активно заявляло о себе. Молодые польские писатели, таким образом, получили ещё одно преимущество – отсутствие серьезной конкуренции.

Конец XX-начало XXI века – время вхождения в польскую литературу «молодой прозы» – так называемого «поколения 1960-х» – Анджей Стасюк, Ольга Токарчук, Изабелла Филипяк, Наташа Герке, Петр Шевц, К.М.Залуский и др., поздних дебютантов-писателей чуть старше: Марек Беньчик, Стефан Хвин, Марек Кендзерский, Збигнев Крушиньский, Ежи Пильх, Януш Рудницкий, Магдалена Тулли и др., и наконец обретения «второго дыхания» дебютанты – Дариуш Битнер, Марек Буковский, Александр Юревич, Гжегож Мусял.

Новое поколение польских писателей отталкивалось, в основном, от опыта литературных «отцов». Как можно судить по изданному А.Стасюком, писателем из поколения «молодых», сборнику своего рода индивидуальных «писательских манифес-

тов» («Искусство писать», 1998), - внелитературная реальность, правда, о ней, которую может открыть лишь слово, - то Великое Дело, ради которого стоит писать. Для молодых же литература – сама по себе объективный элемент действительности, самостоятельный и самодостаточный, хотя до конца и не объясненный, отстоявшийся в бесконечных текстах мир. Именно по этому поводу Чеслав Милош сказал в «Собачонке у дороги»: «Я дожил до того времени, когда слово стало относиться не к предмету, например, к дереву, а лишь к тексту о дереве, возникшему из текста о дереве, и так без конца?». Воздействуя друг на друга эти полярно противоположные установки дают в сегодняшней литературной реальности свои текстовые ситуации. Литература же живет только в связи с читателем: «Практическое чтение»-единственный «мост» между ними. Польская литература конца XX начала XXI века перестала играть роль морального, общественного, политического авторитета, сегодня она встала перед необходимостью поиска иных форм контакта с читателем в современном мире. В польской критике и литературоведении долго и бурно обсуждался вопрос о том, был ли 1989 год переломным для польской литературы? Этот спор завершился компромиссом: перелом был, но «беспереломный». По шутливому замечанию молодого польского критика Д.Новацкого, подобный оксюморон вряд ли удивит нас современников безкофеинового кофе и безалкогольного пива. Исторический перелом, разумеется, не вызывает немедленных изменений в литературе. Но в данном случае, перелом будучи «беспереломным» все таки сыграл немаловажную роль в литературном процессе».

Во-первых, кардинальные изменения претерпели механизмы литературного быта: тиражи, порядок финансирования, издания и распространения художественной литературы, социальное положение писателя и способы возникновения и бытования литературных репутаций. Нельзя забывать и о важнейшем психологическом опыте, своеобразном «моменте истины»: лишь в 90-е годы писатель смог сориентироваться и понять,

что в общественном и экономическом измерении – на самом деле происходит с его произведениями и им самим, как участником литературного процесса. При этом дебютанты-писатели рубежа XX-XXI веков оказались первым поколением, переживавшим эту ситуацию как единственно возможную.

Кроме того, исторический перелом сыграл роль мощного психологического импульса (сделав всеобщим само ожидание перемен во всех сферах жизни- в том числе и в литературе) и своего рода внешнего обоснования возникновения новых тенденций внутри литературного процесса.

Такое обновление было, очевидно, неизбежно, поскольку доминировавшие в прозе 1976-1989 годов принципы в определенной степени себя уже исчерпали и вели к коммуникационному тупику. Смыслом существования литературы тогда было оправданное историческое требование ее участия в общественной и политической жизни, подчинения исключительно нравственным принципам. Отсюда установка этой прозы на современность (польское «здесь и сейчас») как основную точку отсчета. В результате оказалось невозможным противопоставление себя читателю, создание необходимой дистанции, коммуникации на уровне очевидности. Художественные произведения характеризовались достаточно поверхностной описательностью ситуаций и конфликтов в той или иной степени злободневных. Кроме того, после перелома, т.е. после 1989 года рынок оказался переполнен, а читатель «перекормлен» литературой, которая раньше издавалась в Польше во «втором круге обращения» (так в Польше называлась нелегально издаваемая в 1977-1989 годах литература), - многочисленными, «интервью-реками» и пр.

Главное же изменение, произошедшее на рубеже веков в польской литературе, это осознание недостаточности «польскости» как критерия самоидентификации.

Несколько лет назад Мария Янион легендарная в Польше исследовательница романтизма, анализирующая в контексте

романтизма польскую литературу XX века, - объявила о «конце романтической парадигмы»: с осуществлением извечной польской мечты о полной независимости польская литература исчерпала свое главное предназначение-обязанность служения национальному делу, что неизбежно привело, к необходимости обновления литературного языка.

Романтический язык польской литературы формировался под давлением политической несвободы и был достаточно «герметичен», он обеспечивал взаимопонимание прежде всего, «внутри» польской культуры.

Так, «Танго» С.Мрожека перекликалось с «Венчанием» В. Гомбровича, которое в свою очередь опиралось на «Свадьбу» Ст. Выспяньского, «Небожественную комедию» З.Красиньского, «Балладину» Ю.Словацкого и, наконец, вело читателя к финалу «Пана Тадеуша» А.Мицкевича. В этом же ряду стоят «На деревне свадьбы» М.Домбровской, «Свадьба ещё раз» М.Новаковского, «Крошево» Е.Анджеевского, фильм К.Занусси «Контракт» и многое другое. Даже авангардное произведение не могло быть вполне понято вне романтического контекста – эта естественная черта любого литературного процесса (живое «присутствие» в любом тексте тех или иных предшествующих «наработок»).

В польской литературе романтический контекст был гипертрофирован, что порождало своего рода замкнутость символики: польская литература всегда отсылала к себе самой, к своей собственной проблематике.

Последние декларативные романтические аллюзии можно, пожалуй, встретить у Т.Конвицкого, Вл.Одоевского, Вл.Терлецкого-писателей старшего поколения.

Молодым польским писателям это уже несвойственно. Новое поколение охотно обращается к Кортасару, Маркесу, Борхесу, Фаулзу, Барту, Хеллеру, Грассу, Эко, Зюскинду, Воннегуту. Это объясняется «комплексом» младшего литературного поколения: «национальный язык» ассоциируется у него с широко понятой несвободой.

Косвенным свидетельством такой несвободы-ограниченности читательских ожиданий и писательских возможностей — является судьба молодых прозаиков, попытавшихся в 70-80-е годы заниматься «чистой литературой», языковыми и формальными проблемами. Так называемому поколению «художественной революции» (Рышард Шуберт, Марек Солтысик, Земовит Огиньский, Юзеф Лозинский, Дариуш Битнер, Гжегож Мусял, Донат Кирш и др.) не удалось заинтересовать читателя.

Причины этого явления не могут быть сведены лишь к недостатку по настоящему ярких талантов или консерватизму старших, весьма сдержанно воспринявших эти эксперименты. Отказываясь от «национального языка», писатель практически утрачивал возможность быть услышанным.

Сегодня ситуация изменилась: никто уже не требует и не ждет от литературы борьбы за национальные идеи. Однако возникла проблема контакта с читателем. По остроумному замечанию критика Е.Яжембского, польские писатели «научились говорить разными голосами, но не знают, какой из них окажется услышан».

Более того, «национальный язык» был разработан в своих лучших образцах, до виртуозности и был так или иначе уникален. Осмысление тех или иных конфликтов и тупиков — без заимствования и тиражирования при этом чужих художественных моделей, чужих типов реакций, чужих стереотипов-возможно лишь на основании собственного опыта переживания и сформированного им языка, которым выражается и расшифровывается все, что относится к эмоционально-сознательной сфере быта и бытия человека в тот или иной его исторический отрезок. Поэтому литература, в конечном счете, не в состоянии отказать от задачи адаптации общего сознания к изменяющейся действительности. В первую очередь, эта адаптация происходит путем обновления психологического языка.

В процессе освобождения от «романтической парадигмы» был неизбежен этап иронии по отношению к героической ми-

фологии польского эмигранта и польского патриота, попыткам более реалистично взглянуть на оппозицию, ее психологические проблемы. Это выражалось в потоке пафосных, документальных изданий, посвященных «Солидарности».

В «Тюремной болезни» (1992) Януш Андерман обращается к судьбе бывшего интернированного, не находящего себе места в демократической Польше.

«Болезнь» его – это всеобъемлющая идеализация прошлого, уверенность, что лагерная биография дает особые права, а патриотическое вчера есть гарантия успешного сегодня. Януш Рудницкий в сборнике рассказов «Жить можно» (1992) разрушает миф эмигрантского патриотизма- ритуального, нередко оказывающегося лишь лекарством от скуки. Бард оппозиции Яцек Качмарский разоблачает в «Автопортрете с канальей» (1994) политических перевертышей-перебежчиков, изображающих себя мучениками. Эдвард Редлинский в «Крысополяках» (1994) и Петр Семен в «Низких лугах» (2000), воскрешает в памяти читателя «Эмигрантов» Мрожека, так разоблачает идеалистические представления об эмиграции, показывая уехавших на заработки поляков заложниками мифа и денег. Характерно, что часть писателей использует для иронического преодоления польских стереотипов прием рассмотрения героя сквозь призму языка (продолжая традиции польского «лингвизма» 70-80-х).

Тадеуш Комендант в «Зеркале и камне» (1994) и Якуб Шапер в «Потрохах и требухе» (1994) демонстрируют отказ несвободного человека от индивидуального языка в пользу того или иного коллективного. Самый яркий в этом ряду писатель, творчество которого можно назвать явлением в современной польской литературы – это Збигнев Крушинский, представивший в «исторических заметках» (1996) своего рода антологию «языков» периода военного положения (язык конспирации и демонстрации, судебного процесса, допроса, следствия, тюремной переписки, сбора информации, защиты и т.д.) и на их переплетении, он выстраивает все действие романа.

В пересмотре «польского комплекса» и главное-поиске для этой психологической ситуации адекватного языка наибольшую роль, пожалуй, сыграли романы Тадеуша Конвицкого «Чтиво» (1992) и Ежи Пильха «Заговор прелюбодеек» (1993), отсылающие к гротескным традициям С.Мрожека, С.Дыгата, В.Гомбровича. Конвицкий изображает постсоциалистическое польское общество-тривиальное, словно «чтиво», и абсурдное, словно фарс. Герой Пильха – интеллигент периода «послевоенного положения», раздираемый возвышенным патриотическим долгом и приземленной повседневностью, пафосом исторической драмы и естественной потребностью человека в нормальной жизни.

На рубеже веков понятие «польскости» утратило свою выразительность, а также определенность, на первый план вышел другой способ самоидентификации - «малая родина». На её пространство (Висла у Е.Пильха, придуманный О.Токарчук, Правек, подольские Куромени, у А.Болецкой, Бескиды, у А.Стасюка, Лида, у А.Юревича, Гданьск, у П.Хюлле и Ст.Хвина, Замостье, у П.Шевца, Вроцлав у А.Завады, Сандомир у В.Мысливского, Стеги у М.Тулли и т.д.) можно было опереться в процессе своего «я».

Большую роль здесь сыграла богатая польская традиция эстетического осмысления «малой родины». Ценный-и усвоенный –урок старшего поколения заключался не только в изображении дифференцированного, толерантного общества культивирующего память о прошлом, но и в идее неразрывной связи личности с пространством и выработки соответствующего художественного языка. Большинство перечисленных выше «малых родин» было уничтожено самой Историей, изгнавшей евреев из Замостья («Сумерки и рассветы» 2000, Петра Шевца, немцев из Вроцлава («Бреслау, 1996, Анджея Завады), поляков с Кресов-Западная Украина, Белоруссия, Литва («Белый камень», 1994, Анны Болецкой).

Однако сегодня угрозой для этих территорий является не История, приходящая извне, но нетерпимость, дремлющая в каждом отдельном человеке. Наиболее ярко это показывает

Стефан Хвин на примере межвоенного Гданьска («Ханеман», 1995) и Варшавы начала века («Эсфирь», 1999): полиэтническое общество таит в себе столько же ненависти, сколько различий. Открытость и нетерпимость в современном польском обществе показаны не как альтернативные модели, а как две силы, сосуществующие в каждом человеке и потому пронизывающие каждый социум.

В современной польской прозе отмечается и новая угроза подчиняющая себе все и вся универсализации- стандартных бутиков, киосков, макдональдсов, супермаркетов, рекламы («Возвращение в Брайтенхайде», 1997, Влодзимежа Кавалевского, «Галицийские повести», 1995, Анджея Стасюка).

Рубеж XX-XXI веков польские критики называют «веком прощаний». Именно этому периоду посвящены произведения польских писателей –«проза уходящих культур».

«В самом углу той старой карты есть страна, по которой я тоскую. Это родина яблок, пригорков, ленивых рек, крепкого вина и любви. Увы, огромный паук раскинул на ней свою сеть и липкой слюной замкнул шлагбаум мечты.

И так всегда: ангел с огненным мечом, паук, совесть» (Бруно Шульц) .

Еврейские городки в Польше-это Дрогобыч город на Подоле на Украине, недалеко от Львова. Подольская земля подарившая польской литературе множество известных польских писателей, среди которых Казимеж Вежинский, Юлиан Стрыйковский, Анджей Кусьневич, эта земля в межвоенный период находилась в границах II Речи Посполитой.

В Дрогобыче родился и провел почти всю свою жизнь Бруно Шульц -польский писатель еврейского происхождения. Особую роль в польской литературе он сыграл как переводчик «Процесса» Франца Кафки.

Вот что пишет о нем критик Алина Бродская, исследователь творчества Бруно Шульца, автора «Коричных магазинов». «Особо следует отметить факт участия Б.Шульца в нашей литературе,

его роль во внедрении «Процесса» Кафки в польскую культуру». Образная богатая многозначностью проза Шульца насыщена многочисленными автобиографическими источниками.

Писатель отразил в своих рассказах жизнь еврейского галицийского городка начала прошлого века, а также происходящие в нем перемены в обычаях и культуре в столкновении с современной, коммерческой и урбанистической цивилизацией. Этот скромный, объемный труд сегодня является классикой польской литературы и позволяет сравнивать его творчество и поставить в один ряд с такими выдающимися западными писателями как Райнер Мария Рильке и Францем Кафкой.

Объектом исследования польских критиков является творчество другого представителя нацменьшинства Польши Анджея Мандальяна, поэта, творчество которого отличалось социалистической ангажированностью, в последующий период творчество поэта оставалось в тени, но в настоящее время оно зазвучало вновь. «Лоскут савана» (2003 г.) – сборник, продолжающий традицию книги-плача.

Вот что пишет о поэте польский критик Лешек Шаруга «Сознаюсь, при чтении таких стихов я почти всегда робею: не отваживаюсь подвергать их «профессиональной» эстетической оценке: не то чтобы я сомневался в уровне этой поэзии, просто перед эмоциональным зарядом, «заключенным» в таком тексте, чувствую себя беспомощным, а оценку считаю неуместной (...) Я лишь указываю на проблему – тема, безусловно, требует развития.

С некоторой опаской – анализируя композицию целого – я все же выделяю «приемы». Один из них – введение завещания «лирического субъекта» в повествовании об умирании и смерти «героини» книги. Это завещание – короткая поэма «Запись», рассказ о судьбе, поляка по выбору:

«Я Гэр, я армянин, чей герб лоза,
Чьё слово-золото, как Божия роса!

Последняя книга Мандальяна «Поэма отъезда» (2007) – это, без сомнения, событие считает Лешек Шаруга.

Автор повествует не об отказе и отвержении, а об остроте видения и пронизательности диагноза, поставленного миру, в котором нам выпало жить.

Так же как и предыдущая книга это не сборник стихов, а расписанная на стихотворения поэма, на сей раз не эпическая, а рефлексивная.

Место: варшавский Центральный вокзал трактуется реалистически и метафорически. Время: живая современность, однако болезненно затронутая историей.

Выше нами была отмечена новая тенденция появившаяся в молодой польской прозе – это отказ от «польскости» как главного жизненного и литературного критерия.

Так в литературе возникла фигура героя принципиально не укорененного и это было результатом разработки молодых польских писателей-разработки более новаторской и самостоятельной по отношению к предшествующим периодам. Новый город возник по мнению, критика П.Чаплиньского, в результате своего рода «оглушенности» свободой – свободой не знающей политических, экономических и даже биологических преград, -так герой романа Яцека Сухецкого «Приключения Протаго» (1992) не имеет пола, а персонажи рассказов из сборника Наташи Герке «Частички» (1994) легко меняют свой пол. Проза М.Гретковской, Н.Герке, И.Филиппяк, З.Рудзкой, Я.Рудницкого, М.Беньчика отстаивают состояние освобождения от эмоциональной заикленности на этом мотиве (возможно являющейся личным опытом во многом опирающимся на сильную эмоцию отталкивания) безусловно оказываются и навязывавшееся ещё недавно идеологией социализма фальшивое клише патриотизма (в романах Мануэлы Гретковской, “*My zdes emigranty*” (1991), «Карты Таро в Париже» (1993), «Метафизическое кабаре» (1994), «Учебник для людей» (1996), или расска-

зах Изабеллы Филипяк из сборников «Смерть и спираль» (1992), «Синий зверинец» (1997), и последствия варварского воспитания («Боденский триптих», 1996 Кишиотофа Марии Залуского) и попытка эмигранта поспешно избавившись таким образом от национальных черт, как можно «окончательнее» врасти в новую почву («Шведенкрейтер», 1995, Збигнева Крушиньского).

Наиболее, однако, характерен для этого десятилетия психологический портрет молодого героя, сознательно выбравшего состояние «ниоткуда», предпочитающего состояние такой отдаленности и отдельности, за которым стоит «защитное» для него переживание своей независимости – и от собственного происхождения и от места жительства как изначально травмирующих его обстоятельств. Следующий шаг-это свобода от необходимости самоидентификации, которая представляется герою общественной формой насилия, навязанным ему долгом, надуманной и неадекватной характеристикой личности. Этот герой, освоивший опыт чуждости, открывший для себя, что может быть кем угодно, трактующий нормы и ценности общественной жизни как возможные, но никогда как обязательные или абсолютные.

Другими словами, такого неукорененного, отчужденного, отстраненного героя отличает не столько биография, сколько личностная модель.

Это, так сказать «стипендиат», в прямом смысле у Мануэлы Гретковской в произведении “*My zdes emigranty*” и в «Терминале», 1994 Марека Беньчика-или в переносном (своего рода «стипендиат жизни») у Зыты Рудзкой, Анджея Новака, Ярослава Гибаса, Анджея Гузяка, Аркадия Бихты.

«Польские» герои находятся в лишенном конкретности социальном и географическом пространстве, выполняют случайную работу или не работают вовсе, относятся к своему пребыванию дома как к чему-то временному. «Заграничные» же персонажи не чувствуют себя эмигрантами, устанавливают

контакты с новым обществом, но не входят в него, не имеют работы и не ищут ее, не имеют постоянного заработка и не стремятся к этому их пребывание за границей лишено конкретной цели и каких-бы то ни было сроков, они часто и охотно меняют место жительства, но не потому что это им интересно или необходимо. Герой просто может выбрать для себя состояние своего рода «между» (например, у Я.Рудницкого – между Вроцлавом и Гамбургом), оберегая его как условие сохранения дистанции по отношению к обеим культурам и относительную гарантию внутреннего равновесия. Жизнь воспринимается этими людьми как перемещение («Книга заклятий», 1996, А.Тузяка), человек-как движение («Смерть и спираль» И.Филипьяк), дом –как рюкзак (“*My zdes emigranty*” М.Гретковской), и, наконец, мир-как экстатическое «езде» и мрачное «нигде» («Белый ворон», 1995, А.Стасюка, «Книга заклятий» А.Тузяка, «Гнезда ангелов», 1995 Я.Гибаса, «Шведенкрейтер» Збигнева Кришиньского). Такая позиция помогает герою избежать выбора, страданий, которые может причинить ощущение чуждости или преданности определенному пространству и его культуре.

В целом интерес к жизни, окружающей человека, в прозе рубежа веков соединяется и сосредоточивается в повышенном и преимущественном интересе к состоянию внутри (которое можно назвать «я – сознанием») углубленности человека в самого себя. Мир такого героя-зачастую лишен большинства обычных примет прикрепленности к реальной жизни –этот мир выступает либо в модели мифа, закрепляющего идею индивидуальности и отъединенности, или в развернутую метафору чуждости окружающего мира.

Бытие представляется некой свалкой, из которой можно только извлекать отдельные знакомые предметы, складывая их в причудливые, но недолговечные узоры, словно в детской игре «в секретники» («Секретники», Г.Струмыка, 1995).

В «Белом вороне» А.Стасюка жизнь-это серая, бессмысленная череда дней. В «Терминале» М.Беньчика –своего рода

видеоклип с мелькающей анонимностью пространства, сотканного из цитат и аллюзий. В прозе Зб.Крушиньского – безъязыкая пустота эмигрантского «гетто» («Шведенркейтер») или абсурд искусственно и параноически навязываемого человеку порядка. («На суше и на море», 1998). Гротескный роман-монолог К.Мышковского «Страсти по святому Иоанну» (1991) декларирует необходимость полного разрыва с людьми как условия установления контакта с самим собой и сакральным измерением бытия.

Характерной чертой молодой польской прозы в этом контексте является обращение к детству и отрочеству-главному жизненному опыту самих авторов произведений – и, как следствие, распространенность фабулы, построенной на теме инициации, то есть «посвящения» во взрослую жизнь (своего рода «мода» первой половины 90-х годов, закрепившая в польском литературоведении термин «роман инициации»).

Следует заметить, что увлеченность мотивом инициации – посвящения в момент исторического перелома наблюдалась в польской прозе и раньше (после 1956 года – «Долина Иссы» Чеслава Милоша, «Тьма покрывает землю» и «Врата рая» Ежи Анджеевского, «Дыра в небе» Тадеуша Конвицкого, «Жизнь большая и малая» Вильгельма Маха; в 70 –е годы – «Черная иллюминация» Зыты Орышын, «Мальчик с голубем на голове» Марека Новаковского и др.).

Психологически это объяснимо –ведь благоприятные условия для такой прозы создает сама действительность, превращающая в «ребенка» и заставляющая заново учиться ориентации в стремительно меняющейся жизни каждого человека. Мотив инициации дает прозе возможность «освободиться» от прежнего знания о мире не через эссеистские выступления, но через эмоционально затрагивающий читателя рассказ о новизне опыта-ведь юный герой романа воспитания испытывает естественное любопытство и потребность проникновения в тайны бытия. Писатель получает определенные преимущества: его

герой имеет право многого не знать, а повествователь-делать вид, что мир в каких-то своих аспектах ему неведом или пока ещё безразличен (и, как это происходило в конце 80-х годов, «скрыться» от политики). Роман инициации дает возможность свободной игры с историей или ухода от неё: Томек Грызна в «Панне Никто» делает попытку соотнести исторические события с этапами взросления, а Павел Хюлле в романе «Вайзер Давидек» (1987) отстраняет события «большой историей» на самый дальний план.

Мотив инициации - «посвящения» оказался настолько популярен в 90-е годы, и в силу потребности молодых авторов воплотить в слове свой собственный путь к писательству в переломный момент истории, а читателю и критике-увидеть в молодой прозе портрет нового поколения (так воспринимались проза Анджея Стасюка, а Кишидоф Варга –автор романа “Bildingsroman” (1997), то есть роман воспитания, - и Анджей Новак сами активно создавали свой литературный имидж, опираясь именно на этот психологический феномен).

Роман инициации в какой-то мере заменил отсутствовавшие на рубеже 80-90-х годов литературные манифесты молодых писателей –ведь именно в нем опыт легко мифологизируется, ибо подается как ключевой для всей судьбы героя (за которой в данной ситуации неизбежно видится судьба целого поколения).

Таким образом, в последнее десятилетие роман инициации для самих писателей становится способом найти общий язык с читателем. Для старшего поколения это возможность внести нечто принципиально новое в свой, закрепившийся предшествующим творчеством, образ (К.Орлось, Ю.Корнхаузер).

Дебютантам же обращение к опробованным повествовательным моделям облегчает обретение собственного языка. В 90-е годы в рамках повествования, опирающегося на мотив инициации, можно выделить две основные психологические и стилистические модели. Прежде всего, это -проза преимущест-

венно автобиографическая, обращающаяся к классическому роману воспитания, сочетающая проблематику взросления и инициации с поэтическим и ностальгическим описанием утраченного пространства детства, как это было в романе Чеслава Милоша «Долина Иссы».

Произведения о детстве Стефана Хвина, Александра Юревича, Анны Болецкой, Юлиана Корнхаузера обращены, в первую очередь, к проблеме памяти и неразрывно связаны с ощущением утраты детского опыта и мировосприятия. Достичь единства сегодняшнего взрослого и тогдашнего ребенка, целостности самоощущения позволяет лишь слово – поэтому запечатленное в тексте детство становится в этих романах не столько воспоминанием, сколько самостоятельным художественным образом дающим возможность выстроить своего рода «генеалогическое древо» личность героя – повествователя.

У Хвина («Короткая история одной шутки» 1991, «Ханеман», «Эсфирь»), это история взаимоотношений ребенка и сталинской эстетики; у Хюлле («Вайзер Давидек», «Рассказы во время переезда», 1991 «Первая любовь и другие рассказы» 1996) – повествование о том, как ребенок дорастает до зрелого, сознательного приятия некоей тайны своей судьбы; у Юревича («Лида», 1990 и «Господь Бог глухих не слышит», 1995) – реконструкция исковерканного историей детства; у Болецкой («Белый камень») – серия почти этнографических описаний жизни Прадеда; у Корнхаузера («Дом, сон и детские игры», 1995) – рассказ о созревании человека до одиночества.

Такого рода проза предполагает в какой-то мере необходимость владения общим внелитературным контекстом, на который он опирается, - биографией писателя, историей (книги эти, в основном, написаны на материале судеб репатриантов после второй мировой войны). Поэтому она включает эссеистские и автотематические отступления, за счет которых в первую очередь, (а не за счет фабулы как таковой) и устанавливается эмоциональный контакт с читателем.

Для второй модели романа инициации характерна более выраженная сюжетность: действие нередко переносится в экзотическое, таинственное или хотя бы просто небезопасное пространство-заснеженные горы, враждебный городской лабиринт и пр., сочетание традиции романа воспитания с триллером, приключенческим детективным повествованием, то есть жанров и образцов той массовой культуры, язык которой именно в это десятилетие необычайно интенсивно усваивается читателем, закрепляясь в определенные стереотипы видения. Эти романы построены вокруг проблемы двуединства любой человеческой биографии (до инициации и после) – с решительным превознесением этапа невинности по отношению к этапу зрелости. Это своего рода «романы антивоспитания», направленные на демифологизацию общественных инструментов воспитания (школа, дом) и результатов их деятельности, подчеркивающие бесповоротность утраты юности как самостоятельной ценности. В той или иной мере позитивное «до» непрерывно теряется героями-будь то мальчишеская дружба у А.Стасюка («Белый ворон», «За рекой», 1996), безопасность своего собственного, а не навязанного кем-то пути у Т.Трызны («Панна Никто»), свобода детства у И.Филипьяк («Полная амнезия», 1995), волшебство детского мира у М.Гретковской («Метафизическое кабаре») или ощущение полноты бытия у О.Токарчук («Э.Э.», 1995).

Значительный интерес среди писателей рубежа веков представляет литературное творчество Ольги Токарчук (род. 20 января, 1962 г.). Она относится к числу самых читабельных писателей страны. Её повести отмечаются позитивной реакцией литературной среды, подтверждением чего является присвоение писательнице наград, среди которых Общество книжных изданий, Фонд им. Костельских, а также номинация самой престижной в Польше награды – Нике.

Следует отметить, что ее творчество пользуется большой популярностью среди современных польских читателей. Твор-

чество Токарчук с успехом занимает пространство, предназначенное для популярной повести, которая издается, и вопреки ожиданиям, общественности не претендует на особую славу.

Первые повести Ольги Токарчук были отмечены особыми чертами стиля, подбора тематики, возвращающихся мотивов. «Путешествие людей Книги» имела целью, как утверждают польские критики Пшемислав Чаплиньский и Петр Сливиньский «очаровать мир». Основа повествований, истоки которых дремлют в далеких мифах-стала отличительной чертой писательницы. Уже само название дебютантской повести предвещало о взвешенном соизмерении двумя необычайно важными в истории литературы мотивами: путешествия и Книги. Токарчук таким образом вписывалась в линию, намеченную Бруно Шульцем. В ее повестях часто появляются обращения к психологии, в особенности, к теории Юнга. В своих интервью О.Токарчук часто выступала как защитница письма, понимаемого как видение, призрак, загадка, а не как обработанного и осмысленного четкого мастерства. «Для меня творческий процесс-это процесс таинственный»-говорит О.Токарчук.

Её творчество переполнено метафизическими испытаниями, аллегориями, многозначностью, таинств недоступных разуму, приближено к современной сказке.

Впрочем, сама писательница так определяет собственное занятие: «Писание повестей для меня является доведенным до совершенства рассказыванием себе самой сказок».

Самым большим читательским успехом пользовалась повесть О.Токарчук «Древность и другие времена», повествующая об истории трех поколений Небесного рода, заселившего «центр вселенной», мифическая Древность. Однако, несмотря на замечания критики о том, что все элементы того мира уже известны, и многократно использованы в литературе, повесть привлекала стилем исторических грез и мечтаний, вводя читателя в круг жизни героев. Очередные книги писательницы являются подтверждением изменения ее подхода к форме. Как от-

мечает польский критик Дариуш Новацкий, яркие и простые истории в творчестве О.Токарчук уступают место формам открытым, явно эссеистичным, но именно благодаря этому многозначным.

Формой, которой в последнее время писательница отдает предпочтение, является также рассказ, одновременно с которым в ее творчество вошли – как утверждают исследователи ее прозы-новые черты: размышления о литературе, творчестве, возможности выделения фикции от правды а также нравственные наблюдения, реализм.

Видимое в таком свете творчество О.Токарчук внушает его постоянное развитие, созревание, расширение проблематики. Таким образом, писательница с утвердившимися позициями все время воспринимается как надежда польской прозы.

Однако не следует забывать, что важным элементом творчества Ольги Токарчук, является особый тон ее книг, явная автобиографичность. Принято соединять ее прозу с так называемой женской литературой или феминистическим творчеством. Главные героини ее книг –это женщины, а среди тем в ее творчестве можно обнаружить темы касающиеся сферы секса, или, говоря словами самой писательницы, -она сосредотачивается на поиске смысла того, что означает быть женщиной.

Интерес представляет в творчестве Ольги Токарчук ее роман «Э.Э». Это повествование о пятнадцатилетней девочке, однажды обретшей способность общаться с духами, но утратившей ее после достижения физической зрелости.

Спустя несколько лет она не хочет или просто не может вспомнить эти, когда-то заполнившие всю жизнь ее семьи события: по сути Токарчук вводит в контекст повествования концепцию своеобразной «амнезии», навсегда, неотвратимо разделяющей друг от друга миры взрослого и ребенка.

Ту же концепцию мы можем проследить в произведении «Полная амнезия» И.Филипяка. Здесь мир ограничен несколькими традиционными для существования подростка местами:

домом, школой, дорогой, непременными «таинственными» и отдаленными от мира взрослых элементами пространства (в повествовании это бункер, лес, комната брата) и увиден беспощадными глазами двенадцатилетней девочки: кошмарный дом, школа-молох, вонючий бункер.

Финал романа можно назвать «антиинициационным» - это отказ от участия во взрослой жизни, воспринимаемой юной героиней как набор абсурдных и ненавистных норм.

Действие романа происходит в Гдыне, но отзвуки безжалостной истории ощутимы не столько в сюжете, сколько в языке, на стилистическом уровне: жизнь ребенка описывается языком политических событий, что подчеркивает вторжение жестокого взрослого мира в пространство детства.

Герои «Белого ворона» Анджея Стасюка, не дети, люди взрослые-тридцатилетние мужчины, предпринимающие бесцельное, на первый взгляд, абсурдное и рискованное путешествие в горы. Попытка возвращения в детство, трагическая игра в давно утерянную мальчишескую дружбу и солидарность оборачиваются жестоким поражением.

Анджей Стасюк (1960 г.р.) является одним из наиважнейших прозаиков группы творцов, дебютирующих на рубеже XX-XXI веков. Исследователи называют его «ориентировочной точкой» новой прозы или индивидуальностью «литературы тридцатилетних». Стасюк это писатель с интересной и необычной биографией, индивидуалист с неоконченной школой и тюремным опытом (в результате которого состоялся дебют –тюремная проза «Стены Хеброна») нашел, наконец, собственное место в околицах Бескида Низкого, где возглавляет издательство.

Явно легендарная биография является фактором, сопровождающим его интересную и разнообразную литературную деятельность. О Стасюке критики говорят, что он «эпик с душой лирика», а поэтические черты, привнесенные в прозу делают ее не только стилистически прекрасной, но и стимули-

рующей для чтения, с точки зрения языковой стороны, она многозначна, открыта на различное восприятие в чтении.

Лирический опыт и чувствительность писателя особенно проявляются в кратких формах как, например, в «Галицийских рассказах» или в рассказах из книги «Через реку». Как утверждает Дариуш Новацкий, определенные элементы творчества Стасюка, способствуют увеличению интереса к нему со стороны молодого читателя. В книге автора «Стены Хеброна» читатель сталкивается с героями, только, на первый взгляд, обычными.

Чаще всего, читатель сопровождает их в трагических ситуациях, в надломленном состоянии, в гибели, в болезненном существовании. Герои Стасюка живут экстремальной жизнью, а постоянными элементами их приключений является музыка, алкоголь, страсть, мужская дружба. Характерной чертой книг Стасюка является также ностальгия. Она особенно касается детства как утраченной родины, в которую уже нет возврата. Эта тема впервые появляется в повести «Белая ворона», чтобы ещё раз позже повториться в книге «Через реку». Мифологизированная пора детства является для Стасюка возвращением в места и во время, являясь поиском собственного «я». Великолечно представляют эти ожидания, разочарованные зрелостью герои «Белого ворона». Сенсационная фабула книги уступает место предпочитаемым Стасюком темам ностальгическим.

Как утверждает Пшемислав Чаплиньский –исследователь творчества А.Стасюка, приключения пятерых друзей – это «проявление благородства, борьба с преходящим, героическое воспоминание представленного прошлого».

В круг интересов писателя входит также центральная Европа. Этому пространству посвятил Анджей Стасюк эссе, изданное в книге «Моя Европа». Двухголосная повесть польского и украинского писателя Юрия Андруховича близка присутствовавшему ранее у Стасюка мотиву «малой родины», провинции, которую автор представляет проникновенно, с долей идеализации.

Личный взгляд на Центральную Европу соединен с глубоким обзором современности и размышлениями о будущем. В путешествии по забытым пространствам Европы приглашает нас писатель также в книге «Поездка в Бабадаг», за которую в 2005 году Анджей Стасюк получил литературную награду Nike.

Посещаемые Стасюком провинциальные города-это грязные, бедные, неизвестные части континента, абсолютно отличающиеся от столиц западных государств. Одновременно это города лишённые истории, описания, застывшие в своем былом облике, великолепно подходят для поэтизации и мифологизации. В этом Анджей Стасюк видит особую прелесть и очарование.

Тема воспоминаний, к которой часто обращаются молодые польские писатели, воссоздавая реальную картину детства необходима для того, чтобы найти истоки взрослых поступков, взрослого характера, т.е. осмыслить свой прошлый опыт взаимоотношений с миром.

В значительной части польской прозы рубежа веков читатель найдет возвращение на стадию детства сегодняшнего, настойчивое навязывание – порой назойливое и искусственное, порой наивное-черт инфантильной незрелости.

Герой ощущает себя словно бы в текучей, как сон, проекции в том защищенном от выборов и ответственности невзрослом мире, где можно на законных основаниях возраста лишь играть в жизнь. Феномен присутствия в той или иной степени незрелости во взрослом человеке –одна из важнейших психологических проблем XX-XXI века, вошедшая в наше время в бытовое сознание, впервые в польской литературе была описана в адекватной ей стилистической форме В.Гомбровичем в межвоенное десятилетие-то есть аналогичный для Польши период смены ориентиров: освобождения литературы от общенациональных, политических, идеологических задач и обращения ее к психологическим проблемам отдельного человеческого существования.

Описанные явления объяснимы в понятиях психоанализа и говорят о невротичности также сознания, косвенно и в самом деле подтверждающая наличие в обществе состояния травматичности и потери «безусловных норм». Зафиксированное прозой состояние, получившее художественный язык для своего выражения, действительно свидетельствует о присутствии в жизни и в прозе 90-х годов мироощущения, свойственного постмодернизму-переживания страха, потери смыслов, деформации чувственной сферы. Если же вернуться к определению постмодернизма как посттравматического синдрома («В травме...нет понимания того, что произошло, есть лишь зафиксированность на некоторых означающих, а означаемые как бы уходят из памяти»), оно «работает хотя бы в качестве метафоры, ибо здесь и в самом деле, укладывается психологический опыт, отраженный польской прозой рубежа веков (в первую очередь-прозой молодых).

В их числе Мануэла Греткова (1964 г.р.) – прозаик, автор эссе и сценариев, ее называют феминисткой, скандалисткой, *femme fatale* (фатальная женщина) польской литературы.

Эти эпитеты возникают как из значений ее текстов, стилей, материалов преподнесенных исследователями так и из задуманной самой писательницей стратегии аутокреации (образного воплощения).

Дебют писательницы относится к 1988 году, он был шокирующим на фоне позднего ее творчества, т.к. оно было поэтическим и связывало Мануэлу Гретковску с провокационным периодическим изданием “bruLion” – «черНОвик», название которого дало имя целой формации тогдашних дебютантов. Этот журнал был рупором вступившего на арену нового литературного поколения.

Мануэла Гретковска была парижским корреспондентом журнала, и до начала 90-х годов считалась ведущим прозаиком издания. Однако, видимо, индивидуальность Гретковской не вмещалась в широкие страницы “bruLiona”, несмотря на то, что журнал был близок ей по темпераменту и взглядам. В одном из своих

интервью она говорила: «Просто не было другого нелегального литературного журнала, именно такого, анархичного...».

Творческий путь Гретковской избегает однозначных понятий и подходов. Начинание, дебют в который была заангажирована Гретковска был разнообразным помимо нескольких мини-повестей, она писала также сценарии, репортажи, фельетоны.

Мануэла Гретковска не избегала контактов с массовой культурой: была главным редактором женского журнала “Elle”, сотрудничала с журналом “Twoj Styl”, “Wprost” “Wrozek” (часть текстов была собрана в книге “Silikon”) Гретковска является также автором сценария, представленного на TVN, под названием «Городок».

Гретковска представляется писательницей без комплексов: находящаяся в поиске, удивляющая, отражающая в текстах фрагменты собственной личности, актуальные взгляды, смело пересекающая границы языка и обычаев. М.Гретковска так говорит о своей профессии: «Творчество-сущность моей личности, я вижу буквами, но не глазами».

М.Гретковска изучала философию в Кракове, антропологию в Париже-все это нашло свое отражение в ее книгах. Изысканные и интригующие фабулы ее произведений переплетаются с многочисленными эссеистическими произведениями, касающимися искусства, культуры, обычаев, путешествий, эротики, религии, гадания...

Ее книги это истинная смесь мировоззрений, фигур, поз, которые объединены личностью автора, «однако неоднородность ее произведений не позволяет, –как пишет критик Станислав Буркот,-точно отделить элементы автобиографии от воплощенного образа». Последние две книги Гретковской «Полька» (2001) «Европейка» (2004) можно однако в большой степени трактовать как отражение подлинных чувств. «Полька»-это интимный дневник женщины, периода беременности, созревания до материнства, создания семьи.

С эпитетом «скандалистка» Мануэла Гретковска сражается в книге «Европейка». «В необычайно емкой и трудной для однозначного описания форме, как утверждает критик Варвара Гутковска, здесь присутствует и эссе, и фельетон, и анекдот, и рассказ или дневник путешествия писательница стремится представить свою ежедневную жизнь, обыденность, избегая одновременно формы скандала, в которую она была, как бы заключена». Оставляя в стороне разногласия, связанные с языком и обычаями, стоит обратить внимание на то, что ее книги необычайно убедительны, смелы и бескомпромиссны, что свидетельствует о взглядах молодой, образованной женщины и писательницы, которой, несмотря на тяжелый груз, индивидуализма и субъективизма, - не чужда, однако создающая мнение общественная роль писателя.

Как нами было отмечено выше, ведущим литературным направлением в польской культуре рубежа веков являлся постмодернизм. В чем же заключается основной принцип организации постмодернистского повествования? Это – «различные способы преднамеренного повествовательного хаоса, восприятие мира как разорванного, отчужденного, лишённого смысла, закономерности и упорядоченности. Эти черты характерны для значительной части польской прозы XX-XXI веков.

К числу писателей этой формации можно отнести В.Баволека – его рассказы с метафорами хаотической смеси жизни («тутти –фрутти») или мышления-пылесоса, засасывающего все подряд. Реалистические наблюдения и жанровые сценки незаметно оборачиваются абсурдом, правдоподобие-непредсказуемостью, юмореска – метафорой судьбы, а сатира – тонкой интригой. Вся эта тщательно организованная фрагментарность рождает единую эмоцию отчуждения.

«Фуга» Януша Каминьского, современника В.Баволека построена на превращениях кармы, литературных аллюзиях, развитии нескольких голосов, подчиненных основному психологическому мотиву бегства – от человеческого предназна-

чения, от реальной жизни, безумств воображения, непосредственных страстей и чувств в мечты, в одиночество, и смерть.

Хаотическое, на первый взгляд, повествование «Антология постнатального творчества: D.G.J.L.O.S.W.» (1996) Ц.К.Кендера, по словам критика Е.Яжемебского, парадоксальным образом оказывается выражением «тоски по гармонии» и одним из примеров возможности «обретения читателем гармонии в результате от-рефлексированного прочтения» произведения, этой гармонии противоречащего¹.

В постмодернистском направлении интерес представляют два важнейших элемента: игра как концепция жизни и игра с текстом, когда сознание, примеривающее к себе разные роли, маски, исторические костюмы, строит из всего этого всевозможные комбинации – коллажи. Такие конструкции, как будто специально лишены авторской интерпретации, они жестко и агрессивно представляют читателю ощущения хаоса, лишают его возможности с помощью некоего естественного и живого переживания выстроить в своем представлении связную интерпретацию текста.

В «Частичках» Наташи Герке, составленных из микросце-нок, элементов рекламы, автор демонстрирует разность и несоотнесенность знаков, используемых современных человеком.

Взаимопроникновение культур, мозаика кодов приводит к полной потере смысла. Главный герой книги-стереотип, убивающий смысл: присутствие языковых клише в современной ментальности лишает жизнь ее содержания.

Наташа Герке (1960 г.р., Познань)- польская писательница и поэтесса, специализирующаяся на коротких гротесково-сюрреалистических, насыщенных иронией и черным юмором произведениях. Наташа Герке выпускница факультета полони-стики Познаньского Университета и факультета индологии

---

¹ Swiat w zwierciadle prozy. Rozmowa z Jezym Jazebским.-P.Czaplinski. KontraPunkt. Rozmowa oksiążkach. Poznan, 1999.

Ягеллонского Университета в Кракове. С начала 90-х годов живет за пределами Польши, в настоящее время – в Германии.

В 2005 году один из рассказов Н.Герке был включен в книгу «Сраженные. Семь рассказов о СПИДЕ»-это первая польская антология посвященная тематика СПИДА.

Интерес представляет также творчество Д.Битнера, рассказы которого построены на изощренной стилистической игре, они опираются на двух соприкасающихся литературных концепциях (реализма и сюрреализма), перекликаются с Кафкой и фрейдистскими стереотипами, поражают вульгарностью, которая определяет «реальный» мир героев, одиноких без прошлого и будущего, тайком подглядывающих друг за другом, легко переходящих в своем сознании и поведении границы реальности.

В творчестве Д.Битнера поторяются модели М.Хласко, М.Новаковского, Я.Андермана, но если закомплексованность, тех героев чем-то мотивировалась, то мир героев Д.Битнера лишен жестов и чувств. Бегство в мир воображения героев Д.Битнера – это адекватная реакция на действительность, однако вообразенный мир не менее грязный, вульгарный и разнузданный. Битнер-фигура, непосредственно связывающая польскую прозу 90-х годов с поколением «художественной революции», принципиально противопоставившим фальшивому общественному наиболее личное и предельно интимное (отсюда распространенность своего рода психосоматических исследований, внимание к неразрывной связи личностных проблем с физиологией). У более молодых польских прозаиков можно проследить отказ от всех табу (именно так, в частности, переживается свобода), интерес к биологическим инстинктам, сексуальности, физиологическим деталям, как проявлению обособленности каждого единичного существования.

По словам, одного из польских критиков, «если это польский вариант постмодернистской прозы, то я возвращаюсь к

чтению ее классиков... Не хочу, чтобы литература... сводилась к грязному белью, траханью, ширинке, Богу и небытию»¹.

Тем не менее польская проза 90-х годов стихийно и постепенно-с разной степенью успешности, но, пожалуй, с равным ощущением тупиковости мироощущения, в котором «задано» отсутствие смысла и какой-бы то ни было нормальной иерархии приоритетов, выходит за пределы стереотипа постмодернистской модели мира, основанной на равновероятности и равноценности всех ее составляющих. И здесь, быть может, показательны произведения писателей среднего поколения. У Ф.Байона в «Подслушке» (1994) – остроумном и человечном романе «с ключом» (действие его происходит в варшавских литературных кругах 70-х годов, затрагивая проблемы компромисса, страха, безразличия) ощущаются попытки выхода в мир, где должны существовать нормы и критерии, структурирующие хаос в некий позитивный для человека смысл.

Роман Г.Мусяла “Al Fine” (1997) польская критика называла декларацией постмодернизма. Но не постмодернизма, заявляющего, что в мире, где ничего не существует настоящему и ничего нельзя по-настоящему рассказать, остается лишь самоценная игра с текстом.

Принцип Мусяла иной: не поддающуюся повествованию жизнь можно попытаться выразить через сложную систему мотивов образующих сознание героя.

Таким образом, роман защищается от стереотипа формы. Роман Э.Родлинского «Кровотечение» (1998) –попытка смоделировать то самое сослагательное наклонение, которого, как мы хорошо усвоили, история не знает (что бы не случилось, не будь в Польше в 1980 году введено военное положение). Это конечно игра. Но игра со знакомыми реалиями и смыслами, полными аллюзий и реально пережитых и ещё не ушедших из коллективного сознания чувств вплоть до самоощущения и

---

¹ J.Olejniczak. Brudne majtki. Fa-art, 1996, №3 (25) б с.68.

смысла «польскости». Игра, рассчитанная на отстранение, местами пародирующая и эпатирующая.

Мышление в категориях «правда» «вымысел», характерное для молодой прозы начала 90-х (на этой оппозиции, собственно, и строится традиционная фабула), дает здесь интересный поворот: это одновременно и возвращение к романтической польской оппозиции «правда-ложь». И эта проблематика-возможно, независимо от установки автора – оказывается содержанием рефлексии и принципом интерпретации текста, то есть своеобразным выходом из хаоса.

Не значит ли это, что «отсрочкой адекватной реакции» кончается и начинается (или все-таки продолжается?) нормальное существование литературы, требующее зрелости и художественной оправданности даже в стилистических играх?

Еще один пример: сшитый из литературных аллюзий - «Терминал» более молодого Марека Беньчика оказывается одновременно прекрасной и очень искренней книгой о любви-чувстве, переживание которого само по себе есть выход из хаоса, и требует зрелости и видения другого человека, другого сознания.

По словам литературного критика К.Униловского, этот роман свидетельствует об изменениях в эстетике в сторону построения постмодернизма «с человеческим лицом». И если в массовом сознании постмодернизм ассоциируется со своего рода нигилизмом, то «человеческое лицо» связано с пробуждающейся вновь (а скорее всего, никогда не уходившей из жизни) потребностью в живых чувствах и вечных ценностях как опорах бытия. Какие ценности и какие чувства в качестве опор выберет литература, зависит от каждого конкретного писательского опыта.

Для Беньчика это потребность в коммуникации, в диалоге с другим. И это очень симптоматичный штрих.

Марек Беньчик (род. в 1956 г. в Варшаве) - писатель, историк, переводчик с французского языка, эссеист и эколог.

Изучал романистику в Варшавском Университете. Работает в Институте Литературных Исследований Польской Академии Наук, ученый литературовед, является сотрудником французского журнала “Latelier du roman”. Исследователь польской романтической литературы и современной французской филологии является членом Международной Федерации Вина, Спирта и Писателей (F.I.J.E.V.) сотрудничает с краковским Collegium Vini (Коллегиум Вина). Им опубликован цикл фельетонов на тему вина в журналах “Magazin”, “Gazeta Wyborcza”, “Przekroj”, “Forbes”, “Magazyn Wino”, “Kuchnia”. Вместе с Войцехом Боньковским он создал первый польский экологический путеводитель «Вина Европы».

В создании «Ханемана» Стефана Хвина и «Вайзера Давида» Павела Хюлле –польских бестселлеров рубежа веков – немало черт, связанных с поэтикой постмодернизма. Но главным здесь как раз оказывается «потерянное» постмодернистами означаемое -реальная жизнь с ее запахами, красками, реалиями, фактами, живыми людьми, глубокими, невыдуманными, не высосанными из пальца трагедиями и переживаниями, остающимися, несмотря ни на что критериями.

Стефан Хвин (р. 11 апреля 1949 в городе Гданьске) – польский писатель, литературный критик, эссеист, историк литературы, график, человек связанный с Гданьском, доктор наук, профессор Филолого-Исторического факультета Гданьского Университета.

Преподает в Гданьском Университете. Дебютировал в литературе под псевдонимом Max Lars. Свои статьи публикует в зарубежных журналах: немецких, шведских, англоязычных, а также в польской прессе.

Будучи ученым - филологом занимается эпохой романтизма и романтическими инспирациями в современной польской литературе (среди них Витольд Гомбрович).

В своих романах часто обращается к философии Фридриха Ницше. Самый популярный его роман «Ханеман» (1995),

переведенный также на английский и немецкий языки, награжден в 1997 году *Paszportem "Polityki"*. В книге повествуется об освобожденном городе Гданьске, оставленном сразу после войны немецкими жителями и занятом репатриантами с Востока. Стефан Хвин член Польского Союза Писателей. В 1996-2003 годах лауреат награды Нике. Стефан Хвин один из популярных писателей рубежа веков. За критические статьи, созданные из опыта педагогической работы в Университете, собранные в сборнике «Без авторитета» (написаны в соавторстве со Станиславом Рошко) писатель был награжден одной из самых серьезных литературных премий – премией имени Костельских, он лауреат премии Пен Клуба, а также престижной немецкой награды имени Андреаса Грипиуса. Популярность среди читателей и признание литературной критики пришло к нему в 1995 году, после издания повести «Ханеман», дебютировал же писатель в 1984 году, первые две повести Хвина, изданные под псевдонимом Маха Ларса – были адресованы молодому читателю. Это были фантастико-приключенческие повести: «Люди-скорпионны», «Приключения Йоахима Эль Торо на острове архипелага Сан Хуан де ля Круз», а также «Человек-буква».

В приключениях Александра Умвельта, героя вышеотмеченного произведения, во время специальной акции в горах Санта Круз, автор сознательно использовал и наследовал традиции приключенческой литературы XIX века. Немаловажное значение в жизни и творчестве писателя имеет Гданьск – место рождения, жительства, работы писателя, но прежде всего это город, являющийся фоном почти всех его романов, этот город-Гданьск становится главным героем всего его творчества. В 1991 году было опубликовано его произведение «Короткая история некой шутки» содержащее восхищение Гданьском, который выделяется переплетением контактов польско-немецких, соседством католической и протестантской религии.

История города, начиная с 30-х годов и за весь период войны, а также годы после окончания войны представлены в повести «Ханеман». Одноименный герой книги, его судьба являются основой экзистенциальных исследований.

Страдающего после смерти любимой, Ханемана читатель застает в состоянии маразма и меланхолии.

Переплетение судеб Ханемана с судьбой случайно найденного на улице немого мальчика Адама способствует последующему приобретению главным героем радостей жизни. Хвин необычайно убедительно втягивает читателей в ритм повествования, увеличивая недосказанность, разлад, сомнение, мастерски использует-как отмечает критик Пшемислав Чаплинский, - «схему криминальной повести».

Романы Хвина – в особенности «Ханеман» и «Эстер» притягивают внимание богатством «мира вещи», описание которого является для автора подтверждением, с одной стороны, хрупкости одиночества жизни в одиночестве, но с другой – продолжения поколений, которых сопровождают переходящие из рук в руки вещи.

В обеих повестях важными категориями являются память, а также вязание, тkanie повествования. Чтение произведений Хвина их восприятие, на первый взгляд, не представляет особых трудностей, однако в них стоит поискать скрытые намёки, переключки, с другими писателями, философами (среди них Достоевский, Ницше, Виткевич).

Хвина часто определяют как писателя, автора современного бытового романа. Однако, такое определение может быть ошибочным. Так, создавая «Золотого пеликана или повести о том, как уважаемый лектор (преподаватель) превратился в нищего», (2003) Хвин стремился, скорее всего, к созданию притчи, моралитета, сказки с моралью.

В последнем нашумевшем романе «Жена президента» (2005), сотканного из множества скандалов последних лет, также не является важным то, что на «поверхности» повество-

вания. Хвин здесь продолжает оставаться писателем, тоскующим о моральном положении человека, и при этом автор переполнен пессимизма. О своих стремлениях, писатель высказался в одном из своих интервью: «Хотел бы создать просветленный сквозь призму неистовства портрет современного разума, присмотреться к фобиям, страхам в которых мы не любим себе признаваться».

Павел Хюлле – земляк Стефана Хвина также родился в Гданьске 10 сентября 1957 года – известный современный польский писатель. Хюлле выпускник факультета польской литературы Гданьского Университета, был лектором философии Гданьской Медицинской Академии. Будучи гданьчанином от рождения, он большую часть своего творчества посвящает родному городу и проблемам с ним связанным. В 80-е годы Павел Хюлле был связан с польской конспирацией. В 1994-1999 годах – работал Директором Гданьского Телевизионного Центра. Известность в стране и за границей приносит писателю роман «Вейсер Давидек» (1987 г.), о котором шла речь выше. Роман был экранизирован в 2000 году режиссером Войчехом Марчевским.

Хюлле лауреат многих престижных наград. В 1997 ему была вручена литературная премия Nike.

Павел Хюлле лауреат Paszporta «Polityki».

Павел Хюлле принципиальный и искренний не только в своем творчестве, но и в жизни. Подтверждает это событие, нашумевшее по всей Польше.

12 сентября 2005 года в Окружном суде Гданьска был проигран процесс, продолжавшийся 8 месяцев – процесс о нанесении морального ущерба, который был предъявлен писателю ксендзом, прелатом Хенриком Янковским.

По мнению духовного П.Хюлле нанес ему моральный ущерб, утверждая, что прелат разговаривает как «генсек, а не как каплан» и свой «польский паспорт ему следовало бы поменять на немецкий, российский или иракский». Суд потребовал

у писателя возмещения убытка за свой счет, что было опубликовано в “Rzeczpospolitej” в публикации следующего содержания: «В связи с помещенной 22 мая 2004 года статьей моего авторства под названием «Понять дьявола», касающейся личности и деятельности ксендза Хенрика Янковского приходского священник костела Святой Бригиты в Гданьске, желаю принести свои извинения ксендзу Хенрику Янковскому за использованные мной выражения, оскорбляющие его личность».

Писатель отказался от извинений и выиграл апелляцию. Решением суда он не должен был ни просить у Ксендза прощения и не возмещать ущерб в виде оплаты деньгами в католическую харитативную организацию Caritas. Суд возложил возмещение убытков на ксендза Хенрика Янковского. Он должен был также выплатить Павелу Хюлле 1000 злотых за расходы, которые писатель понес в связи с процессом.

Павел Хюлле, его личность-это одно из самых нашумевших, наиболее популярных имен в польской литературе последних лет. Как нами было отмечено выше истинную популярность принес ему роман «Вейсер Давидек». Свои первые прозаические произведения Павел Хюлле опубликовал на страницах журнала “Tworczosc” и “Tygodnik Kulturalny”.

Несмотря на то, что его стихией является проза, однако в его литературном наследии можно обнаружить и поэтический сборник (“Wiersze”), радиопостановку под названием “Chagall”, пьесу для театра «Кто говорит об ожидании», а также монодраму «Под дубами».

Павел Хюлле – писатель, творчество которого, отмечено многочисленными премиями: наградой журнала “Literatura”, Фонда им. Кошчельских, Pen-Clubа, Премии им. Грифиуса, Paszporta “Polityki”.

Книга Павела Хюлле «Вейзер Давидек» до сегодняшнего дня является самым большим событием в его литературной работе, т.к. признана научной общественностью самым серьезным и важным дебютом рубежа веков. Книга повествует об ис-

тории таинственного исчезновения тринадцатилетнего мальчика, еврейской национальности по имени Вейсер. Роман необычайно сложен, читателю рекомендуется неоднократное его прочтение, интерпретация. Во-первых, этот роман повествует о возвращении в мир детства, которое имеет огромное значение для автора. В одном из своих интервью он сам признавался в этом: «Каждый художник, затронут каким-то фрагментом детства. (...) детство – это великолепный момент магической эпохи, он очень интересен, когда мы становимся взрослыми, мы многое утрачиваем, теряем».

Возвращение зрелого рассказчика в эпоху детства это, одновременно попытка стремления к загадке, контакта с интригующей личностью пропавшего мальчика, который приручал животных, проводил пиротехнические эксперименты.

Именно Вейсеру группа его ровесников благодарна не только за ощущение зрелости, но и за соприкосновение с чем-то, таким, что ускользывает от разумного суждения.

В другом измерении, «Вейсер Давидек» можно считать политической повестью, этому способствует мелкая откровенная реконструкция действительности послевоенного Гданьска.

Книга, безусловно, обращает на себя внимание своей неоднозначностью, слиянием значения метафизического и политического, между сенсационным сюжетом и параболой. Значение повести переоценить невозможно: она экранизирована в 2001 году. На основе романа Войцех Марчевский снял фильм под названием «Вейсер», благодаря этому роману в последующие книги Хюлле вошло несколько важных серьезных категорий, таких как: тайна, время созревания, а также Гданьск. Как утверждает Пшемислав Чаплинский «Рассказы на прощание» (1991) вновь повествуют о том, чего нельзя объяснить – о метафизическом контакте, связи с Прошлым и Богом.

Следующая книга «Первая любовь» и другие рассказы (1996) – это связь ностальгического настроения с насмешкой, по-

степенное отдаление от наблюдения за подрастающим ребенком в сторону глубокого суждения современности.

Следует остановиться на литературных мэтрах Павла Хюлле. В его творчестве литературная критика наблюдает рецепции с творчеством Бруно Шульца, Гюнтера Грасса, Федора Достоевского или Бохумила Храбала, стиль последнего очевиден в лихой, бравурно написанной книге “Mercedes-Benz” (2001). Литература является для него орудием создания образа – его последняя повесть “Castrop”, (2004) – это попытка преобразования Гданьска, приехавшим сюда на год, главным героем повести Томаса Манна «Волшебная игра» Хансом Кастропом. Подход к литературным традициям предлагаемый П.Хюлле, разновидность творческого диалога, позволяет писателю избежать звания эпигона. Павел Хюлле так высказывается о своей профессии: «Писание – это искусство рассказывания историй» и, следует признать, что в развитии повествования писатель является истинным мастером. Он втягивает читателя в созданный мир и обольщает стилем.

Если проследить тематику польской прозы рубежа веков то можно заметить, в ней, в основном, интерес к отражению новой реальности значительно меньший по сравнению с предыдущими периодами. Реальность становится объектом пародирования для постмодернизма: структура постмодернистского романа, на первый взгляд, воспринимается как отрицание причинно-следственных связей, линейности повествования, психологической детерминированности поведения персонажей. Но в любой исторической ситуации писатель оперирует собственным – данным ему временем – чувственным опытом, способностью и потребностью найти для своего переживания жизни адекватный художественный язык.

Интерес к реалиям и конфликтам повседневности, сложность и новизна которой требуют по-прежнему эстетического осмысления и адекватного языка, сохраняет, так называемая, «тривиальная» (то есть массовая) литература с ее явной или под-

спудной установкой на развлекательность. Она частично берет на себя задачи предварительного и довольно торопливого отслеживания происходящих изменений «в измерениях самой жизни». И в своих облегченных формах все же выполняет задачу коммуникации, говоря с читателем на уровне его ожиданий.

Массовая проза нередко подсказывает методы управления читателем. Этот процесс неразрывно связан с постмодернистской переориентацией эстетических установок, стремлением стереть грань между «высокой» и «низкой» литературой (последняя может служить источником сюжетных схем, моделей построения героя и действия, а, главное, гарантией привлекательности для читателя). Можно сказать, что происходит своего рода «облегчение» серьезной литературы и в отдельных случаях, – повышения уровня литературы массовой. Следует отметить, что в 90-е годы в Польше несколько снизился «порог издаваемости» слились в единый поток различные, ранее оппозиционные друг другу сферы литературного процесса. Нередко за литературу высокохудожественную выдаются и рассматриваются серьезной критикой тексты, профессионально написанные, отличающиеся привлекательной тематикой, способные заинтересовать довольно широкие читательские круги, но от начала до конца вторичные, другими словами, - неплохое, но все, же именно чтиво («Тем летом в Завротье» Ханны Ковалевской, «Мойра» Кристиана Скшипошека, романы Витольда Хорвата и др.).

Польский писатель рубежа веков обращается также к модели детективного или любовного романа во многом потому, что подобные жанры гарантируют эмоциональный контакт с читателем – через стереотип или его преодоление, но всегда с опорой на литературную традицию. Заданная оформленность, сюжетная предсказуемость легче поддаются пародированию и парافразу: своего рода жанровый «генетический код» позволяет читателю предвидеть ход событий, а писателю – играть с ожиданиями читателя. И дебюты молодых, и произведения писателей старших

поколений явно опирались в 90-е годы на аллюзии с моделями популярной прозы: детектива («Чтиво» Т.Конвицкого, «Вайсер Давидек» П.Хюлле, «Ханеман» С.Хвина, «Мадам», 1998, Антония Либеры, «Горячее дыхание пустыни», 1997, Густава Херлинга Грудзиньского), приключенческого романа («Путешествие людей Книги» О.Токарчук, «Белый ворон» А.Стасюка, проза Тадеуша Зубиньского), триллера («Сестра», 1996, Малгожаты Сарамонович), парapsихологического повествования («Э.Э.» Ольги Токарчук) и так далее.

Возрождение фабулы в польской прозе конца XX начала XXI веков происходит на фоне ощущения ее недостаточности для полноценного контакта с читателем.

Интрига возвращается в роман в поэтике пастиша, а пастиш-как открытое жанровое подражание-пробуждает ожидание «чего-то еще». Оно заставляет писателя включать в текст своего рода «жанровые дополнения» в форме размышлений и отступлений. Эта проблема постмодернистской «маски автора», связанная с обострившейся необходимостью заинтересовать читателя, также характерна для «новой польской прозы».

Однако важно то, что литература заново открывает значение рассказывания историй – в том числе и о других людях.

В этом контексте очень показательна книга А.Стасюка «Стены Хеврона»(1992), повествователь которой верит, прежде всего, в человеческую потребность рассказывать и слушать.

Отучась рассказывать истории, литература отучается видеть другого человека, а значит со - чувствовать и со- переживать. Навязывая читателю сумму приемов самоанализа, такая проза не дает ему языка видения другого. Результатом такого гипериндивидуализма – оказывается сужение чувственного опыта и – как парадокс – депсихологизация (при неизбежном и чрезмерном углублении в себя или умозрительных играх с элементами сознания и внутренней жизни).

Проверенный и вечный прием рассказывания истории, введения вымышленного героя, предполагает определенную структурированность изображаемого мира - а это свидетельствует о возрождении потребности в упорядочении хаоса. Здесь же таится возможность понять отдельную человеческую судьбу и передать читателю свою личную правду о мире. Другими словами, фабула органически связана с целями и задачами литературы.

Среди вымышленных героев молодой польской прозы, как уже отмечалось, немало фигур аутсайдеров, героев незрелых и любой ценой эту свою возможность защищающих. Свойственная этим героям, «недорисованность», возможно, следствие незрелости чувственного опыта авторов, известной доли цинизма и размытости критериев, априори усвоенного взгляда на современную жизнь и свое отношение к ней, ощущения бессмысленности личного воздействия на хаос, каким воспринимается бытие. Читателю же во все времена необходимо литературное «зеркало» повседневных проблем, возникающих у обыкновенных людей, проживающих свои единственные жизни со всеми существующими и всегда остающимися в ней человеческими задачами. Человек нуждается в языке, помогающем отдельному существованию создать в неустойчивом мире свой порядок, свои «участки необратимости». Как показывает опыт польской прозы рубежа веков для этого вовсе не обязателен тон дешевой иронии или эпатажа. Так же очевидно, что нельзя снобистски высокомерно перекладывать эту задачу на одну лишь массовую литературу.

Преобладание в 90-е годы ностальгической интонации (в прозе, принадлежащей перу писателей самых разных поколений - В.Мысливского, А.Загаевского, Ю.Корнхаузера, К.Орлоя, Я.Андермана, А.Юревича, А.Стасюка, Е.Пильха, С.Хвина, К.Варги, И.Филиппяк, П.Хюлле и многих других) также свидетельствует об этой тенденции.

Хотелось бы остановить внимание на творчестве одного из перечисленных выше писателей – Ежи Пильха (род. 10 августа 1952 года на Висле) также и публициста, драматурга киносценариста. Ежи Пильх – один из наиболее популярных современных польских писателей.

Ежи Пильх-выпускник факультета польской филологии Ягеллонского Университета. До 1999 года был членом редколлегии журнала “Tygodnik Powszechny”, затем сотрудничал с журналом “Hustler”, “Politika”, где до 2006 года был постоянным автором фельетонов. В настоящее время сотрудничает с журналом “Dziennik”.

В 1989 году Ежи Пильх был награжден премией им. Кошчельских, за книгу «Признания создателя тайной эротической литературы», в мае 1998 книга «Тысяча спокойных городов» была отмечена как Краковская книга месяца.

В 2001 году Ежи Пильх был награжден престижной премией Nike за роман «Под могучим Ангелом».

В 2006 году в издательстве “Swiat Ksiazki” был издан сборник его рассказов «Мое первое самоубийство и девять других рассказов», который был признан критиками самым зрелым произведением автора. Ежи Пильх один из самых ярких болельщиков Cracovii (польской футбольной команды), что много раз подчеркивал в своей прозе и фельетонах.

Фельетоны Ежи Пильха собраны в книге «Отчаяние по поводу потерянной телеги», а также «Падение человека у Центрального Железнодорожного Вокзала». Публикация произведений Пильха на страницах популярных и серьезных журналов сделала писателя одним из значительных лиц польской литературной жизни.

Его творчество признано множеством читателей и литературной критикой.

Прозу Ежи Пильха отличает описание во многих его книгах околлиц Шлёнска Чешыньского, Вислы, живущих на этих территориях евангелистов – по мнению критика Пше-

мыслава Чаплинского – это группа людей погруженных в стагнацию, живущих прошлым, несовременная, неподдающаяся переменам.

Отличительной чертой творчества Пильха является однако, прежде всего, неповторимый стиль. Он создается смесью сарказма, иронии, насмешки, ностальгии, языка переполненного средствами поэтической выразительности, возвышенного, библейского стиля и фарса. Независимо от представленных фабул Пильх остается мастером стиля. Исследователи охотно говорят о нем как о «совершенном», писателе, «мастере высшей категории», «мастере филигранного слова», «опытном стилисте». Носящий романтическое имя главный герой одной из его книг «Список прелюбодеек» – Густав, представитель интеллигенции, является примером человека, способ мышления которого опирается на стереотипные политические соображения прошлого страны. Приключения Густава- гида одного иностранца, пребывающего в Краков, позволяют автору успешно, с присущий ему издевкой и гротеском, высмеять возвышенный язык главного героя.

В свою очередь, книгой «Под могучим Ангелом» Пильх вошел в течение пьяной повести. Это проза притягивает внимание стилем, бормотанием алкоголика, а также невротическими пьяными видениями, которые, открывают истинную драму «одиночество главного героя –Юруща. Автобиографические указатели, присутствующие в книге, позволяют видеть в ней, помимо «трактата о питье» также «трактат о писании». Такой способ интерпретации повести – по мнению критика Марка Залесского – приводит к синонимической трактовке глаголов «пить» и «писать». Сюжет повести о пьянице Юруще является спасением от питья. Такую же роль здесь играет и повествование любовное, т.к. представленная Ежи Пильхом история имеет счастливый финал, который заключается в торжестве веры в исцеляющую силу чувства. Наряду с доминирующими направлениями – прозой и фелье-

тоном – в творчестве Пильха находит место сценарий для фильмов (среди них к фильму «Список прелюбодеек», режиссер Ежи Стухр), а так же пьеса, названная «Лыжи Святого Отца», фельетоны и фрагменты прозы, тематика которых отражает большую страсть Ежи Пильха к футболу.

В книге «Тезисы о глупости, питье и умирании» писатель пишет: «Я дотронулся до мяча желтого как бразильский пляж и почувствовал, что меня охватывает огромное преобразование. Я уже не был тем разиней в очках в моих родных краях.

Как было нами отмечено выше, практически весь массив новой польской прозы проявляет значительный интерес к вещному миру- вещи как теме, проблеме, художественной задаче. Представленные авторами предметы выразительны и индивидуальны даже более чем его владельцы: немецкий стол у Хюлле, швейная машинка у Юревича, кофемолка у Токарчук.

Представленные в польской прозе вещи всегда единственны и обладают, подобно человеку, своей собственной уникальной биографией. Вещь часто становится центром повествования, заставляя писателя искать все новые и новые стилистические явления. Первым ярким примером этой тенденции в новой польской прозе стала «Короткая история одной шутки» Стефана Хвина с отдельными главами и их фрагментами, посвященными вещам, найденным семьей Хвинов в новом доме в Гданьске.

Затем появилась «Лида» Александра Юревича, «Рассказы на время переезда», Павла Хюлле, рассказы Влодзимежа Ковалевского «Возвращение в Брайтенхайде» и, наконец, уже упоминавшийся роман «Ханеман».

К этому можно добавить также прозу Е.Пильха, К.Варги, А.Стасюка, О.Токарчук и других, представителей молодой польской прозы.

Несколько слов о Кшиштофе Варга (род. в 1968 в Варшаве)-польский писатель и журналист. Выпускник факультета полонистики Варшавского Университета. Редактор отдела Культуры «Gazety Wyborczej». Дебют писателя - это книга «Пьяный ангел на уличном перекрестке». Совместно с Павлом Дунин-Вонсовичем составил сборник-словарь новейшей польской литературы. «Парнас bis. Польская литература, рожденная после 1960 года» (1995), вместе с Павлом Дуниным-Вонсовичем и Ярославом Клейнацким опубликовал антологию новейших стихов «Имеете своих поэтов» (1996). К числу его произведений относятся «Хлопцы не плачут» (1996), «Bildingsroman» (1997), «Смертность» (1998), «45 идей о повести» (Награда Фонда Культуры) (1998), «Tenguila» (2001) (Награда Nike 2002), «Karolina» (2002), «Надгробье из lastyko» (2007).

Вещь не является открытием польской прозы последнего десятилетия XX века; новации можно увидеть не столько в структуре приемов, сколько в их мировоззренческом углублении. Вещь становится весьма «разговорчивой», а ее язык и возможность его понимания человеком превращается в особый сюжет. По Хвину вещь есть «зеркало, в котором отражается тайна прожитого»: «..... вещи оставались собой и не собой, лишь смена ракурса меняла их до неузнаваемости. Но чем они были на самом деле?.. Быть может, их рисунок был неверно прочитан и дело обстояло совершенно по-другому, но я никогда об этом не узнаю? («Короткая история одной шутки»). По Феньчику, это немые повествователи: «Если бы вещи стали на сторону повествования....., можно было бы узнать кое-что у брезентового тента в грузовике «зауер», у приклада автомата и выбитого зуба в углу зала ожидания на вокзале, у зарешенного окошка в вагоне, у нар в бараке и соломинки, от которой колет сердце» («Творки», 1999).

Для Пильха голос предмета звучит отчетливо и исчерпывающе: «Вещи говорят. Вещи говорят о людях. Вещи говорят о жизни. Вещи говорят о жизни сознательной и подсознатель-

ной» («Тезисы о глупости, питье и умирании», 1997). Голос вещей слышен, когда человек соотносит его с самим собой, когда видит в нем выражение человеческой жизни - внешней и внутренней. Вещь, таким образом, повествует о человеке, частью существования и сознания которого она сама является.

Этот поток повседневных предметов – окружающих каждого человека, мелочей-то перемещается вместе с людьми, перегоняемыми ХХI веком с места на место, то словно бы замедляет бег истории и времени, а заодно и само повествование. Польская проза 90-х годов, по выражению одного из молодых критиков, «занимается археологией», трактуя вещь как многозначное и многослойное явление. Так, например, пейджер, компьютер, автомобиль у Кшиштофа Варги символизирует широко понятую современность (и, таким образом заменяет ощущение «историчности»), но, в гораздо большей степени, означает взрослость, карьеру, запутанность нашего современника в паутине вещей. Обилие предметов, наделяемых символическим значением, и распространенность в прозе этого периода «мотива вещи» в целом, возможно связано с попыткой соотнести меняющиеся предметные очертания жизни конца ХХ века и ее постоянно ускользающие от человека, но по самой его природе необходимые во все времена ценности, стремлением найти точки их соприкосновения. Повествователь ищет в вещи следы биографии его владельца. Предмет, таким образом, становится частью человека - не истории вообще, но «личной истории (А.Юревич) героя»: «Еще долгие годы дедушка хранил под подушкой узелок с белорусской землей. Порой он вынимал его и держа в руках, словно Псалтырь, произносил «вечернюю молитву»- («Господь Бог глухих не слышит» А.Юревича) «Каждая мелочь, латунные бокалы, подпорки для книг, украшенные надписями на иврите, позолоченная вазочка и засушенные цветы, изысканная старомодная лампа напоминают о жизни, которую я бросила» («Синий зверинец» И. Филипьяк).

То есть вещь является здесь, прежде всего фрагментом прошлого, в своей неперменной, в конечном счете, случайности обладающей для человека исключительной ценностью.

Характерно, что именно вещь взяла на себя в 90-е годы роль, которую ранее играл в польской прозе пейзаж. Предметный мир белорусской Лиды, довоенного Вильно, Львова или Варшавы заменяют традиционные географические реалии. В этом смысле произведения Юревича, Хвина, Белецкой, Филиппак могут быть названы не столько даже прозой «малой родины», сколько прозой «родины переносной» - переносимой в новое пространство и время с такой же легкостью, как это происходит с вещами, странствующими вместе со своими владельцами – изгнанниками, эмигрантами или беженцами. Вещь здесь используется не только в прустовской традиции - воссоздание когда-то испытанных ощущений, - но и помогает преодолеть чуждость дня сегодняшнего.

Такого рода обращение к прошлому - черта, характерная для польской прозы последних лет целом. Как и мотив инициации, ностальгический и «вещный» мотив оказались своеобразным «пропуском в литературу». Это проверенный, понятный и очень действенный путь к себе, к адекватному самоощущению и самооценке в масштабах жизни и истории. Популярность такого рода литературы говорит о тоске по постоянству мира, где добро есть добро, зло есть зло и даже страдание не бессмысленно. «Ностальгической» прозе всегда грозит опасность превращения описываемого пространства в «музей», подмены истинного воспоминания стилизацией. Упомянутая выше «мода» рубежа веков добавила к этим опасностям еще и конъюнктурность. Вещь в этом контексте служит возрождению интереса к изобразительным возможностям слова – в какой – то мере возможности ощутить то «слово о дереве» (а не «слово о тексте»), а нехватке которого писал Чеслав Милош. Интересно, что возвращение к точке, с которой начался резкий отказ от опыта «отцов» отрицание теперь уже собственного негативиз-

ма сопровождается в новой польской прозе, углублением психологизма.

В последние годы основным стимулятором оживления молодой польской лирики была отмеченная выше группа «bruLion» (черНОВик). Этот журнал представлял собой не только издающийся нерегулярно альманах, но также и издательство, и фонд благотворительности, а также собственную программу на телевидении и постоянное присутствие в сети интернета. Группа сформировалась в начале 90-х и сразу же сосредоточила на себе внимание mass media, а также критики, готовой к поиску молодых талантов. Ничего удивительного нет в том, что «bruLion» собрал вокруг себя творческие силы-личности скандальные с интересными, необычными биографиями. Их деятельность шокировала культурную Варшаву: они требовали публичного телесного наказания журналистов, подверженных коммунистическому режиму. Несмотря на то, что значительная часть представителей литературной среды не последовала за «bruLion» овцами, вскоре они завоевали мощную позицию на родном Паранасе: посыпались награды и почетные звания. Однако группа «bruLion» овец была не такой сплоченной, как созданная на две декады раньше литературная группа. «Nowa Fala» («Новая волна»). Расставания и диссонансы были делом времени. Так, Мануэла Гретковска покинув ряды «bruLion» овец выбрала карьеру скандальной писательницы и редактора женского журнала.

Мануэла Гретковска (род. 6 октября 1964 г. в Лодзи) – писательница, киносценарист, фельетонист, общественный деятель, основатель польской Партии Женщин. Мануэла Гретковска выпускница философского факультета Ягеллонского Университета в Кракове.

Именно здесь началось ее сотрудничество с изданием «bruLion». В 1988 году писательница выехала во Францию, где окончила факультет антропологии в Ecole des hautes études en sciences sociales. В начале 90-х годов Мануэла Гретковска вер-

нулась в Польшу. Была заместителем редактора журнала “Elle”, позже литературным директором этого же журнала.

М.Гретковска сотрудничала с журналами «Cosmopolitan» «Wprost», «Politka», «Machiny», «Cogito». М. Гретковска дебютировала в литературе романом «*My zdies emigranty*» (1991), в котором иронически описывала поколение молодых людей выезжающих из Польши. Творчество писательницы получило доброжелательную оценку Чеслава Милоша, высказывание которого о прозе М. Гретковской было напечатано в издании первого ее романа. Следующие три книги писательницы посвящены описанию жизни, пребывающей во Франции современной художественного-интеллектуальной богемы: “*Tarot*” парижский (1993), «*Метафизическое кабаре*» (1994) а также «*Учебник для людей. Том первый и последний: череп*» (1996) соединяет в себе восхищение гаданием, образом Марии Магдалены и мотивом черепа в мировой культуре. Именно в это время писательница снискала репутацию, «скандалистки» и «постмодернистки». Проза М.Гретковской избегает патетического языка, ей близок легкий и язвительный язык. В 1996 году М. Гретковска написала сценарий к фильму Анджея Жулавского «*Szamanka*». В 1997 писательница году выехала в Швецию, ее рассказы были собраны в книге «*Страстный человек*» (1998), впечатления от зарубежных поездок нашли свое отражение в книге «*Мировидение*» (1998), были опубликованы также фельетоны под общим названием «*Silikon*» (2000). Она является автором сценария нравственного сериала «*Городок*» (2000). Новейшая проза М.Гретковской склоняется к личным повествованиям, несколько интимного характера. Так, произведение «*Полька*» (2001) является дневником беременной писательницы, а “*Европейка*” (2004) создает юмористический образ изменяющейся Польши, наблюдаемой глазами Гретковской – образ интеллектуалистки. В 2003 году М.Гретковска вместе с мужем-писателем Петром Петухой написала «*Сцены послебрачной жизни*» спустя три года ею был написан недоброжелатель-

ный, критический фельетон для журнала «Sukces» посвященный братьям Качинским. Журнал попадал в киоски с вырезанным текстом писательницы. В 2007 году в свет вышли еще два романа писательницы «Женщина и мужчина» и «На дне неба».

В настоящее время М.Гретковска живет под Варшавой в Установе вместе с дочерью Полей и мужем психотерапевтом и писателем, Петром Петухой.

Интерес представляет деятельность М.Гретковской в созданной ею Партии Женщин, возникшей на основе общественного движения «Польша-это женщина».

М.Гретковска рассчитывала на получение мандатов в польском и европейском парламенте. В октябре 2007 года после парламентских выборов, она сняла с себя полномочия председателя партии. 19 апреля 2008 года в Варшаве состоялся I Общепольский съезд Партии Женщин.

В числе представителей молодой польской литературы следует отметить также деятельность талантливого польского поэта Кшиштофа Кёлера - одного из учредителей издающегося с начала 80-х годов, поначалу подпольно, литературного журнала «bruLion» (черНОВик), название которого дало имя целой формации тогдашних дебютантов. Кшиштоф Кёлер один из немногих сегодня поэтов, последовательно обращающихся к старопольской поэзии, а конкретно к ее «сарматской» традиции.

Автор недавно изданной антологии «Слушай меня, Савромат», он пишет во вступлении: «Сарматская культура, вероятно, кончилась вместе со свободой первой речи Посполитой. Поэтому сегодня она может иметь для нас какое-то значение как наследие, о котором стоит напомнить и постараться честно его понять. Вот только хватит ли нам терпения смиренно выслушать голос, неутомимо звучащий с пожелтевших страниц рукописи и старопечатных книг? Это для нас своего рода весть из Атлантиды, страны, которая когда-то была прекрасна и могущественна, а теперь стала мифом»¹.

---

¹ Лешек Шаруга. Голос из Атлантиды. «Новая Польша», №3, 2008, с.43.

Кёлер стремится оживить этот миф и сделать его главной точкой отсчета современности- чтобы в очередной раз пробудить польский «сон о свободе»- свободе давно отзвучавшей, но все ещё вдохновляющей.

«Я только образ. Твой покорный слуга

Проявись сила

Я удила твои,

Предназначение

Тебе исполниться»¹.

Эта линия поэтической традиции, вопреки видимости, довольно сильна: достаточно упомянуть (на уровне идей) с одной стороны, таких авторов, как Гайцы или Тшебинский, связанных во время оккупации с подпольным журналом "Sztuka i państwo" («Искусство и нация»), а с другой (на формальном уровне)- по – прежнему живое течение лирики, обращенной к традиции барокко, взять хотя бы произведения Ярослава Марека Рымкевича или, из более молодых, Эугениуша Ткачишина - Дыцкого. Кёлер - подчеркивая в своей публицистике связь с западно -христианской моделью культуры- сочетает идейные и формальные элементы этой традиции, что кстати, выражено не только в поэзии, но и в его научных работах (он профессор Ягеллонского Университета), а также же и в его фильмах (он был соавтором документальных картин «Сарматия, то есть Польша», «Адам Мицкевич» и «У вас есть свой поэт»-фильма, посвященного мастеру барочной лирики Миколаю Семп-Шажинскому). Для творчества Кшиштофа Кёлера особенно характерны два понятия: «Сила и Мощь». Сила-это способность властвовать, обладать миром, умение проявить отношение к нему. Мощь-это эманация религиозно понимаемого абсолюта, благодаря которой поэзия становится уроком неопровержимых истин.

В 2003 году выходит в свет новая книга Кшиштофа Кёлера «Третья часть» - в которой объектом внимания становится,

---

¹ Там же, с.43.

прежде всего, язык, его «неопределимость» и непредсказуемость.

Среди «bruLion» овцев, в настоящее время есть такие поэты и писатели которые замолкли, без громких скандалов. Сегодня работают на литературном поприще Марчин Баран, Марчин Сендеcki, Якуб Экер, а также сам Кшиштоф Кёлер.

Наиболее театральный успех выпал на долю Марчина Светлицкого – поэта, редактора телевизионной программы и рок-музыки (он основатель группы “Swietliki”). Поражающая свежестью поэтического дыхания, шокирующая, не подверженная сомнению ни одним из многочисленных критиков, лирика Светлицкого великолепно соответствует вкусу читателей, которые все еще до него не нашли «своего» поэта.

Следует остановить внимание на творчестве еще нескольких польских писателей «молодой» польской прозы.

Войчех Кутшок (р. 13 окт. 1972 г. В Хожове) прозаик, поэт, сценарист, кинокритик. Выпускник III общеобразовательного Лицея им. Стефана Баторега в Хожове. Окончил Шленский Университет. Сотрудник журналов “Tygodnik Powszechny”, «Res Publici Nowej», «Kino», является докторантом филологии в Ягеллонском Университете.

В 90-е годы был членом поэтической группы «Na Dziko». Автор повести «Навоз», за которую в 2003 году получил награду Paszport Polityki, литературную награду Nike в 2004 году, а также премию Краковская Книга Месяца (март 2004, в это время писатель жил Кракове). Войчех Кутшок является автором сценария к фильму Магдалены Пекош «Полосы», который в 2004 году получил главную премию на кинофестивале в Гдыне. Войчех Кутшок болельщик футбольной команды Ruch Chorzow, а также спелеолог, открывший (вместе сыном) пещеру Dujasa в Бескидах Шленских.

Войчех Кутшок является также автором следующих повестей «Призрачный круг» (2004), «Избранные повести» (2005), «Это адское кино» (2006).

Значительный интерес представляет творчество Славомира Схуты (настоящее имя Славомир Матея, родился в 1973 году в Кракове) – прозаик, фотограф и режиссер. Наиболее известен как писатель, произведения которого были опубликованы в “Rastrze”, «Lampie», «Iskrze Bozej», «bruLion»е, писатель постоянно сотрудничает с Халяртем, где руководит вкладышем издательско - провокационно - сатирического характера. Писатель является сотрудником краковского Художественного Клуба Галерея Т.А.М. Славомир вырос в Новой Гуте, поэтому он и носит псевдоним «С Гуты». Славомир Схуты, лауреат «Paszporta Polityki» в области литературы за роман «Свалка». Произведение по оценке критиков получило награду за следующие номинации: «за литературный слух, за страстность и смелость в изображении польской действительности». В 2004 году писатель был награжден премией Краковская Книга Месяца. В числе опубликованных романов Словомира Схуты: «Польский продукт» (2005), «Сахар в норме с экстрабонусом» (2005), «Движения» (2008).

Следующий польский писатель, также представитель, «молодой» прозы - Яцек-Дука. (р. 30 июля 1974 г. в Тарнове), он также автор фантастических романов, в жанре Science Fiction (научная литература), хотя некоторые его произведения можно отнести все же к жанру фантастики. Яцек Дука окончил III (общеобразовательный лицей) в Тарнове. Изучал философию в Ягеллонском Университете в Кракове. Дебют писателя – повесть «Золотая галера», опубликованная в 1990 году в журнале «Fantastyka», написанном писателем в возрасте 14 лет. Следующие его произведения издавались в литературном журнале «Fenix», а также в журнале «Nowa Fantastyka». В 1997 году издается дебютантская книга писателя «Xawras Wyzryn». Яцек Дукай дважды лауреат престижной премии им. Януша Зайдла. Эту награду писатель получил за повесть «кафедра» в 2000 году, в 2001 за повесть «Черные океаны», в 2003 за произведение «Другие песни», а также в 2004 году за повесть «Совершенное несовершенство». Анималистический фильм Томаша

Багиньского на основе произведения Дукая «Кафедра» в 2004 году был представлен к премии «Oskara».

В настоящее время Багинский работает над новым произведением Дукая «Движение генерала». Дукай трижды номинирован наградой «Paszport Polityki».

Литературная деятельность Дукая показывает себя также в публицистике и рецензиях, опубликованных в многочисленных польских журналах: «Science Fiction», “Super Fantastyka Powiesc”, “Fantom”, “Nowa Fantastyka” и т.д. Проза Дукая переведена на английский, немецкий, русский, чешский и венгерский языки 6 декабря 2007 года, после трехлетнего перерыва в литературной деятельности, вышла новая, огромная повесть Яцка Дукая - эпический труд под названием «Лед».

К числу писателей «новой» формации относится также творчество Томаша Пентека (р. 16 марта 1974 года в Прушкове) - писатель и журналист. Живет в Варшаве, в настоящее время работает в рекламном агентстве

Томаш Пентек окончил лингвистику в Миланском Университете. В 1995-1999 работал журналистом в журнале «Polityka», “La Stampa”, “Gazecie Wyborczej”.

Томаш Пентек эксперт- психолингвист. В 1997-1999 годах находился в наркотической зависимости от героина.

Дебютом писателя – был романе «Героин», основанный на личных переживаниях. Книга получила широкий резонанс, может быть также в связи с тем, что не давала ни положительных, ни отрицательных оценок данному наркотику. Книга была награждена почетной премией «Книга 2002 года», представленной Библиотекой Рачиньских в Познани, а Пентек был представлен к награде «Paszporta Polityki». Вторым романом Пентка – эта криминальная проза «Несколько ночей без дома» (2002), затем «Болото» (2004), «Случай с Юстиной» (2004), «Nionio» (2005), «Добрый Пан» (2005), «Благословенный век» (2006).

Следует отметить также трилогию Пентка «Любимые подданные Царя»: «Змеи и кроты», «Крысы и акулы», «Эльфы и люди».

К числу самых молодых представителей «новой» польской прозы относится творчество Дороты Масловской (род 3 июля 1983г. В Вейхерове). Писательница выросла в Вейхерове. Начала изучать психологию в Гданьском Университете, затем переехала в Варшаву, с целью продолжать учебу в области культуроведения. Ее первая книга «Польско-русская война под бело-красным флагом» была встречена польскими критиками Ежи Пильхом и Марчином Светлицким весьма доброжелательно. Благодаря покровительству Роберта Лещинского в программе «Идол» стала издательским бестселлером, (свыше 120 000 проданных экземпляров), наряду с этим книга вызывала также некоторые разногласия.

«Война.....» принесла Дороте Масловской награду «Paszporta Polityki» в категории литературы «за оригинальный взгляд на польскую действительность а также творческое использование народного языка». Писательница была также представлена к премии Nike. Произведение было переведено на многие европейские языки (французский – Polococtail Party, итальянский - Prendi tutto, немецкий “Schneeweib und Russenrot”, английский (США) “Snow White and Russia Red” британское название этого же перевода “White and Red”, испанский “Blanco nieve, rojo Rusia”, чешский “Cervena a bila”, венгерский – «Sengyel-ruszeki haboru a feherpiros lobogo alatt», нидерландский - “Sneeuwwit en Russisch Rood”, русский «Польско-русская война под бело-красным флагом» словацкий “Sneh a krv”, украинский – «Польско- Казанка воіна іг било червоним прапором»). В 2005 году вышла в свет другая повесть Дороты Масловской «Павлин королевы», которая вновь вызвала разногласия критики. Писательницу упрекали в «цинизме, эпатировании уродством и глупостью, наличием агрессивного языка, отсутствием общей фабулы» (газета “Wprost”), однако отмечалось, что новая повесть ничуть не хуже той старой, она ядовитая

и полна отчаяния (газета Tygodnik Powszechny). Новая повесть Масловской написана рифмованной прозой, представляет собой стилизацию песни в стиле hip-hop, в произведении писательница критикует современный польский язык. Так же как и «Война....» «Павлин королевы» представляет довольно негативный образ современной Польши, ее действительности.

Книга Дороты Масловской «Павлин королевы» в 2006 году была удостоена престижной литературной награды – Nike. В этом же году состоялся драматургический дебют Масловской – «Двое бедных румынов, говорящих по-польски», представленная в форме декламации в театре в Варшаве.

Масловская утверждает себя также в жанре фельетона, ее произведения опубликованы в журнале «Przekrój», рецензии на книги «Высокие Каблуки» (приложение к “Gazecie Wyborczej”). С самого начала творческого пути Д.Масловска сотрудничает с журналам “Lampa”. В настоящее время писательница живет в варшавском районе Прага который описан ею в повести «Павлин королевы».

Значительное влияние на творчество Д.Масловской по признанию польских критиков, оказали произведения таких польских писателей- представителей нового направления – как Агнешка Дроткевич и Мирослав Нахатш. Обе повести Масловской были инсценированы:

«Война....» в 2003 году в режиссуре Агнешки Липец – Врублевской в Театре Wybrzeze в Гданьске, Павла Нитшевского в 2005 году в театре Piwnica przy Krupcie в Щецине. «Павлин королевы» был поставлен режиссерам Лукашом Кос в 2006 году (дипломный спектакль студентов Filmowki в Лодзи), Яцеком Паписом в 2006 году в Театре Wytownia в Варшаве, и Кшиштофом Яворским в 2006 году в Театре Ludowy в Кракове. Фильм по сценарию Д.Масловской к повести «Война....» готовит режиссер Ян Якуб Кольский. Творчество Д.Масловской отмечено многочисленными премиями: среди них награда журнала «Twoj Styl» в конкурсе Дневники Полек, «Paszport Polityki» (2002), «Золотое

Перо Сопота», Nike (2002) выигранная на плебесците читателей, номинация к награде Pegasa в категории «Литература» за повесть «Wojna», награда Nike за книгу «Павлин королевы» была получена писательницей в 2006 году.

Тема «польско-русских отношений» а также «тема России» всегда была актуальной в польской литературе актуальна она и сегодня. Отмеченное выше произведение Дороты Масловской. «Польско-русская война под бело -красным флагом», затрагивающая отмеченные выше темы, нашла свое отражение также в недавно вышедшей в Польше книге Кристины Курчаб-Редлих «Головой об стену Кремля» (“Glowa o mur Kremla”). В ней почти 500 страниц и многие из них не только о мирных российских реалиях, но и войне, в Чечне. В 2000 году вышла еще одна книга о России – «Пандрешка». Творчества Курчаб-Редлих отмечено высокими наградами в Польше и России. «Международная амнистия», «Хельсинкский фонд» и чеченская организация «Эхо войны» выдвинули кандидатуру Кристины Курчаб – Редлих на Нобелевскую премию мира..... Среди писателей «молодой», «новой» польских прозы особы выделяется творчество Витольда Хорвата (род. 7 июля 1957 года в Варшаве). Изучал полонистику и психологию в Варшавском Университете. 1990 году состоялся дебют первой его книги «Другая война».

В 1990-1994 годах сотрудничает в качестве фельетониста в консервативном журнале «Najwyższy Czas!». В журнале «Nowy Detektyw» Витольд Хорват публикует более ста коротких криминалистических повестей (1993-1997). В 1994 году получает диплом факультета сценаристов Государственной Высшей Школы Фильма, Театра и Телевидения в Лодзи. Витольд Хорват соавтор популярного, криминалистического сериала TV «Экстрадиция» и «Экстрадиция 2», писатель является также соавтором художественных фильмов «Последняя миссия» (2000, реж.Войчех Вуйчик), «Без жалости (2000, реж. Вальдемар Кшыстек)». В 1992 году опубликован роман писателя в жанре “political fiction” «Святые волки», психологический триллер «Птах» (1998), сборник повес-

тей «Afrika Korps» (1999). К числу самых интересных повестей рубежа веков следует отнести произведение Витольда Хорвата «Seans» (1997). Это великолепно написанная психологическая повесть, содержит реальное средоточие опыта поколения людей, рожденных в пятидесятые годы. В отличие от многих своих ровесников, ищущих инспираций в истории и генеалогии, Хорват справляется с вызовом, брошенным ему современностью. В повести автору удалось собрать множество историй повествующих о судьбах поляков за прошедшие полвека (распад семейных и родственных традиций, декадентство, эпоха ПНР, эмиграционные скитания). Особо следует отметить, что в повести создан автором один из интереснейших образов женщины в современной польской литературе. История взлетов и падений Милены читается как великолепно написанный thriller (триллер), однако, несмотря на явный высокий художественный уровень, книга не была единодушно достойно оценена современной польской критикой. Интерес представляют высказывания коллег Витольда Хорвата - писателей и критиков о повести «Seans». «Наконец- то в нашей стране появился кто-то, кто пишет книги для простых людей» (Томаш Лада).

«Seans» - это наилучшая книга, которую за много лет удавалось мне держать в руках. Это не игры и не забавы, не формальные приемы, не постмодернизм, это литература (Петр Адамчевский); «Такой повести у нас еще не было. Витольд Хорват сотворил огромную многосюжетную историю» (Томаш Чихонь).

«Конечно «Seans» и другие мои книги имеют также и исторический, культурный, социологический фон, - отмечает сам автор - однако если читатель не схватит этого фона, то ничего в этом не потеряет, потому что самым важным в повести является фабула. Я думаю – продолжает В.Хорват, - что эрудиция должна помогать писателю создавать интересную фабулу, а не служить самой себе, как это характерно для литературы постмодернизма»¹.

---

¹ Zrodlo: WWW. Polska 2000 pl.

Еще в 80-е годы термин «постмодернизм» использовался только в связи с зарубежной литературой, главным образом, американской. Основную роль в популяризации и оценке, (порой критичной), нового направления сыграли статьи Влодзимежа Болецкого, Рышарда Нытша, Тадеуша Славка. Немалые заслуги имеет в этом направлении имеет шленский журнал “Fa – art”, руководимый «Цезары Конрад Кендером. Однако сравнительно недавно критики стали искать следы постмодернизма и в польской литературе. Проведенные дискуссии не привели к определенным результатам. Единственное, что известно литературной общест-венности так это то, какие писатели могут быть в будущем объек-том исследования постмодернистических критиков. Список писа-телей открывает Виткацы, трактуемый критиками как «писатель переломного периода», его творчество находится в противоречии с предпосылками постмодернизма. Польские исследователи ли-тературы утверждают, что Виткацы можно трактовать как писа-теля «modernista a rebours» («модерниста наоборот») или экспрес-сиониста. Более к числу польских постмодернистов, считают кри-тики, подходит Гамбрович. Следы постмодернизма ищут литера-туроведы в последних произведениях Леополяда Бучковского «Купания в Лусса» и «Молодой поэт в замке», именно эти произ-ведения дают исследователям подходящий материал, в решении проблемы. Близки к постмодернистическому направлению “Miazga” Анджеевского, повести Петра Войчеховского и Таде-уша Конвицкого (“Bohin”), а также некоторые произведения Ми-рона Бялошевского. В польский поэзии или драматургии, пожа-луй, не было до сегодняшнего дня произведения, которое выпол-няло бы роль образца постмодернистской литературы. Несколько приближаются к постмодернизму некоторые книги Чеслава Ми-лоша. Критики относят к этому направлению также и Адама За-гаевского. Некоторые современные критики склоняются к мне-нию о том, что постмодернистической можно считать всю «но-вую» польскую литературу. Литературу плюралистическую, не-охотно поднимающую проблему духовных ценностей.

Именно эти черты постмодернизма вызывают определенное беспокойство со стороны католических кругов, сдержанно наблюдающих за попытками создания такого искусства, искусства далекого от мира истинных ценностей. Книги и авторы, получившие большую популярность в mass media и в современной польской критике, исследуемые нами в представленной работе не всегда способны выдержать испытание временем. Необходимо помнить о том, что многие, когда – то модные литературные явления, среди них и постмодернизм, сегодня уже никто не помнит. «Не все мы должны быть постмодернистами!» утверждают представители «новой польской прозы конца XX начала XXI века». Завершая обзор современной польской литературы мы не завершаем ее историю, т.к. она находится в постоянном движении, в постоянном развитии, неисчерпаемы запасы психической энергии и материальных благ и несомненно возникновение литературного будущего Польши.

Краткий словарь новейшей польской литературы

Баран Марчин (1963 г.р.) поэт, эссеист, литературный критик, редактор журнала «Przekroј», автор сборника стихов «Сосновец похож на женщину» (1992), «Любовные потуги» (1996), «Спорные фрагменты» (1996).

Беньчик Марек (1956 г.р.) прозаик, эссеист, историк литературы, фельетонист, переводчик, повести «Терминал» (1994), «Тworki» (1999), переводчик книг Милана Кундеры.

Будзиньска Божена (1957 г.р.), прозаик, поэтесса, литературный критик, опубликовала повести «Апельсиновый сезон» (1992), «Матовые окна» (1994), «Тworki» (1998), несколько лет была редактором журнала «Metafora» в Быдгощи, живет в Гданьске.

Стефан Хвин (1949 г.р.) гданьский прозаик, эссеист, литературный критик, автор историко-литературных книг «Романтическое пространство воображения» (1989), «Литература и предательство», «От «Конрада Валленрода» до «Малого Апокалипсиса» (1993), а также повестей на гданьскую тематику «Ханеман» (1995), «Эстер» (1999).

Домбала Яцек (1959 г.р.) прозаик, киносценарист, автор повестей «Телеманьяк» (1989), «Баловни судьбы» (1997), «Дьявольская случайность» (2000), соавтор фильма «Молодые волки», живет в Люблине.

Джевуцки Януш (1958) поэт, эссеист, литературный критик, автор поэтических сборников «Улица Reformaska», «Стихи 1980-1986» (1988), «Путешествие на юг» (1995), «Сентябрьский свет» (1998), Этюды «Хаос и конвенция» (1988), «Вкусы слова» (1999).

Дунин – Вонсович Павел (род. В 1967 г.) прозаик, литературный критик, сценарист, график, рок-музыкант, редактор журнала и издательства «Lampa i Jskra Boza», Автор повести «Призрачная библиотека» (1997), соавтор антологии молодой поэзии «У вас есть свои поэты» (1996), а также лексикона

«Парнас bis. Словарь польской литературы, рожденной после 1960 года» (1995, второе издание 1998).

Гибас Ярослав (1967 г.р.) прозаик, театральный критик, музыкант, журналист, автор повести «Гнезда Ангелов» (1995), а также «Salve Theatrum» (До здравствует Театр) (1997).

Герке Наташа (1962 г.р.) автор кратких прозаических произведений: «Простынные магазины» (1994), «Книги паштетов» (1997), «Прощание плазмы» (1999), живет в Гамбурге.

Гретковка Мануэла (1964 г.р.) романистка, киносценаристка, романы «My zdies emigrantu» (1990), «Метафизическое кабаре» (1994), автор сценария к фильму «Шаманка» Анджея Жулавского.

Хорват Витольд (1957 г.р.) прозаик, киносценарист, журналист, автор романов «Святые волки» (1992), «Seans» (1997), «Птах» (1998), сборник рассказов «Afrika Korps» (1999), автор кино и телевизионных сценариев.

Хюлле Павел (1957 г.р.)- гданьский прозаик, поэт, драматург, литературный критик, автор романа «Вейсер Давидек» (1987), «Рассказы на проводы» (1991), «Первая любовь и другие рассказы» (1996), Стихи (1994).

Кендер Цезари Конрад (1965 г.р.) поэт, прозаик, литературный критик, главный редактор литературного журнала «FA-art», автор экспериментальной, постмодернистической повести «Антология постнатального творчества DgJL. O.S.W.» (1996 г.)

Коман Дорота (1961 г.р.)- поэтесса, певица, автор сборника «Фрейд улыбнулся» (1962), «Хочу быть жабой» (1993), «Словарь иностранных слов» (1994), «Где настоящее время?» (2001), Компакт диска «Все те краски во мне» (1957), живет в Варшаве.

Либеры Антони (1949 г.р.) переводчик, театральный режиссер, прозаик, литературный критик, автор повести «Madame» (1998), переводчик произведений Самуэля Беккета.

Липка Кшиштоф (1949 г.р) музыковед, прозаик, поэт, радиожурналист, кинокритик, автор рассказов, «Вариации с

флейтой» (1989), «Пансионат Barataria» (1992), сборников стихов «Моштитеницкие элегии» (2000).

Лысовский Кшыштоф (1954 г.р.) краковский поэт, литературный критик, переводчик, автор поэтического сборника «Обывательский опыт» (1975), «Стихи и эпитафия» (1984), «Стружка» (2002), биографического произведения «Мастер страданий» (1997).

Мачей Збигнев (1958 г.р.) поэт, переводчик английской чешской литературы, сборники стихов «Гурманы, возлюбленные и платные мородеры» (1984), «Спящая муза» (1988), «Третий берег» (1992), «Легенды пражского метра» (1996).

Малишевский Кароль (1960 г.р.) поэт, прозаик, литературные критик, душа литературной жизни Шленска: сборник стихов «Дом и мрак» (1985), «Свободный стих» (1987), «Шестидесятый ежегодник похоронен в бумагах» (1996), автор сборников критических этюдов о молодой поэзии. «Наши классики, наши варвары» (1999), «Признание J» (2001).

Марцинкевич Павел (1969 г.р.) поэт, переводчик, автор книги стихов «Беги Марцинкевич, беги» (1991), «Мир для упорных» (1996), переводчик поэзии современных американских литераторов, живет в Чикаго.

Насиловска Анна (1958 г.р.) историк литературы, литературный критик, прозаик, автор сборника «Лирическая персона» (2000), учебников прозаических произведений «Domino» (1995), «Книга начала» (2002).

Варга Кшыштоф (1968 г.р.) – прозаик, литературный критик, журналист, автор повести «Хлопцы не плачут» (1996), “Bildingsroman” (1997), “Teguila” (2001), является соавтором словаря Parnas bis и антологии «У вас есть свои поэты».

Подсядлю Яцек (1964 г.р.) поэт, автор сборников «В луна-парках грустный, в луна-парках смешной» (1990), «Ничьи, божественные» (1998), «И я побежал в эту мглу» (2000), двухтомника «Избранная поэзия» (1998).

Скшепошек Христиан (1943-1999) прозаик, эссеист, драматург, литературный критик с 1969 года живет в Берлине, ушел из

жизни в результате суицида, автор повестей «Свободная трибуна» (1985), «Moja» (1996), «Pat» (1969), «Как слеза в слезе» (1999).

Соммер Петр (1948 г.р.) поэт, переводчик, эссеист, главный редактор журнала «Literatura na Swiecie», автор поэтических сборников «На стуле» (1977), «Воспоминания о нас» (1980), «Лирический фактор» (1986), «Новые отношения слов» (1947), а также интервью с англосаксонскими поэтами, переводчик британской, ирландской и американской поэзии.

Стасюк Анджей (1960 г.р. в Варшаве) прозаик, поэт, издатель, литературный критик, автор сборников прозы «Стены Хеброна» (1992), «Белый ворон» (1995), «Полицейские повести» (1995), «Dukla» (1997), «Зима» (2001), живет в Чарны (Бескиды).

Шевц Петр (1961 г.р.) прозаик, поэт, эссеист, литературный критик, редактор журнала, «Nowe Ksiazki», автор повестей «Уничтожение» (1987), «Сумерки и рассветы» (2000), сборников стихов, «Свидетельство» (1983), книги - бесед с Юлианом Стрыйковским, «Спасенный на Востоке» (1991), а также воспоминаний о Ю.Стрыйковском «Сын каплана» (2001).

Светлицкий Марчин (1961 г.р.) поэт, журналист, музыкант, руководитель рок-группы «Swietliki», автор сборников стихов: «Холодные страны» (1992), «Третья половина» (1996), «37 стихов о водке и патриотах» (1996), «Песнь профана» (1998).

Токарчук Ольга (1962 г.р.) прозаик, автор повести, «Путешествие людей Книги» (1943), «Е.Е» (1995), «Древность и другие времена» (1996), «Дом дневной, дом ночной» (1998), повестей «Шкаф» (1997).

KAROL MALISZEWSKI

Karol Maliszewski (ur. 27 lipca 1960) - poeta, prozaik, krytyk literacki. Mieszka w Nowej Rudzie, na Dolnym Śląsku.

Wydal dziewięć tomików poetyckich, trzy tomy prozy i pięć tomów szkiców krytyczno-literackich.

Stale współpracuje z kilkoma pismami literackimi takimi jak; *Odra*, *Opcje*, *Topos*, *Studium*, *Twórczość*, *Fraza*, *Wersja*, *Akant*, *Red.*. Absolwent filozofii, doktor nauk humanistycznych. Nauczyciel języka polskiego i historii oraz wykładowca współczesnej literatury polskiej w Kolegium Karkonoskim w Jeleniej Górze. W maju 2007 r. został nominowany do nagrody literackiej Nike za tom szkiców krytycznych "Rozproszone głosy" (2006).

Bibliografia:

Poezja:

- *Dom imrok* (1985).
- *Wiersz wolny* (1987).
- *Miasteczko - prośba o przestrzeń* (1988).
- *Będę przebywał jeszcze wtedy w Polsce* (1991).
- *Miody poeta pyta o-* (1994).
- *Rocznik sześćdziesiąty grzebie w papierach* (1996).
- *Rok w drodze* (2000).
- *Inwazja i inne wiersze* (2004).
- *Zdania na wypadek, wiersze wybrane* (2007).

Proza:

- *Dziennik pozorny* (1997).
- *Próby życia* (1998).
- *Faramucha* (2001).

Szkice krytyczne:

- *Nasi klasycyści, nasi barbarzyńcy. Szkice o nowej poezji* (1999).
- *Zwierzę naJ. Szkice o wierszach i ludziach* (2001).
- *Nowa poezja polska 1989-1999. Rozważania i uwagi* (2005).
- *Rozproszone głosy* (2006).
- *Po debiucie. Dziennik krytyka* (2008).

Linki zewnętrzne:

- Wiersze Karola Maliszewskiego w serwisie www.poezja-polska.pl

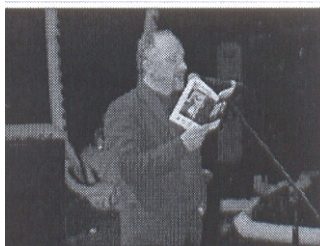
(<http://poezja-polska.art.pl/stary/new/autorzy.php#4/>)

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Karol_Maliszewski"

ZBIGNIEW MACHEJ

Zbigniew Machej (ur. 17 sierpnia 1958 w Cieszynie) - poeta, tłumacz, działacz kultury.

Studiował polonistykę i religioznawstwo na Uniwersytecie Jagiellońskim w Krakowie. Był kolejno dziennikarzem *Gazety Prowincjonalnej*, sekretarzem redakcji *Głosu Ziemi Cieszyńskiej* i dyrektorem Ośrodka Kultury Polskiej w Pradze.

Opublikował m.in. tomy wierszy:

- *Smakosze, kochankowie i płatni mordercy* (1984)
- *Śpiąca muza* (1988)
- *Wiersze dla moich przyjaciół* (1988)
- *Dwa zbiory wierszy* (1990)
- *Trzeci brzeg* (1992)
- *Legendy praskiego metra* (1996)
- *Kraina wiecznych zer* (2000)
- *Prolegomena. Nieprzyjemne wiersze dla dorosłych* (2003)
- *Wspomnienia z poezji nowoczesnej* (2005)
- *Wiersze przeciwko opodatkowaniu poezji* (2007)

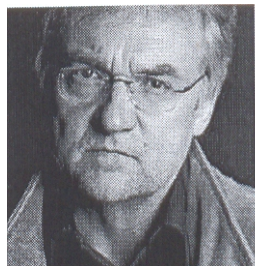
Bibliografia

- Miękina L., *Znów minie wiek... Antologia literatury nadolziańskiej*, Cieszyn 2001, ISBN 83-88271-11-3, s. 450.

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Zbigniew_Machej"

JERZY PILCH

Jerzy Pilch (ur. 10 sierpnia 1952 w Wiśle) - polski pisarz, publicysta, dramaturg i scenarzysta filmowy. Jeden z najpopularniejszych polskich pisarzy współczesnych.

Ukończył filologię polską na Uniwersytecie Jagiellońskim. Do 1999 był członkiem zespołu redakcyjnego "Tygodnika Powszechnego", następnie krótko pracował dla "Hustlera", aby po paru tygodniach przejść do "Polityki", gdzie do czerwca 2006 był stałym felietonistą. Obecnie jest publicystą "Dziennika".

W 1989 otrzymał nagrodę im. Kościelskich za tom "Wyznania twórcy pokątnej literatury erotycznej", w maju 1998, za książkę *Tysiąc spokojnych miast* otrzymał wyróżnienie Krakowska Książka Miesiąca. W 2001 roku uhonorowano go prestiżową nagrodą Nike za powieść "Pod Mocnym Aniołem".

W 2006 roku nakładem Świata Książki ukazał się zbiór opowiadań "Moje pierwsze samobójstwo i dziewięć innych opowieści", uważane powszechnie za najdojrzalszy utwór tego autora.

Jerzy Pilch jest jednym z najbardziej znanych kibiców Cracovii, co wielokrotnie podkreślał w swojej prozie i felietonach.

Twórczość

- *Wyznania twórcy pokątnej literatury erotycznej*
- *Spis cudzołożnic. Proza podróżna*
- *Rozpacz z powodu utraty furmanki*
- *Monolog z lisiej jamy*
- *Tezy o głupocie, picciu i umieraniu*
- *Tysiąc spokojnych miast*
- *Bezpowrotnie utracona leworęczność*

• *Opowieści wigilijne* - wraz z Olgą Tokarczuk i Andrzejem Stasiukiem

- *Pod Mocnym Aniołem*
- *Inne rozkosze*
- *Upadek człowieka pod Dworcem Centralnym*
- *Miasto utrapienia*
- *Narty Ojca Świętego*
- *Moje pierwsze samobójstwo*
- *Pociąg do życia wiecznego*
- *Marsz Polonia*

Linki zewnętrzne

- Czat z Jerzym Pilchem

(<http://rozmowy.onet.pl/artykul.html?ITEM=1367557&OS=41387>)

- Kultura polska

(http://www.culture.pl/pl/culture/artykuly/os_pilchJerzy)

- Rozmowa z Jerzym Pilchem o adaptacjach jego książek

(<http://film.onet.pl/0,18167,105583,1,1,596,artykul.html>)

- Wywiad (<http://www.teatry.art.pl/IRozmowy/dialogip.htm>)

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Jerzy_Pilch"

PAWEŁ HUELLE

Paweł Huelle (ur. 10 września 1957 w Gdańsku) - polski pisarz.

Ukończył filologię polską na Uniwersytecie Gdańskim. Wykładał filozofię na gdańskiej Akademii Medycznej.

Jako gdaśszczanin z urodzenia, większość swej twórczości poświęca rodzinnemu miastu i sprawom z nim związanym. W latach 80. związany był z prasą konspiracyjną. W latach 1994-1999 był dyrektorem Ośrodka Gdańskiego Telewizji Polskiej.

Rozgłos w kraju i za granicą przyniosła mu debiutancka powieść *Weiser Dawidek* (1987), zekranizowana przez Wojciecha Marczewskiego w 2000.

Huelle uhonorowany został wieloma prestiżowymi nagrodami. W 1997 nominowany był do Literackiej Nagrody NIKE. Jest laureatem Paszportu Polityki.

Paweł Huelle a ks. Jankowski

12 września 2005 przegrał trwający 8 miesięcy w Sądzie Okręgowym w Gdańsku proces o naruszenie dóbr osobistych, jaki pisarzowi wytoczył ks. prałat Henryk Jankowski.

Zdaniem duchownego, Huelle naruszył jego dobra osobiste twierdząc, że prałat przemawia jak "gauleiter, gensek, a nie jak kapłan", a za dobra materialne mógłby zamienić "polski paszport na paszport Volksdeutscha, Rosjanina, czy Irakijczyka". Sąd nakazał pisarzowi zamieszczenie na własny koszt w "Rzeczpospolitej" oświadczenia następującej treści: "W związku z zamieszczeniem w dniu 22 maja 2004 r. artykułu mojego autorstwa pt. *Zrozumieć diabła* dot. osoby oraz działalności ks. Henryka Jankowskiego proboszcza bazyliki św. Brygidy w Gdańsku pragnę przeprosić ks.

Henryka Jankowskiego za użyte w nim sformułowania i określenia obrażające jego osobę".

Pisarz się odwołał i wygrał apelację. Ostatecznie nie musiał go przeproszać ani wpłacać pieniędzy katolickiej organizacji charytatywnej Caritas. Sąd obciążył kosztami postępowania ks. Jankowskiego. Musiał on też zwrócić Pawłowi Huelle 1000 zł kosztów, które pisarz poniósł w związku z procesem.

Twórczość

- *Ze snu laku* (1982 - niewydana) .
- *Weiser Dawidek* (1987)
- *Opowiadania na czas przeprowadzki* (1991) .
- *Wiersze* (1994)
- *Pierwsza miłość i inne opowiadania* (1996)
- *Inne historie* (1999)
- *Mercedes-Benz. Z listów do Hrabala* (2001)
- *Byłem samotny i szczęśliwy* (2002)
- *Castorp* (2004)
- *Ostatnia Wieczerza* (2007)

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Pawe%C5%82_Huelle"

ŚLAWOMIR MROŻEK

Ślawomir Mrożek (ur. 29 czerwca¹¹ 1930 w Borzęcinie) - polski dramatopisarz i prozaik. Absolwent krakowskiego Nowodworka. Autor satyrycznych opowiadań i utworów dramatycznych o tematyce filozoficznej, politycznej, obyczajowej i psychologicznej. Jako dramaturg zaliczany do nurtu teatru absurdu.

Życiorys

Debiutował w 1950 roku jako rysownik, od 1953 publikował cykle rysunków w *Przekroju*. Wydane w tym samym roku zbiory opowiadań: *Opowiadania z Trzmielowej Góry* oraz *Półpancerze praktyczne* stanowiły jego literacki debiut. Jego pierwszą sztuką teatralną był dramat *Policja*, wydany w 1958 roku. Dramat *Tango* z 1964 roku przyniósł Mrożkowi światową sławę.

W 1962 został jednym z czterech pierwszych laureatów literackiej nagrody im. Kościelskich. W 1968 na łamach prasy francuskiej opublikował list - protest przeciwko interwencji wojsk Układu Warszawskiego w Czechosłowacji.

W 1963 wyemigrował z kraju, mieszkał w Paryżu, USA, Niemczech, Włoszech i Meksyku. W grudniu 1981 r. protestował przeciwko wprowadzeniu stanu wojennego. W 1996 powrócił do Polski. W 2002 roku przeżył udar mózgu, którego wynikiem była afazja. Skutkiem tego utracił możliwość posługiwania się językiem zarówno mówionym, jak i pisanym. Dzięki terapii, która trwała około trzy lata, odzyskał zdolność pisanie i mówienia. Efektem walki z chorobą jest jego autobiografia.

W grudniu 2004 r., za książkę *Varia. Jak zostałem filmowcem*, uhonorowany został Nagrodą Krakowska Książka Miesiąca.

Postanowieniem prezydenta Aleksandra Kwaśniewskiego z dnia 11 listopada 1997 roku, w uznaniu wybitnych zasług dla kultury narodowej, został odznaczony Krzyżem Komandorskim z Gwiazdą Orderu Odrodzenia Polski.

Utwory

Zbiory opowiadań

- *Opowiadania z Trzmielowej Góry* (1953)
- *Półpancerze praktyczne* (1953) .
- *S/otf* (1957)
- *Wesele w Atomicach* (1959) .
- *Deszcz* (1962)
- *Dwa listy i inne opowiadania* (1970)
- *Opowiadania* (1981)
- *Donosy* (1983)

Dramaty

- *Policja* (1958)
- *Męczeństwo Piotra Oheya* (1959)
- *Indyk* (1960)
- *Na pełnym morzu* (1961)
- *Karol* (1961)
- *Strip-tease* (1961)
- *Zabawa* (1962)
- *Kynolog w rozterce* (1962)
- *Czarowna noc* (1963)
- *Śmierć porucznika* (1963)
- *Der Hirsch* (1965)
- *Tango* (1964)
- *Racket Baby* (1965)
- *Poczwórka* (1967)
- *Dom na granicy* (1967)
- *Testarium* (1967)
- *Profesor* (1968)

- *Drugie danie* (1968)
- *Szczęśliwe wydarzenie* (1971)
- *Rzeźnia* (1973)
- *Emigranci* (1974)
- *Garbus* (1975)
- *Serenada* (1977)
- *Lis filozof* (1978)
- *Polowanie na lisa* (1977)
- *Krawiec* (1977)
- *Lis aspirant* (1978)
- *Лєкo* (1980)
- *Ffirfe/ov* (1982)
- *Ambasador* (1982)
- *Letni dzień* (1983)
- *Alfa* (1984)
- *Kontrakt* (1986)
- *Portret* (1987)
- *Wdowy* (1992)
- *Miłość na Krymie* (1993)
- *Wielebni* (2000)
- *Piękny widok* (2000)

Powieści

- *Maleńkie lato* (1956)
- *Ucieczka na południe* (1961)

Zbiory felietonów

- *Moe/u/y* (1981)
- *Dziennik powrotu* (2000)
- *Male listy* (2000)

Scenariusze Filmowe

- *Wyspa róż* (1975)

- *Amor* (1978)
- *Powrot* (1994)

Inne

- *Rysunki*, Seria: Biblioteka Stańczyka, Wydawnictwo: ISKRY, WARSZAWA 1982, wydanie I, ss. 108.
- *Baltazar* (2006) - autobiografia

Źródło:

"http://pl.wikipedia.org/wiki/S%C5%82awomir_Mro%C5%BCek"

PAWEŁ DUNIN-WĄSOWICZ

Paweł Dunin-Wąsowicz (ur. 31 grudnia 1967 roku w Warszawie) - polski publicysta, krytyk literacki, szef wydawnictwa *Lampa* i *Iskra Boża* i redaktor naczelny czasopisma *Lampa*.

Życiorys

Urodził 31 grudnia 1967 roku w Warszawie. Syn profesora historii PAN Krzysztofa Dunin-

Wąsowicza. Ukończył XVI LO im. Stefanii Sempołowskiej w Warszawie, a następnie

dziennikarstwo na Uniwersytecie Warszawskim. Wraz z Tomaszem Łubieńskim i Kingą Paweł Dunin-Wąsowicz

Dunin prowadził program "Dobre książki" w TVP1. Wcześniej pracował w *Życiu*

Warszawy, *Machinie* i *Przekroju*, gdzie m.in. recenzował książki i komiksy. Odkrywcą i wydawcą Doroty Masłowskiej. Razem z Jarosławem Lipszycem i Piotrem Mareckim założył blog *Kumple*. Laureat Paszportu Polityki (2005), kategoria "kreator kultury"). Śpiewa i gra na gitarze w zespole *Meble*.

Bibliografia

- *Parnas Bis. Słownik literatury polskiej urodzonej po 1960 roku* - wspólnie z Krzysztofem Varga, *Lampa* i *Iskra Boża*, Warszawa 1995 (ISBN 83-86735-08-2).
- *Rewelacja* (1994)
- *Widmowa biblioteka. Leksykon książek urojonych*" (1997)
- *Oko smoka. Literatura tzw. pokolenia brulionu wobec rzeczywistości ILIRP*" (2000)
- *Rozmowy lampowe*" (2007)

Linki zewnętrzne

- Kyzioł, Aneta. Światła Lampy

<http://www.polityka.pl/archive/do/registry/secure/showArticle?id=2004554>). *Polityka*. 1 sierpnia 2004, 32 (2464), 54.

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Pawe%C5%82_Dunin-W%C4%85sowicz"

DOROTA MASŁOWSKA

Dorota Masłowska (ur. 3 lipca 1983 w Wejherowie) - polska pisarka.

Życie i twórczość

Dorota Masłowska dorastała w Wejherowie. Zaczęła studiować psychologię na Uniwersytecie Gdańskim, następnie przeniosła się do Warszawy, aby studiować kulturoznawstwo. Jej pierwsza książka, *Wojna polsko-ruska pod flagą białoczerwoną*, reklamowana jako "pierwsza polska powieść dresiariska", spotkała się z bardzo przychylnymi recenzjami Jerzego Pilcha i Marcina Świetlickiego oraz promocją Roberta Leszczyńskiego w programie Idol i stała się bestsellerem wydawniczym (ponad 120 tysięcy sprzedanych egzemplarzy), wywołała też jednak wiele kontrowersji. *Wojna...* przyniosła autorce Paszport Polityki w kategorii literatura za "oryginalne spojrzenie na polską rzeczywistość oraz twórcze wykorzystanie języka pospolitego" oraz nominację do nagrody literackiej Nike. Powieść została przetłumaczona na wiele języków europejskich (francuski - *Polococktail Party*, włoski - *Prendi tutto*, niemiecki - *Schneeweifi und Russenrot*, angielski (USA) - *Snow White and Russian Red*; brytyjski tytuł tego samego przekładu: *White and Red*, hiszpański - *Blanco nieve, rojo Rusia*, czeski - *Cervena a bila*, węgierski - *Lengyel-ruszeki háború a fehér-piros lobogó alatt*, niderlandzki - *Sneeuw wit en Russisch Rood*, rosyjski - *Polsko-russkaja wojna pod belo-krasnym flagom*, słowacki - *Sneh a krv*, ukraiński - польсько-кацапська війна під біло-червоним прапором)

W 2005 ukazała się druga powieść Masłowskiej, *Paw królowej*, która znowu podzieliła krytyków. Zarzucano jej, że *kipi cynizmem, epatuje brzydotą i głupotą, zraża agresywnym językiem, brakiem spójnej fabuły* {Wprost}, pisano też jednak, że nowa

powieść *nie gorzej jest napisana niż tamta, stara. I równie desperacka, i równie jadowita* {Tygodnik Powszechny). *Paw Królowej* napisany jest rymowaną prozą stylizowaną na piosenkę hip-hopową, w której Masłowska naśladuje i parodiuje współczesną polszczyznę. Podobnie jak *Wojna... Paw królowej* zawiera bardzo krytyczny obraz współczesnej polskiej rzeczywistości. Książka otrzymała nagrodę literacką Nike za 2006 r.

W 2006 Masłowska opublikowała swój debiutancki dramat, *Dwoje biednych Rumunów mówiących po polsku*, który został zaprezentowany publiczności w formie próby czytanej w TR Warszawa (dawniej Teatr Rozmaitości).

Masłowska pisała felietony do "Przekroju", publikowane pod tytułem "Dziennik z krainy pazłotka", oraz recenzje książek do "Wysokich Obcasów" (dodatek do "Gazety Wyborczej"). Od początków swojej twórczości współpracowała też z magazynem "Lampa". Obecnie mieszka na warszawskiej Pradze, co opisuje w *Pawiu królowej*.

Wpływ

Twórczością Masłowskiej mieli, według opinii krytyki, inspirować się pisarze młodego pokolenia: Agnieszka Drotkiewicz oraz kolega Masłowskiej ze studiów, Mirosław Nahacz.

Obie powieści Masłowskiej były kilkakrotnie przenoszone na scenę. Spektakle na podstawie *Wojny polsko-ruskiej* zrealizowali Agnieszka Lipiec-Wróblewska (2003, Teatr Wybrzeże w Gdańsku), Paweł Niczewski (2005, Piwnica Dorota Masłowska, Galeria Raster, praca dyplomowa studentów łódzkiej Filmówki), Jacek Papis (2006, Teatr Wytwórnia w Warszawie) i Krzysztof Jaworski (2006, Teatr Ludowy w Krakowie). Adaptację filmową *Wojny polsko-ruskiej* według scenariusza autorki przygotowuje Jan Jakub Kolski.

Nagrody

- Nagroda miesięcznika "Twój Styl" w konkursie Dzienniki Polek

- Paszport Polityki 2002
- Nagroda "Złote Pióro Sopotu"
- Nominacja do Nagrody Nike za 2002 r. (za książkę *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*) i wygrana w plebiscycie czytelników.
- Nominacja do Nagrody Pegaza w kategorii "Literatura"¹¹ za powieść "Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwona".
- Nagroda Nike za 2006 r. (za książkę *Paw królowej*)

Publikacje

- *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną* - powieść (Warszawa: Wydawnictwo Lampa i Iskra Boża, 2002, 2003 ISBN 83-86735-79-1)
- *Paw królowej* - powieść (Warszawa: Wydawnictwo Lampa i Iskra Boża, 2006 ISBN 83-89603-20-9;

JACEK DUKAJ

Jacek Dukaj (ur. 30 lipca 1974 r. w Tarnowie) to polski pisarz, autor fantastyki. Pisuje głównie literaturę science fiction, choć niektóre z jego utworów zaliczyć można również do fantasy.

Życie

Ukończył III Liceum Ogólnokształcące w Tarnowie. Studiował filozofię na Uniwersytecie Jagiellońskim. Debiutował opowiadaniem *Złota galera*, opublikowanym w lutym 1990 w miesięczniku "Fantastyka", napisanym gdy miał 14 lat. Kolejne jego opowiadania ukazywały się drukiem w magazynie literackim "Fenix" oraz "Nowa Fantastyka". W 1997 r. wyszedł debiut książkowy Dukaję, powieść *Xavras Wyiryn*.

Dwunastokrotnie nominowany do nagrody im. Janusza A. Zajdla. Został laureatem Zajdla za rok 2000 za opowiadanie *Katedra*, za rok 2001 za powieść *Czarne oceany*, za rok 2003 za powieść *Inne pieśni oraz* za rok 2004

za powieść *Perfekcyjna niedoskonałość*. Film animowany Tomasza Bagińskiego *Katedra* na podstawie opowiadania Dukaję został w 2003 roku nominowany do Oscara. W przygotowaniu jest film Bagińskiego na podstawie kolejnego opowiadania Dukaję - *Ruch generała*. Oprócz pierwszego wydania *Xavras Wyiryna*, okładki wszystkich książek Dukaję są autorstwa Bagińskiego. Dukaj trzykrotnie otrzymał nominację do Paszportu Polityki.

Teksty publicystyczne i recenzje Dukaję publikowane były w "Nowej Fantastyce", "SFinksie", "Miesięczniku", "Framzecie", "Fantomie", "Feniksie" "Science Fiction", "Super Fantastyka Powieść", "Czasie Fantastyki".

Opowiadania Dukaję przetłumaczone zostały na język angielski, niemiecki, rosyjski, czeski i węgierski. *Złota Galera*

ukazała się w języku angielskim w antologii *The Dedalus Book of Polish Fantasy*, tłumaczona przez Wieśka Powagę. *Ruch Generała* oraz fragmenty *Katedry* zostały przetłumaczone na angielski przez Michaela Kandela, jednak jak na razie nie zostały wydane, poza fragmentami dostępnymi w Internecie.

6 grudnia 2007, po trzech latach oczekiwania, ukazała się nowa, ogromna powieść Jacka Dukaję - epickie dzieło pod tytułem *Lód*.

Obecnie pisarz pracuje nad opowiadaniem do zbioru "Król Bólu", który powinien ukazać się w listopadzie 2008. Na później zaś zapowiedziana jest nowela w międzynarodowej serii "Mity".

W marcu 2008 w Wydawnictwie Literackim ukazało się wznowienie zbioru opowiadań "W kraju niewiernych". Na jesień przewidziane jest wznowienie "Czarnych oceanów".

Bibliografia

Powieści

- *Xavras Wyiryn* (W: *Xavras Wyiryn*, SuperNOWA 1997)
- *Zanim noc* (W: *Xavras Wyiryn*, SuperNOWA 1997)
- *Aguerre w świecie* (mikropowieść opublikowana w antologii *Wizje Alternatywne 3*, Solaris 2001)
- *Czarne oceany* (SuperNOWA 2001)
- *Córka łupieicy* (mikropowieść opublikowana w antologii *Wizje Alternatywne 4*, Solaris 2002)
- *Extensa* (Wydawnictwo Literackie 2002)
- *Inne pieśni* (Wydawnictwo Literackie 2003)
- *Perfekcyjna niedoskonałość - Pierwsza tercja Progresu* (Wydawnictwo Literackie 2004)
- *Lód* (Wydawnictwo Literackie 2007)

Zbiory opowiadań

- *W kraju niewiernych* (SuperNOWA 2000)

- *W kraju niewiernych* (Wydawnictwo Literackie 2008)
- *Ruch Generała . IACTE*
- *Irrehaare*
- *Muchobójca*
- *Ziemia Chrystusa*
- *Katedra*
- *Medjugorje*
- *In partibus infidelium*
- *Xavras Wyiryn i inne fikcje narodowe* (Wydawnictwo Literackie 2004)
- *Xavras Wyiryn*
- *Sprawa Rudryka Z.*
- *Przyjaciel prawdy*
- *Gotyk*

WOJCIECH KUCZOK

Wojciech Kuczok (ur. 18 października 1972 w Chorzowie) prozaik, poeta, scenarzysta, krytyk filmowy. Absolwent III LO im. Stefana Batorego w Chorzowie. Ukończył Uniwersytet Śląski. Współpracownik *Tygodnika Powszechnego*, *Res Publici Nowej* i miesięcznika *Kino*; doktorant filmoznawstwa na Uniwersytecie Jagiellońskim.

W latach 90. przynależał do grupy poetyckiej *Na Dziko*. Autor powieści *Gnój*, za którą dostał w 2003 r. Paszport Polityki, Nagrodę Literacką Nike w 2004, a także Nagrodę Krakowska Książka Miesiąca (marzec 2004 r. - mieszkał w tym czasie w Krakowie). Napisał też scenariusz do filmu Magdaleny Piekorz *Pragi*, który zdobył w 2004 główną nagrodę na festiwalu filmowym w Gdyni.

Prywatnie kibic Ruchu Chorzów, a także speleolog, odkrywca (wspólnie z synem) jaskini Dującej w Beskidzie Śląskim.

Bibliografia

- *Opowieści samowite* 1996
- *Larmo* 1998
- Zbór opowiadań *Opowieści stychane* 1999
- Zbór opowiadań *Szkieleciarki* 2002
- *Gnój* 2003
- *Widmokrąg* 2004
- *Opowieści przebrane* 2005
- *To piekielne kino* 2006

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Wojciech_Kuczok"

MARCIN ŚWIETLICKI

Marcin Świetlicki (ur. 24 grudnia 1961 w Piaskach k. Lublina) - polski poeta, powieściopisarz, dziennikarz, wokalista zespołu Świetliki.

Życiorys

Uczęszczał do III Liceum Ogólnokształcącego im. Unii Lubelskiej w Lublinie. Studiował polonistykę na Uniwersytecie Jagiellońskim w Krakowie. Odbił służbę wojskową w latach 1984-1986. Mieszka w Krakowie.

Debiutował książką *Zimne kraje*, wydaną w 1992 r. przez fundację *brulionu*, aczkolwiek jeszcze przed debiutem dostrzeżony i uznany przez krytyków za jednego z najwybitniejszych przedstawicieli tzw. *pokolenia brulionu*. W 1992 r. wspólnie z muzykami krakowskiego zespołu Trupa Wertera Utrata założył grupę Świetliki, wykonującą utwory z tekstami poety. Świetlicki występuje jako wokalista Świetlików, posługując się charakterystyczną manierą melorecytacji. Świetlicki znany jest również ze współpracy z wieloma muzykami alternatywnymi (np. Robert Brylewski, Cezary Ostrowski) i yassowymi (Mikołaj Trzaska). Był laureatem wielu nagród literackich, m.in. im. Georga Trakla, Kościelskich, Grand Prix w konkursie czasopisma *brulion*, Paszportu Polityki (nie przyjął), kilkakrotnie nominowany do nagrody Nike, w listopadzie 2006 r. za książkę *Muzyka środka* otrzymał Nagrodę Krakowska Książka Miesiąca. Do 2004 pracował zawodowo jako korektor w redakcji *Tygodnika Powszechnego* w Krakowie. Przez pewien czas prowadził program TV *Pegaz* w duecie z Grzegorzem Dyduchem. Wystąpił jako aktor w spektaklu TVP *Małżowina* (1998) oraz w filmie *Anioł w Krakowie* (2002).

Poezja

- *Zimne kraje* 1992

- *Schizma* 1994
- *Zimne kraje 2* 1995
- *Berlin* 1995
- *37 wierszy o wódce i papierosach* 1996
- *Trzecia połowa* 1996; 2. wyd. 2005
- *20 niezapomnianych przebojów i JO kultowych fotografii* 1996
- *Zimne kraje 3* 1997
- *Stare chłopcy prowadzą rowery na techno* 1998
- *Pieśni profana* 1998
- *Czynny do odwołania* 2001
- *Nieczynny* 2003
- *Wiersze wyprane* 2003
- *49 wierszy o wódce i papierosach* 2004
- *Muzyka środka* 2006
- *Nieoczywiste* 2007

Proza

- *Katecheci i frustraci* 2001 (jako Marianna G. Świeduchowska; z G. Dyduchem)
- *Kotek* w antologii *Trupy Polskie* 2005
- *Dwanaście* 2006
- *Trzynaście* 2007

Dyskografia

z grupą Świetliki

- *Ogród koncentracyjny* 1995
- *Cacy cacy fleischmaschine* 1996
- *Cacy cacy love mix EP* 1996 .
- *Perły EP* 1999
- *Wieprze EP* 1999
- *Perły przed wieprze* 1999
- *Złe misie* 2001
- *Las Putas Melancólicas* 2005

STEFAN CHWIN

Stefan Chwin (ur. 11 kwietnia 1949 w Gdańsku) - polski powieściopisarz, krytyk literacki, eseista, historyk literatury, grafik związany z Gdańskiem, doktor habilitowany, profesor nadzwyczajny Uniwersytetu Gdańskiego na Wydziale Filologiczno-Historycznym.

Wykłada na Uniwersytecie Gdańskim. Debiutował pod pseudonimem **Max Lars**. Swoje artykuły publikuje w czasopiśmie zagranicznych: niemieckich, szwedzkich, anglojęzycznych, a także w prasie polskiej. Jako naukowiec zajmuje się romantyzmem i romantycznymi inspiracjami w literaturze nowoczesnej (m. in. u Witolda Gombrowicza). W swoich powieściach często nawiązuje do myśli Fryderyka Nietzschego.

Najśłynniejszą jego powieścią jest „Hanemann” (1995), przetłumaczony między innymi na język niemiecki i angielski oraz nagrodzony Paszportem Polityki. Książka opowiada o Wolnym Mieście Gdańsk opuszczanym tuż po wojnie przez dotychczasowych niemieckich mieszkańców i zajmowanym przez repatriantów ze Wschodu.

Chwin jest członkiem Stowarzyszenia Pisarzy Polskich. W latach 1996-2003 juror Literackiej Nagrody Nike.

Wybrane utwory

- *Ludzie-skorpiony*
- *Człowiek-Litera*
- *Wspólna kąpiel*
- *Bez autorytetu* (szkice krytyczne)
- *Krótką historią pewnego żartu* (1991)
- *Literatura i zdrada* (1993)
- *Hanemann* (1995)

- *Romantyczna przestrzeń wyobraźni* (1998)
- *Esther* (1999)
- *Złoty pelikan* (2003)
- *Kartki z dziennika* (2004)
- *Żona prezydenta* (2005)
- *Dolina Radości* (2006)

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Stefan_Chwin"

ANDRZEJ STASIUK

Andrzej Stasiuk (ur. 1960 w Warszawie) - polski pisarz, poeta, publicysta, eseista, dramaturg.

Życiorys

Wydalony kolejno: z liceum ogólnokształcącego, technikum, zasadniczej szkoły zawodowej. We wczesnych latach 80. zaangażowany w działalność Ruchu Wolność i Pokój, zdezerterował z wojska, za co półtora roku spędził w więzieniu.

W 1987 wyjechał z Warszawy i zamieszkał w Wołowcu, w Beskidzie Niskim.

Andrzej Stasiuk

Laureat nagrody Fundacji Kultury (1994), Fundacji im. Kościelskich (1995), im. S. B. Lindego (2002), kilkakrotnie nominowany do literackiej nagrody Nike. W 2005 r. otrzymał Nike za *Jadąc do Babadag*. Rok 2007 nagroda im. Arkadego Fiedlera Bursztynowy Motyl za "Fado".

Autor licznych felietonów prasowych ("Tygodnik Powszechny", "Gazeta Wyborcza", "Tytuł", "OZON", "Frankfurter Allgemeine Zeitung" i inne).

Jego książki zostały przetłumaczone na wiele języków m.in. na angielski, fiński, francuski, holenderski, niemiecki, rosyjski, norweski, ukraiński, węgierski, włoski i rumuński.

Wraz z żoną Moniką Sznajderman prowadzi Wydawnictwo Czarne, specjalizujące się w literaturze środkowoeuropejskiej.

Twórczość

- *Mury Hebronu* (1992)
- *Wiersze miłosne i nie* (1994)
- *Biały kruk* (1995) - nagroda Kościelskich
- *Opowieści galicyjskie* (1995)

- *Przez rzekę* (1996)
- *Dukla* (1997)
- *Dwie sztuki (telewizyjne) o śmierci* (1998)
- *Jak zostałem pisarzem (próba autobiografii intelektualnej)* (1998)
- *Dziewięć* (1999)
- *Moja Europa. Dwa Eseje o Europie Zwanej Środkową* (wraz z Jurijem Andruchowiczem, 2000)
- *Tekturowy samolot* (2000)
- *Opowieści wigilijne* (razem z Olgą Tokarczuk i Jerzym Pilchem, 2000)
- *Zima* (2001)
- *Jadąc do Babadag* (2004; Nominacja do Śląskiego Wawrzynu Literackiego, maj 2005 r.; Nagroda literacka Nike, październik 2005)
- *Noc. Słowiańsko-germańska tragifarsa medyczna* (2005)
- *Fado* (2006) nagroda literacka im. Arkadego Fiedlera "Bursztynowy Motyl"
- *Ciemny las* (2007)
- *Dojczland* (5 października 2007)

Linki zewnętrzne

- Oficjalna strona internetowa Andrzeja Stasiuka (<http://www.stasiuk.pl>)
- Oficjalna strona internetowa Wydawnictwa Czarne (<http://www.czarne.com.pl>)
- Piotr Trybalski - Fotografie (<http://trybalski.com/stasiuk>) - sesja zdjęciowa Andrzeja Stasiuka

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Andrzej_Stasiuk"

PIOTR SOMMER

Piotr Sommer (ur. 1948 w Wałbrzychu) poeta, tłumacz współczesnej poezji amerykańskiej, angielskiej oraz irlandzkiej.

Studiował anglistykę w Warszawie. Tłumaczył utwory: Johna Ashbery'ego, Johna Berrymana, Ciarana Carsona, Franka O'Hary, Seamus Heaney, Kennetha Kocha, Michaela Longleya, Roberta Lowella, Dereka Mahona, Charlesa Reznikoffa. Laureat nagrody im. Kościelskich w 1988 roku. Opublikował kilkanaście książek poetyckich i krytycznoliterackich, zredagował wiele ważnych antologii (m.in. prezentujących współczesną poezję amerykańską i angielską). Píše także wiersze dla dzieci. Jest redaktorem naczelnym miesięcznika "Literatura na świecie". Jest członkiem Stowarzyszenia Pisarzy Polskich. Mieszka w Sulejówku.

Twórczość

Poezja

- *W krześle* (1977)
- *Pamiętki po nas* (1980)
- *Przed snem* (1981)
- *Kolejny świat* (1983)
- *Czynnik liryczny* (1986)
- *Czynnik liryczny i inne wiersze* (1988)
- *Things to Translate & Other Poems* (1991)
- *Nowe stosunki wyrazów. Wiersze z lat siedemdziesiątych i osiemdziesiątych* (1997)
- *Piosenka pasterska* (1999)

Przekłady

- Brian Patten, *Słoń i kwiat. Prawie bajki* (1982).

- *Antologia nowej poezji brytyjskiej*, Czytelnik, Warszawa 1983.
- Frank O'Hara, *Twojapojedynczość* (1987)
- Charles Reznikoff, Gré(1991).
- John Ashbery, *No i wiesz* (1993).
- Allen Ginsberg, *Znajomi z tego świata* (1993).
- *Sześciu poetów północnoirlandzkich*, Świat Literacki, Warszawa 1993.
- *Artykuły pochodzenia zagranicznego*, Wydawnictwo Marabut, Gdańsk 1996.
- Ciaran Carson, *Tak*, M(1998).
- Seamus Heaney, *Kolejowe dzieci* (1998).
- Michael Longley, *Lodziarz z Lisburn Road* (1998).
- Derek Mahoń, *Wszystko będzie dobrze* (1998).
- Douglas Dunn, *Wyprowadzka z Terry Street* (1999).
- D.J. Enright, *Raj w obrazkach*, Biuro Literackie, Legnica 2003.
- *O krok od nich. Przekłady z poetów amerykańskich*, Biuro Literackie, Wrocław 2006.

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Piotr_Sommer"

MANUELA GRETKOWSKA

Manuela Gretkowska (ur. 6 października 1964 w Łodzi) - polska pisarka, scenarzystka filmowa, felietonistka i działaczka społeczna, założycielka polskiej Partii Kobiet.

Życiorys

Manuela Gretkowska w Sztokholmie rok 2002

Ukończyła filozofię na Uniwersytecie Jagiellońskim w Krakowie. W Krakowie współpracowała z pismem *brulion*.

W roku 1988 wyjechała do Francji i w Paryżu ukończyła antropologię w Ecole des hautes etudes en sciences sociales. Na początku lat 90. wróciła do kraju. Była zastępczynią redaktorki naczelnej *Elle*, a potem dyrektorką literacką tego pisma. Pisała felietony do *Elle*, *Cosmopolitan*, *Wprost*, *Polityki*, *Machiny*, *Cogito*.

Manuela Gretkowska debiutowała powieścią *My zdieś' emigranty* (1991), w której w sposób ironiczny opowiedziała o doświadczeniach młodego pokolenia ludzi wyjeżdżających z Polski. Twórczość młodej pisarki przychylnie ocenił Czesław Miłosz, którego wypowiedź opublikowano w pierwszym wydaniu. Następne trzy książki Gretkowskiej opisywały żywot zamieszkałej we Francji współczesnej bohemy artystyczno-intelektualnej. *Tarot paryski* (1993), *Kabaret metafizyczny* (1994) oraz *Podręcznik do ludzi. Tom pierwszy i ostatni: czaszka* (1996) łączy fascynacje gnozą, kabałą, postacią Marii Magdaleny i motywem czaszki w kulturze światowej. W tym czasie pisarka zyskała opinię "skandalistki" i "postmodernistki". Proza Marnieli Gretkowskiej unikała patetycznego języka, bliżej jej było do lekkości i uszczypliwości eseju. W 1996 roku Gretkowska napisała scenariusz do filmu Andrzeja Żuławskiego *Szamanka*.

W roku 1997 wyjechała do Szwecji. Wydała kilka opowiadań zebranych w książce *Namiętnik* (1998), relacje ze światowych

podróży *Światowidz* (1998) oraz felietony pod wspólnym tytułem *Silikon* (2000). Współtworzyła scenariusz pierwszego sezonu serialu obyczajowego *Miasteczko* (2000).

Najnowsza twórczość Gretkowskiej skłania się ku prozie osobistej, niemal intymnej. *Polka* (2001) była dziennikiem ciąży pisarki, zaś *Europejka* (2004) przynosi dowcipny obraz zmieniającej się Polski widziany oczami Gretkowskiej-intelektualistki. W 2003 roku autorka wraz z partnerem Piotrem Pietuchą napisała *Sceny z życia pozamalżeńskiego*. Trzy lata później Manuela Gretkowska napisała dla miesięcznika *Sukces* felieton nieprzychylny braciom Kaczyńskim. Miesięcznik trafił do kiosków z tym tekstem wyciętym (dosłownie) z każdego egzemplarza¹¹.

Obecnie mieszka w podwarszawskim Ustanowie wraz z córką Połą i psychoterapeutą i pisarzem, Piotrem Pietuchą.

W 2007 roku przekształciła ruch społeczny "Polska jest kobietą" w nową partię polityczną - Partię Kobiet, z którą zamierza ubiegać się o mandaty w polskim i europejskim parlamencie. W październiku 2007 po wyborach parlamentarnych zrezygnowała z przewodnictwa w partii. W dniu 19 kwietnia 2008 roku w Warszawie odbył się I Ogólnopolski Zjazd Partii Kobiet.

Twórczość

Książki

- *My zdies' emigranty* (1991)
- *Tarot paryski* (1993)
- *Kabaret metafizyczny* (1994)
- *Podręcznik do ludzi* (1996)
- *Namiętnik* (1998)
- *Światowidz* (1998)
- *Silikon* (2000)
- *Po łka* (2001)
- *Sceny z życia pozamalżeńskiego* (2003)
- *Europejka* (2004)
- *Kobieta i mężczyźni* (2007)

- *Na dnie nieba* (2007)

Scenariusze filmowe

- *Szamanka* (1996)
- *Egoiści* (1999)
- *Miasteczko* (serial telewizyjny)

Radio

Współpracowała z radiem RMF FM przy audycji "Świat na żółto i na niebiesko".

OLGA TOKARCZUK

Olga Tokarczuk (ur. 29 stycznia 1962 w Sulechowie) - pisarka, eseistka, autorka scenariuszy, poetka.

Ukończyła psychologię na Uniwersytecie Warszawskim. Mieszka w Krajanowie, koło Nowej Rudy, w Sudetach. Pracowała jako psychoterapeutka w Wałbrzychu. Uhonorowana wieloma nagrodami, m.m. nagrodą Polskiego Towarzystwa Wydawców Książek, nagrodą Fundacji im. Kościelskich (1997), paszportem Polityki oraz kilkoma nominacjami do literackiej Nagrody Nike, trzykrotna laureatka Czytelników Nike. Pisarka jest ceniona zarówno przez czytelników, jak i krytyków. Od roku 2004 organizuje we Wrocławiu i Jeleniej Górze Festiwal Opowiadań, na którym autorzy krótkich form literackich z różnych krajów świata prezentują swoje dokonania. Od 2008 także wykładowczyni Uniwersytetu Opolskiego Beata Łabutin: "GW"

(<http://miasta.gazeta.pl/opole/1,35086,4909179.html>) (pl).

Zadebiutowała w roku 1979 na łamach pisma „*Naprzelaj*”, gdzie pod pseudonimem Natasza Borowin publikowała pierwsze opowiadania.

Jako powieściopisarka debiutowała w 1993 roku. Opublikowała wówczas *Podróż ludzi Księgi*. Książka uzyskała nagrodę Polskiego Towarzystwa Wydawców Książek.

W 1995 roku ukazała się druga powieść autorki, *E. E.* Książka opowiada o dojrzewaniu dziewczynki, która nagle uzyskuje zdolności parapsychiczne i równie nagle je traci.

Największym dotychczasowym sukcesem Tokarczuk, okazała się wydana w 1996 roku, powieść *Prawiek i inne czasy*. Książka została nominowana do literackiej nagrody Nike w roku 1997, uzyskując nagrodę czytelników.

Rok 1998 przyniósł zbiór opowiadań zebranych w tomie *Szafa*, a także kolejną powieść zatytułowaną *Dom dzienny, dom nocny*. To drugi utwór Tokarczuk, który został nominowany do prestiżowej Nike.

Do literackiej nagrody Nike nominowany został również zbiór dziewiętnastu opowiadań - *Gra na wielu bębenkach*, wydany w roku 2001.

W roku 2004 ukazały się *Ostatnie historie*. Książka ta dotyczy problemów dla człowieka najbardziej uniwersalnych, a składa się z trzech oddzielnych opowieści, ukazanych w niezależnym od siebie czasie i przestrzeni.

W pierwszej połowie października 2007 roku, ukazała się najnowsza powieść Tokarczuk - *Bieguni*. Jest to powieść w której Olga Tokarczuk opowiada o sobie i o swoim widzeniu świata.

Tokarczuk pracowała nad *"Biegunami"* przez trzy lata. Wspomina, że większość notatek robiła w czasie podróży. "Ale nie jest to książka o podróży. Nie ma w niej opisów zabytków i miejsc. Nie jest to dziennik podróży ani reportaż. Chciałam raczej przyjrzeć się temu, co to znaczy podróżować, poruszać się, przemieszczać. Jaki to ma sens? Co nam to daje? Co to znaczy" - pisze we wstępie autorka.

Jak mówi sama Tokarczuk: "Pisanie powieści jest dla mnie przeniesionym w dojrzałość opowiadaniem sobie samemu bajek. Tak jak to robią dzieci, zanim zasną. Posługują się przy tym językiem z pogranicza snu i jawy, opisują i zmyślają."

Inspiruje się m. in. Karolem Gustawem Jungiem.

Dziela

- *Miasto w lustrach* (1989 - zbiór wierszy)
- *Podróż ludzi Księgi* (1993)
- *E.E.* (1995)
- *Prawiek i inne czasy* (1996)
- *Szafa* (1997)
- *Dom dzienny, dom nocny* (1998)

- *Opowieści wigilijne* (razem z Jerzym Pilchem i Andrzejem Stasiukiem) (2000) . *Lalka i perła* (2000)
- *Gra na wielu bębenkach* (2001)
- *Ostatnie historie* (2004)
- *Anna In w grobowcach świata* (2006)
- *Bieguni* (2007)

Linki zewnętrzne

- Oficjalna strona
(<http://www.tokarczuk.wydawnictwoliterackie.pl/>)
Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wik^01ga_Tokarczuk"

TOMASZ PIĄTEK

Tomasz Piątek (ur. 16 marca 1974 w Pruszkowie) - polski pisarz i dziennikarz. Mieszka w Warszawie, obecnie pracuje w agencji reklamowej.

Ukończył lingwistykę na Università degli Studi di Milano. W latach 1995-1999 pracował jako dziennikarz w "Polityce", RMF FM, "La Stampa", Inforadiu, Radiostacji, "Gazecie Wyborczej" oraz ekspert - psycholingwista. Publikuje felietony w miesięczniku "Film".

W latach 1997-1999 był uzależniony od heroiny. Jego debiutem książkowym była powieść *Heroina*, oparta częściowo na własnych doświadczeniach. Książka zyskała duży rozgłos, między innymi ze względu na brak jednoznacznej negatywnej, bądź pozytywnej oceny heroiny. Powieść nagrodzona została honorową nagrodą "Książka Lata 2002" przez Bibliotekę Raczyńskich w Poznaniu, zaś Piątek nominowany był do Paszportu Polityki. Drugą książką Piątka była powieść kryminalna *Kilka nocy poza domem*, zaś w roku 2003 rozpoczął trylogię fantasy *Ukochani Poddani Cesarza*.

Bibliografia

- *Heroina* (Wydawnictwo Czarne 2002)
- *Kilka nocy poza domem* (Wydawnictwo Czarne 2002)
- *Bagno* (Wydawnictwo Czarne 2004)
- *Przypadek Justyny* (Wydawnictwo Czarne 2004)
- *Nionio* (Wydawnictwo Literackie 2005)
- *Dobry Pan* (Państwowy Instytut Wydawniczy 2005)
- *Błogosławiony wiek* (Państwowy Instytut Wydawniczy 2006)

Ukochani Poddani Cesarza

- *Żmije i krety* (Runa 2003)
- *Szczury i rekiny* (Runa 2004)
- *Elfy i ludzie* (Runa 2004)

Źródło: "http://pl.wikipedia.org/wiki/Tomasz_Pi%C4%85tek"

ЛИТЕРАТУРА

1. Г.Померанц После постмодернизма, или Искусство XXI века – «Литературная газета», 3 июля, 1996 года.
2. М. Энштейн. Еще один ГУЛАГ. Архипелаг гонимых умов, логических альтернатив и гипотез. - «Литературная газета», 14 октября, 1998 года.
3. K. Wyka. *Modernizm polski*. Krakow, 1969.
4. J. Klejnocki, J.Sosnowski, *Chwilowe zawieszenie broni*. Warszawa, 1996, s. 106-107.
5. И.Ильин. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа, М., 1998, с.171.
6. J. Jarzebski. *Apetyt na przemiane*. Krakow, 1997, s.76.
7. И.Адельгейм. Польская проза межвоенного двадцатилетия: между Западом и Россией. Феномен психологического языка. М, 2000.
8. Zbigniew Herbert *Kraj. Z tomu Hermes, pies i gwiazda*, 1957.
9. Лешек Шаруга. Поэзия боли. «Новая Польша», № 12, 2007, с.56.
10. “Swiat w zwierciadle prozy. Rozmowa z Jerzym Jarzebskim”.–P. Czaplinski, *Kontrapunkt. Rozmowy o ksiazkach*, Poznan, 1999.
11. J. Olejniczak. *Brudne majtki, Byt i nicosc*. – Fa –art, 1996. № 3 (25), с.68.
12. Zrodlo: “http://pl.wikipedia.org/wiki/Stefan_Chwin. Kategorie: Ludzie zwiazani z Gdanskim. Polscy pisarze wspolczesni /Polscy historycy literatury /Wykladowcy Uniwersytetu Gdańskiego/. Urodzeni w 1949.
13. Zrodlo: <http://pl.wikipedia.org/wiki/Pawe%20Huelle>” Kategorie: Ludzie zwiazani z Gdanskim. Polscy pisarze wspolczesni. Urodzeni w 1957.
14. Zrodlo: <http://pl.wikipedia.org/wiki/Andrzej-Stasiuk> „kategorie: Polskie pisarze Urodzeni w 1960.
15. Zrodlo: “<http://pl.wikipedia.org/wiki/Jerzy-Pilch>” Kategorie: Ludzie zwiazani z Gdanskim. Polscy pisarze wspolczem. Urodzeni w 1952.

16. Zrodlo: "[http://pl.wikipedia.org/wiki/olga Tokarczuk](http://pl.wikipedia.org/wiki/olga_Tokarczuk)" Kategorie: Ludzie zwiazani z Gdanskim. Polscy pisarze wspolczesni. Urodzeni w 1962.
17. Zrodlo: "<http://pl.wikipedia.org/wiki/Krzysztof-Varga>" Kategorie: Zalaszki Artykulow – biografia. Polscy pisarze. Urodzeni w, 1968.
18. Zrodlo: "[http://pl.wikipedia.org/wiki/Manuela - Gretkowska](http://pl.wikipedia.org/wiki/Manuela-Gretkowska)"
19. Лешек Шаруга. Голос из Атлантиды. «Новая Польша», №3, 2008, с.43.
20. Zrodlo: "[http://pl.wikipedia.org/wiki/Wojciech Kuczok](http://pl.wikipedia.org/wiki/Wojciech_Kuczok)" Kategorie: Polscy pisarze. Slazacy. Ludzie zwiazani z Chorzowem. Urodzeni w 1972.
21. Zrodlo: "[http://pl.wikipedia.org/wiki/S % c 5% 82 awomir - Shuty](http://pl.wikipedia.org/wiki/S%20c%205%20awomir-Shuty) 24. Zrodlo: "[http://pl.wikipedia.org/wiki/Jacek Dukaj](http://pl.wikipedia.org/wiki/Jacek_Dukaj)
22. Zrodlo: "[http://pl.wikipedia.org/wiki/Tomasz - pi % c4%85 tek](http://pl.wikipedia.org/wiki/Tomasz-pi%20c4%85tek)
23. Zrodlo: "[http://pl.wikipedia.org/wiki/Dorota - Maslowska](http://pl.wikipedia.org/wiki/Dorota-Maslowska)
24. См. «Новая Польша», 2000, №5.
25. Zrodlo: [www. Polska 2000. pl](http://www.Polska2000.pl).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I

Литература независимой Польши (1918-1939)

“Młoda Polska”(«Молодая Польша»)..... 3

ГЛАВА II

Модернизм в польской литературе XX века.

Польская литература 1960-80 годов..... 50

ГЛАВА III

Последняя декада развития Польской народной республики. “Nowa fala”(«Новая волна»)..... 128

ГЛАВА IV

Польская литература на рубеже XX-XXI веков.

Постмодернизм в современной Польской литературе
«brulion» («черновик»)..... 168

Gülər Həsən qızı Abdullabəyova

Müasir Polşa ədəbiyyatı

Dərs vəsaiti

Çapa imzalanıb: 26.02.2010

Format: 60x84 1/16, Sifariş 011. Tiraj 200.

Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi

Bakı Slavyan Universiteti

«Kitab aləmi» Nəşriyyat-Poliqrafiya Mərkəzi

Ünvan: Bakı, S.Rüstəm 25.